

Г. А. БРЫКИНА

Юго-Западная
Фергана
в первой половине
I тысячелетия
нашей эры

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

Г. А. БРЫКИНА

Юго-Западная
Фергана
в первой половине
I тысячелетия
нашей эры

Издательство «Наука»
Москва 1982

В монографии рассматриваются вопросы истории населения района Ферганы в первой половине I тысячелетия н. э. На основе археологического материала исследуются проблемы хозяйственно-производственной деятельности и культуры населения, идеологии и культурных связей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Е. Е. НЕРАЗИК

Введение

Юго-Западная Фергана представляет собой горную область, входящую в систему Туркестанского хребта и занимающую его северные склоны. В эту область входят ряд ландшафтных зон. Естественно-географические условия определили в каждой из них направление развития хозяйства. Горный рельеф обусловил своеобразие топографии поселений.

В районе различаются среднегорный и высокогорный типы рельефа. В соответствии с рельефом в южных предгорьях Ферганы выделяются четыре района: Ферганский, Восточно-Алайский, Западно-Алайский, Туркестанский. Последний включает исследуемую область. Он занимает северные склоны Туркестанского хребта и простирается на восток до р. Сох. На западе его границей является р. Аксу. Южной границей района является Туркестанский хребет, который местами имеет высоту до 5500 м. Высота хребта понижается с востока на запад. Однако на всем протяжении он поднимается за линию снега.

Северный склон хребта складывается из ряда широтных цепей, отделенных друг от друга продольными понижениями или же широкими межгорными котловинами, для большинства которых характерна замкнутость. Характерной особенностью района является высокогорность. Количество осадков — 80—100 мм.

В районе выделяются шесть подрайонов: Баткенская впадина, Чорку-Ляйлякская впадина, Исфаянская впадина, впадина Тюя-Джойлоу, Ташраватская впадина, адыры междуречья Сох — Шахмардан.

Баткенская впадина представляет собой внутригорную равнину. Поверхность слабо расчленена, она имеет наклон с юго-востока на северо-запад. Абсолютные отметки ее в южной части — 1500 м, в северной — 900 м. На юге впадину ограничивает основная гряда Туркестанского хребта, имеющего широтное направление. На западе от Чорку-Ляйлякской впадины Баткенскую отделяют хребты меридианального направления: Карабель, Джантык, Кокбель. Большую роль в водоснабжении района играют грунтовые воды. Основной водной артерией является большой родник Карабулак, который почти полностью разбирается на полях.

Чорку-Ляйлякский подрайон занимает междуречье Ходжа-Бакырган — Исфара. В районе преобладают наклонные равнины с абсолютными отметками 1400—1700 м. В западной части развит адырный тип рельефа. Особенностью района является малое количество водостоков. Основные реки — Кара-Мойнок, Андыган; кроме того, есть сая, которые действуют в период паводков и таяния снегов.

Территория северной части впадины из-за отсутствия воды не используется для земледелия, в южной же части имеются посевы зерна. Населенные пункты сосредоточены в основном в западной и юго-западной частях.

Исфанинская впадина с запада ограничена р. Аксу, с востока — р. Ходжа-Бакырган, с севера она обрамлена Передовым хребтом, с юга — хребтом Кочкештау и зоной высоких плато.

Рельеф котловины сложен. В западной и восточной частях впадины находятся равнины, на востоке котловины расположена увалистая поверхность адырного типа. Адырный рельеф отмечен в междуречье Аксу — Карасу, в окрестностях Тогузбулака. Воды в районе мало. Орошение, основанное на использовании родниковых вод, имеют Карабулак, Исфана. Основная площадь занята багарными посевами ячменя.

Впадина Тюя-Джойлоу расположена к югу от Исфанинской впадины. Она представляет собой обширную межгорную равнину, используемую под пастбище. Абсолютные отметки 2000—2900 м.

Ташраватская впадина занимает северные склоны Туркестанского хребта. С севера ее ограничивает хребет Белесенк, с юга и юго-востока — гряда Сулюкта-Катранского поднятия. Абсолютная отметка — от 700 до 1200 м. Общий уклон поверхности с востока на запад. Основной водной артерией является р. Ходжа-Бакырган, которая течет с юга на север, наиболее полноводная в июле — августе — в период интенсивного таяния снега и ледников.

Из-за весьма глубокой расчлененности рельефа природа района чрезвычайно разнообразна.

В климатическом отношении район характеризуется как переходный от субтропического к климату пустынных умеренных широт. Абсолютный максимум температуры здесь выше, чем в Восточной Ферганае, но значительно ниже, чем в районах, расположенных к западу. Заморозки наступают рано. Число дней со снегом неустойчиво и в разных зонах различно. На гребнях Туркестанского хребта снег держится в течение всего года. В высокогорных долинах он лежит по 2—3 месяца. Осадки в виде дождя и снега выпадают в основном зимой, летом же стоит сухая и жаркая погода¹.

Реки стекают с гор и имеют быстрое течение. Наиболее многоводными они бывают в июле — августе — в период активного таяния снега и ледников.

Изучаемая область представляла собой контактную зону, входившую в состав двух государств, известных с глубокой древности — в Уструшану и в Фергану. Западная часть района входила в состав Уструшаны, являясь самым восточным ее рустаном, граничившим с западным рустаном Ферганы — Аспарой-Исфарой. Граница между областями пролегла примерно в районе долины р. Ходжа-Бакырган. Восточная часть области (территория современного Баткенского района) входила в состав рустака Аспара².

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют предположить, что заселение предгорий Ферганы началось в первых веках н. э., когда началось массовое переселение из долины в предгорья. До этого, как полагает С. С. Сорокин, предгорья были заселены малочисленными общинами, которые вели примитивное земледельческое и скотоводческое хозяйство. Первые этапы заселения были связаны с развитием в долине яйлажного скотоводства и поэтому первыми переселенцами, пришедшими в предгорья, были пастухи³. Такое переселение было обусловлено чисто внутренними хозяйственными причинами. К первым векам н. э. быстрыми темпами раз-

вивается ирригационное земледелие. Резко возрастают площади возделываемых под пашни земель и соответственно сокращаются пастбища. Это способствовало тому, что из долины в малозаселенные горные районы переселяется та часть населения, которая веда скотоводческое хозяйство.

Фергана с древнейших времен была густонаселенной областью. Чжан Цянь, посетивший Среднюю Азию во II в. до н. э., писал, что в Ферганае «70 больших и малых городов, пародоваселение — несколько сот тысяч человек»⁴. Позже Ибн Хаукаль также отмечал густонаселенность Ферганы: «В Мавераннахре нет селений, превышающих по величине ферганские. Иногда из-за многолюдства или же из-за обилия скота и пастбищ пределы селений достигают одного дневного перехода»⁵.

В первых веках н. э. возникают крупные поселения и города, вокруг которых располагаются неукрепленные поселения. Именно в это время формируется топография земледельческих оазисов.

В Ферганае и ее предгорьях существовала органическая связь между скотоводами и земледельцами, которая определила развитие области. Здесь шел постоянный взаимный обмен опытом и хозяйственными навыками. Это привело в конечном счете к созданию комплексного хозяйства.

Материальную культуру области характеризуют два вида памятников — поселения и могильники. Последние почти непрерывной цепью охватывают земледельческие оазисы.

Поселения исследуемого района располагаются в узких межгорных долинах, образующих изолированные в географическом отношении микро-районы, которые почти не различаются в историко-культурном отношении. Поселения располагаются вдоль основных водных артерий (Исфара, Исфана, Ходжа-Бакырган). В некоторых случаях они сосредотачиваются в местах, наиболее обильных источниками грунтовых вод (Исфанинская и Баткенская впадины). Наиболее плотно заселенными оказались долины, примыкавшие к равнинной Ферганае. Это — Керкидонский оазис, долина р. Ходжа-Бакырган и Исфаринская долина.

Юго-западные предгорья Ферганы являются районом, где соседство поселений и могильников чрезвычайно близкое, а сходство материалов из поселений и могильников очевидное и яркое. Это обстоятельство свидетельствует, видимо, о тесных контактах населения, обитавшего на поселениях, с населением, оставившим могильники. Особенно хорошо это прослеживается в наиболее плотно заселенной долине р. Ходжа-Бакырган, где открыт ряд крупных поселений, в непосредственной близости от которых располагаются могильники. Большое сходство материалов из поселений и могильников заставляет думать, что оба вида памятников принадлежали одному и тому же населению.

При написании работы использованы в основном материалы, добытые раскопками автора. Привлечены также материалы, полученные Ю. А. Заднепровским при обследовании этого района в 1956—1958 гг.⁶

Раскопки проведены на пяти поселениях. Полностью исследован раннесредневековый замок в Карабулаке, значительные раскопки проведены на многослойном поселении Актепе, где вскрыты полностью сооружения верхнего строительного горизонта. На крупнейшем в районе поселении в кишлаке Тагап в стратиграфическом раскопе вскрыты сооружения восьми строительных горизонтов. На поселении Андархан открыты сооружения

первых веков н. э. В значительной степени исследована усадьба Кайрагач, где также выявлена сложная стратиграфия. Обширные материалы из Кайрагача особенно важны для изучения истории района, для характеристики хозяйственной и культурной деятельности его населения. Особенно важны они для выявления ареала и характера связей с соседними областями и для решения проблемы контактов земледельческого и скотоводческого населения.

В разные годы в работе экспедиции принимали участие сотрудники Института археологии АН СССР И. Н. Мартынова, Т. М. Кузнецова, Т. Д. Николаенко, А. М. Чернецов, С. Н. Корневский, художник С. И. Симонов, архитекторы И. Гоцева, Н. Смирнова, Н. Гаврилова, А. Н. Бакалягин, кандидат хим. наук А. М. Данилов, сотрудники Всесоюзного научно-реставрационного центра имени акад. И. Э. Грабаря, В. П. Потемкина и Л. В. Простякова. Всем им, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность.

---

¹ Ачилов Х. Г. Физико-географические особенности западной части Ферганской долины (Северный Таджикистан). — Учен. зап. Ленинабад. пед. ин-та им. С. М. Кирова, 1956, Вып. 3.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963, с. 221—226; Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957, с. 5—24; Он же. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен до X в. — МИА, 1953, № 37, с. 237.

³ Сорокин С. С. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

⁴ Бичурич Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950.

⁵ Беггер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абду-л-Касыма Ибн-Хаукаля. — Тр. САГУ, 1957, т. 4, с. 26.

⁶ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960.

Глава I

Поселения Ферганы

Динамика развития поселений

Из сообщений древних авторов Уструшана и Фергана предстают перед нами как области высокоразвитой городской культуры.

В Уструшане первый этап строительства городов связывается с ахеменидским завоеванием: ахемениды с целью укрепления северной границы своих владений построили здесь пять крепостей, вокруг которых впоследствии выросли города. Второй этап градостроительства относится к греко-македонскому нашествию, когда на Сырдарье также строились крепости, переросшие в города. Именно к этому времени отнесилось возникновение городской жизни на территории современного Ленинабада. Здесь В. В. Бартольд был склонен локализовать Александрию Крайнюю¹. Эту точку зрения разделял ранее Н. Н. Негматов². Но большие археологические материалы, добытые раскопками последних лет, позволили Н. Н. Негматову прийти к заключению о том, что город на территории Ленинабада сложился гораздо раньше прихода сюда войск Александра Македонского³.

Письменные сведения о средневековых городах Уструшаны более пространны, но противоречивы. Согласно Ал-Якуби, «Уструшана — страна обширная, говорят, что в ней 400 крепостей-замков и у нее множество больших городов». Те же сведения о количестве уструшанских замков и городов сообщают Ахмад ал-Катиб и ал-Димешка⁴. По словам Макдиси, в Уструшане было 17 округов-рустаков, девять из которых находились в горных районах. Другие авторы говорят о том, что почти каждый город имел свой рустак. Но не в каждом рустаке был город.

В. В. Бартольд, изучивший историческую географию Средней Азии на основании письменных источников, пришел к выводу о том, что в Уструшане городская жизнь была развита слабо. «Вообще городская жизнь в Уструшане была мало развита; область менее других подвергалась влиянию арабской культуры и потому должна была дольше сохранять особенности древнеарийского аристократического строя»⁵.

Широкие археологические исследования, развернувшиеся в области в послевоенные годы, привели исследователей к совершенно иному мнению. Н. Н. Негматов полагает, что уже к началу нашей эры городская жизнь в Уструшане была весьма развита. Уже в античную эпоху складываются конфедерации городов с коллективной обороной микрооазисов. В районе Канибадама выявлен защитный пояс, окружавший античный оазис⁶.

Наиболее ранние письменные сведения о Фергане восходят ко II в. до н. э., когда ее посетил китайский посланник Чжан Цянь. Он застал в Фергане большое количество городов. «Есть города и дома. В Давани на-

ходится до 70 больших и малых городов; народонаселение простирается до нескольких сот тысяч⁷», — писал он в своем донесении. Сведения Чжан Цзя подтверждаются археологическими данными. Как показали археологические исследования, уже на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в Ферганае были обширные укрепленные поселения с цитаделями, с хорошо развитой системой фортификации. Дальверзинское поселение обведено двойной стеной; двойное кольцо укреплений имело Эйлатанское городище (середина I тысячелетия до н. э.)⁸.

А. Н. Бернштам считал перевод Н. Я. Бичуриним сведений Чжан Цзя не совсем точным, так как Бичурин пользовался не подлинным текстом донесения, а изложением его в Шипци. В подлинном же тексте для обозначения термина «город» применены четыре иероглифа: «чэи го у ши». Буквальный их перевод: «городище и предместий, усадеб и домов». Бернштам полагал, что в донесении Чжан Цзя речь шла по крайней мере о двух видах поселений: об укрепленных общинных поселениях (чэи го) и одиночных усадьбах (у ши)⁹.

Бернштам подчеркивал, что для Ферганы на протяжении тысячелетия основным типом расселения были отдельно стоявшие дома и городища; причем, количество усадеб особенно возрастает в кушанский период; этот процесс А. Н. Бернштам был склонен связывать с распадом родообщинных отношений¹⁰. Об усадебном и замковом характере поселений Ферганы в первой половине I тысячелетия н. э. писали также Т. Г. Оболдуева¹¹, Н. Г. Горбунова¹², Ю. А. Заднепровский¹³. По мнению исследователей, в кушанский период (Ю. А. Заднепровский называет его мархаматским) земледельческое население осваивает всю долину и прилегающие предгорья. Наиболее распространенным типом являются стоящие отдельно или группой дома (это 1-й тип поселений, по классификации Н. Г. Горбуновой). Но встречаются также и укрепленные поселения. Городов мало, и они, по мнению Н. Г. Горбуновой, сосредоточены в восточной, наиболее густо заселенной части долины. Поселения, как правило, располагаются группами по верхам горных рек при выходе их в долину. Эти группы хорошо выделяются археологически¹⁴.

На основании анализа и сопоставления письменных и археологических данных Ю. А. Заднепровский пришел к выводу о том, что численность населения Ферганы в кушанский период составляла 500—600 тыс. человек. Основная часть жила в деревнях. Городское население составляло не более четверти всего населения Ферганы¹⁵. В средневековый период количественное соотношение городского и сельского населения почти не изменяется, хотя в топографии самой долины происходят качественные изменения.

Изменение облика земледельческих оазисов в эпоху средневековья отмечал уже в свое время А. Н. Бернштам: «После ликвидации жизни усадеб кушанского и даваньского времени на смену им в сельскохозяйственных районах предгорья приходят сильно укрепленные замки и крепости, которые играют двойную роль — с одной стороны, они являются резиденцией феодального владыки, а с другой, — являясь крепостью, форпостом, защищают оазис от внешних вторжений». В долине на месте кушанских замков возникают города как центры оазисов. Вокруг них располагаются усадьбы и замки земледельцев. Причину такого изменения типа расселения А. Н. Бернштам видит в смене общественных отношений¹⁶.

В середине I тысячелетия н. э. в Средней Азии начинают складываться феодальные отношения. Этот процесс сопровождается коренной перестройкой всей экономической и социальной структуры области. Археологические исследования показали, что он повлек за собой прекращение жизни многих крупных городов Средней Азии, запустение целых оазисов, сокращение орошаемых земель¹⁷. В Ферганае в середине I тысячелетия н. э. затухает жизнь в одном из крупнейших городов — Мархаматском городище, отождествленном А. Н. Бернштамом со столицей области — г. Эрши¹⁸. IV—V века н. э. были конечной датой жизни почти всех поселений Керкидонского оазиса (юго-восточные предгорья Ферганы). Исключение составляет здесь лишь одно поселение — Чунтепе, где открыты сооружения более позднего времени (VII—VIII и XI—XII вв.)¹⁹.

В конце V—VI в. н. э. во всех областях Средней Азии намечается подъем экономической жизни. В областях, наиболее экономически сильных, этот подъем начался раньше и процесс протекал более быстрыми темпами. Развитие Западной Ферганы и Уструшаны идет тем же путем, что и всей Средней Азии. Думаю, что у нас есть все основания говорить об экономическом и культурном подъеме в этих областях уже в V в. Глухие горные районы также оказались втянутыми в этот общий исторический процесс.

V—VIII века н. э. во всей Средней Азии характеризуются изменением всех форм материальной культуры. Изменяется тип расселения, заменяются тип жилищ и топография городов.

В свое время С. П. Толстов на основании материалов из Хорезма убедительно показал, что причину этих перемен нужно искать в коренных изменениях социально-экономического строя²⁰. К этому же мнению пришли впоследствии М. М. Дьяконов²¹, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский²², А. М. Мандельштам²³ и В. М. Массон²⁴.

Развитие равнефеодальный период идет двумя путями. Начинает складываться равнефеодальный город как административный, ремесленный и торговый центр (пример Пенджикента показал, что формирование феодального города в Средней Азии началось задолго до арабского нашествия)²⁵.

Начало формирования феодального города в Ферганае также, видимо, относится к середине I тысячелетия н. э. Город является экономическим и политическим центром небольшой округи и объединяет земледельческие поселения, располагающиеся в непосредственной близости от него. О наличии в Ферганае этого периода городов свидетельствуют китайские хроники. По их данным, в Ферганае было шесть городов-оазисов, а всего в Ферганае — около 1000 городов²⁶. Первые, очевидно, были фактически отдельными феодальными самостоятельными владениями. Каждый из этих уделов-рустаков представлял самостоятельное государство.

О большой раздробленности страны свидетельствует и Сюань Цзан, побывавший в Средней Азии в 30-е годы VII в. н. э. Он говорит: уже много десятков лет страна не имеет верховного правителя, что в ней много мелких владений, правители которых сражаются друг с другом. Политическая раздробленность способствовала экономической разобщенности.

С другой стороны, письменные данные и археологические материалы свидетельствуют о том, что распространенным типом расселения стано-

вятся сельские поселения, среди которых большое место принадлежит усадьбам и замкам. Это объясняется перемещением центра экономической жизни из города в деревню, а также изменениями, происшедшими в социальной структуре деревни. Наряду с усадьбами и замками были укрепленные селения, в которых жила значительная часть земледельческого населения. Изменения в топографии земледельческих оазисов отмечены повсеместно²⁷.

На основании исследований восточных и юго-восточных предгорий Ферганы А. Н. Бернштам пришел к выводу о максимальном распространении здесь в кушалский период земледельческой и пастушеско-земледельческой культуры. В последующие периоды в этих районах, по мнению А. Н. Бернштама, происходит сокращение поселений, связанное с новым стягиванием их в равнинную часть Ферганы²⁸.

Южные и юго-западные предгорья Ферганы заселяются земледельцами также в конце I тысячелетия до н. э. Это подтверждается находками в Ляйлякском и Баткенском районах Ошской области²⁹ и материалами Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского из Исфаринского района³⁰.

Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович считают, что долина Исфара была заселена довольно плотно. Продвижение переселенцев шло с севера или северо-востока³¹. Пришельцы из равнинной Ферганы заселили долину р. Ходжа-Бакырган, Исфаринскую, Баткенскую впадины. Об этом свидетельствует большое сходство предметов материальной культуры и, в первую очередь, керамики с поселений, открытых в предгорьях и в равнинной части Ферганы³².

Нужно сказать, что большие площади района заняты безводными сильно рассеченными горными хребтами долинами или плато, малопригодными для жизни и не освоенными до настоящего времени. Поселения же располагаются довольно густо вдоль основных водных артерий района (Исфана-Сай, Ходжа-Бакырган, Ляйляк, Исфара). В некоторых случаях поселения сосредоточиваются в местах с наиболее обильными источниками грунтовых вод (Карабулак, группа поселений в Баткенской впадине) (рис. 1).

Горный рельеф района обусловил некоторое своеобразие топографии поселений. С древнейших времен характерным типом расселения здесь были отдельно стоящие укрепленные дома, усадьбы и неукрепленные поселки. Они располагались на скалах и горных останцах, оставляя незанятыми земли, пригодные для возделывания. Это своеобразие сохранилось и в период развитого средневековья, когда здесь отсутствовали обширные по площади города с хорошо налаженной системой укреплений и ясно выраженным планом.

Для Ферганы, как и для всей Средней Азии, характерна территориальная преемственность, что было вызвано условиями орошаемого земледелия. Поэтому большая часть городищ и отдельных теле многослойна. Ранние постройки, как правило, скрыты под сооружениями более поздних периодов; причем последние иногда повторяют, но чаще изменяют внешние контуры сооружений более ранних периодов.

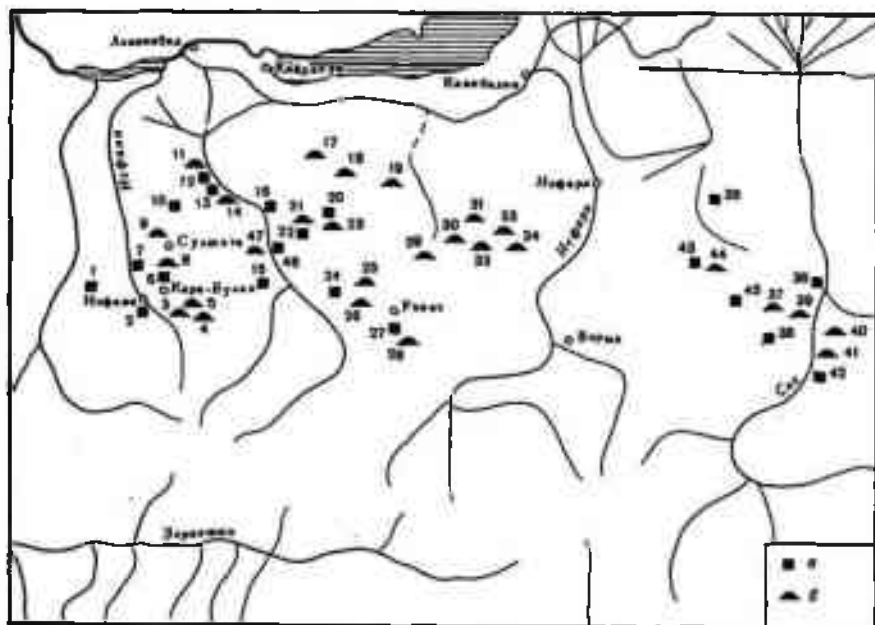
Поселениям предгорных районов преемственность территории свойственна в большей мере, чем равнинным. Это объясняется не только условиями орошаемого земледелия, но и ограниченностью земель, пригодных для

возделывания. Поселения первых веков, как правило, скрыты более поздними сооружениями и разрушены ими. Поэтому совершенно невозможно судить об их облике, а сами они фиксируются только подъемным материалом. Такая территориальная преимущество хорошо прослежена мною при раскопках на Актепе²⁵ и в Тагопе²⁶. Б. А. Литвинским и Е. А. Давидович — при раскопках замка Калаиболо, где в фундамент средневекового здания оказалась замурованной стена здания первых веков н. э.²⁷ Судя по подъемному материалу, равнесредневековому поселению Шалды-Балды предшествовало поселение первых веков. Находки в Карабулаке отдельных фрагментов красноангобириванной посуды, столь характерной для Ферганы первых веков н. э., дают возможность предположить возникновение здесь поселения в это время²⁸.

Плохая сохранность памятников, а также то обстоятельство, что большая часть поселений скрыта под современными постройками или посее-

Рис. 1. Карта расположения памятников

1 — Кара-Камарское; 2 — Исфана; 3 — Тогуз-Булак; 4 — Ак-Терек; 5 — Айбине; 6 — Карабулак; 7 — Шалды-Балды; 8 — Алмады; 9 — Сулюкта; 10 — Вулак-Ваши; 11 — Кайрагач, курганы; 12 — Кайрагач — поселение конандского времени; 13 — Кайрагач — поселение первых веков нашей эры; 14 — могильник к югу от с. Кайрагач; 15 — Валес-Мазар; 16 — Тагоп; 17 — 18 — Моргуи; 20 — Тепекоргон; 21 — Тагоп, курганы к юго-востоку от села; 22 — Чурбек; 23 — Моргуи; 24 — Карасу; 25 — Джерме-Чешме; 26 — Карамойнок; 27, 28 — Рават; 29 — Каракчи; 30, 32 — Гарм; 31, 33, 34 — Кон-и-Гут; 35 — Ваткен; 36 — Муг-Гуристон; 37 — Карабулак; 38 — Субаши; 39 — Кара-Тукай; 40, 41 — Тая; 42 — Кштут; 43 — Тегерман-Ваши; 44 — Тураташ; 45 — Актепе; 46, 47 — Андархан; а — поселения; б — могильники

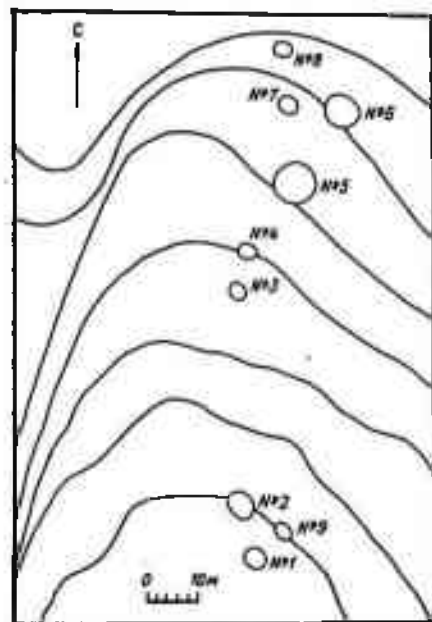
ми, затрудняют создание их типологии. И если о типах поселений VI—VIII вв. можно говорить хотя бы в общих чертах, то совершенно невозможно судить об облике поселений первых веков н. э.

Количество раннесредневековых поселений в V—VIII вв. по сравнению с предшествующим периодом резко возрастает, что подтверждается находками в Баткенском и Ляйлякском районах и соседнем с ними Исфаринском районе.

Расположение поселений и их типология

Как уже отмечалось выше, поселения исследуемого района располагаются в узких межгорных долинах, образующих изолированные географические микрорайоны, которые не различаются в культурно-историческом отношении. Наиболее плотно заселенными оказались долины, непосредственно примыкающие к равнинной Фергане. Это долина р. Ходжа-Бакырган и Исфаринская долина. В Исфаринской впадине наиболее освоенными оказались ее западная часть — собственно долина р. Исфанасая, где на обоих ее берегах расположены поселения первых веков н. э.: Кара-Камарское городище на левом притоке Исфанасая — Аксу и поселения с хорошо выраженными укреплениями Курганча и Шалды-Балды на правом берегу Исфанасая³⁷. Самым крупным поселением в районе является Карабулакское городище, где интенсивная жизнь протекала более тысячелетия³⁸.

Рис. 2. План могильника Андархан

Для всего района характерно тесное соседство поселений и могильников, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга, что особенно хорошо проявляется в наиболее плотно заселенной долине р. Ходжа-Бакырган. Большой могильник, насчитывающий около двухсот насыпей, расположен на левом берегу р. Ходжа-Бакырган, на западной окраине кишлака Кайрагач, в 2,5 км от обширного поселения, занимающего узкую полосу третьей надпойменной террасы на южной окраине кишлака³⁹. Другой могильник находится также на левом берегу реки, в 4—5 км к югу от поселения, в непосредственной близости от обширного поселения в кишлаке Бешкент. Он насчитывает около 40 земляных насыпей⁴⁰. В самой южной части долины, у подножия гряды, закрывающей долину с юга, в 3 км от кишлака Андархан, небольшой могильник занимает плато на левом берегу реки. В западной части плато находились курганы,

под каменными насыпями которых открыты захоронения середины I тысячелетия до н. э., совершенные на древнем горизонте. В восточной части площадки открыты захоронения более позднего времени. Всем комплексом находок они датируются серединой I тысячелетия н. э. Эта часть плато сильно разрушена. Поэтому о характере надмогильных сооружений и о конструкции погребений судить не представляется возможным (рис. 2). На правом берегу располагается большое поселение, которое занимает четыре площадки надпойменной террасы и датируется первыми веками н. э.⁴¹

Все обследованные поселения имеют вид неукрепленных поселков, располагавшихся вокруг укрепленного дома или замка дехкана. Поселения не имеют четкого плана, их топография подчинена рельефу местности. Они, как правило, занимают узкие прибрежные полосы на высоких надпойменных террасах и только в трех случаях (Керкидонский оазис, Карабулак, Тураташ) располагаются в обширных низменных котловинах. Но и здесь они не имеют четкого и хорошо выраженного плана. Их границы определяются по подъемному материалу.

Дома и замки, вокруг которых концентрируются поселения, отличаются как внешним видом, так и расположением, что позволяет выделить два типа этих сооружений: I тип составляют отдельные укрепленные дома, скрытые в настоящее время под овальными в плане холмами; II тип представлен четырехугольными в плане сооружениями, огражденными валами и рвами и расположенными на мысах рек. Оба типа отмечены во всех обследованных районах.

Рис. 3. Актепе. Вид памятника с юга

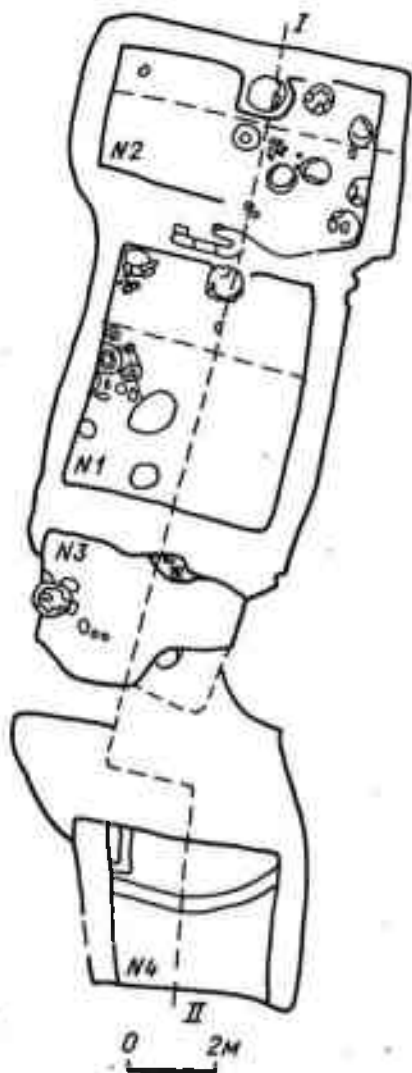

Рис. 4. Актепе. План раскопа.
Разрез

1 — сунь; 2 — сырцовые кирпичи;
3 — вола, уголь

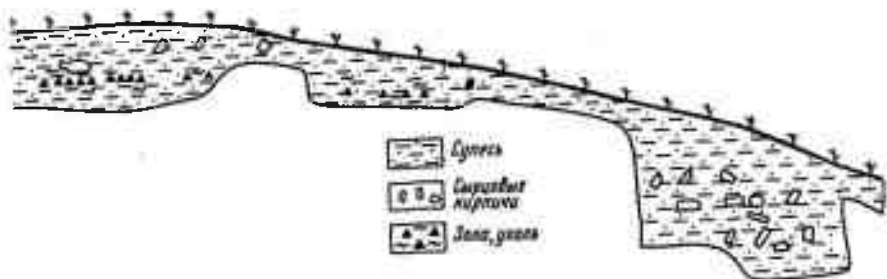

Сооружения I типа и связанные с ними поселения

Актепе находится близ кишлака Карабулак Баткенского района и расположено на высоком берегу высохшего сая. Памятник представляет собой круглый в плане конусовидный холм высотой 5 м, диаметром 20 м (рис. 3).

На поверхности тепе и на значительном расстоянии вокруг него собрано большое количество фрагментов керамики. Среди них преобладают фрагменты толстостенных хумов. Есть также несколько фрагментов тонкостенных красноангобированных сосудов с процарапанным орнаментом. Идентичность их с аналогичными сосудами из курганов, а также близкое соседство с Карабулакским могильником обусловили интерес к этому памятнику. Огромное количество керамики, рассыпанной вокруг тепе, казалось бы, давало основание для суждения о наличии вокруг дома неукрепленного поселения. Но в шурфах, заложенных к северу и югу от тепе, нам не удалось выявить культурный слой. Видимо, россыпи керамikki образовались в результате интенсивного разрушения здания дождями и ветрами, столь частыми в этом районе.

В 1960 г. на верхней площадке холма Актепе и на его южном склоне произведены раскопки (рис. 4). Вскрыты четыре помещения. В

1961 г. Ю. Д. Баруздин на восточном склоне холма раскопал не полностью еще три комнаты. Открытые сооружения характеризуют три периода жизни поселения. Наиболее поздними являются три комнаты, открытые нами на верхней площадке и датируемые всем комплексом находок первой половиной VIII в. Самым ранним является помещение на южном склоне, у самой подошвы холма; жизнь в нем протекала в первых веках н. э. Между помещениями на восточном склоне и на верхней площадке — небольшой хронологический разрыв.

В 6 км к югу от Баткена, в широкой межгорной долине, в местностях Тураташ и Тегерман-Баши, располагаются обширное поселение и большой могильник, обследованные впервые Ю. Д. Баруздиным в 1954 г. Раскопки могильника, произведенные Ю. Д. Баруздиным в 1959—1960 гг., дали материал I—IV вв. н. э.⁴²

Поселение представляет собой комплекс развалин домов или замков различных размеров. Одна группа этих развалин расположена около озера Тегерман-Баши. Она состоит из трех холмов. Самый большой из них, овальный в плане, вытянут с юго-запада на северо-восток, длина его 70 м, высота 10 м. Два других холма значительно меньше: они сохранились в высоту на 2,5 м. Холмы представляют собой развалины древних зданий, при возведении которых в качестве цоколей использовали выступающие каменные останцы.

В 1 км к юго-востоку от поселения Тегерман-Баши находится вторая группа, состоящая из трех тепе, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Самое большое из них, длиной около 80 м, овальное в плане, вытянуто с юго-востока на северо-запад. Тепе сильно оплыло и сохранилось в высоту до 1,5 м. Два других тепе имеют меньшие размеры. Одно, овальное в плане, имеет длину 25 м и высоту до 1,15 м. Другое круглое, диаметр его равен 20 м, высота достигает 2 м.

Находки представлены только керамикой. Основную массу составляют фрагменты лепных толстостенных сосудов — хумов и хумча, сформованных из очень грубой глины с большим количеством песка, дресвы и шамота. Поверхность всех сосудов покрыта серовато-белым или светло-желтым ангобом. Кроме хумов на поверхности поселения собраны фрагменты котлов с сильно отогнутыми овальными в сечении венчиками и фрагменты чашагора с подтреугольными в сечении венчиками. Керамика эта достаточно

выразительна и позволяет датировать поселение Тегерман-Баши VI—VIII вв.

В районе кишлака Карабулак Ляйлякского района открыты два раннесредневековых сооружения. Первое — замок, расположенный на краю адыра, окаймляющего Карабулакскую котловину с запада. До раскопок он представлял собой овальный в плане холм высотой около 3 м. Наиболее возвышенной была юго-восточная часть холма (рис. 5; 6). Второе поселение (Чиштепе) находится в 2 км к западу от с. Карабулак и принадлежит

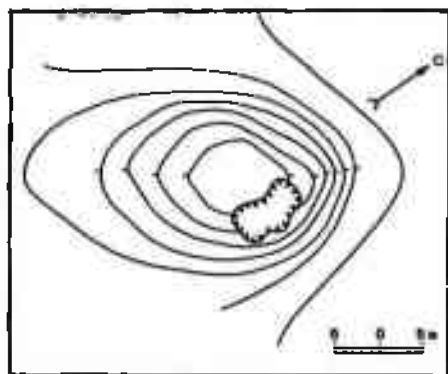

Рис. 5. Карабулак, замок. План

Рис. 6. Карабулак, замок. Вид с востока

к типу так называемых тепе с площадкой. Его составляют полу-сферической формы возвышение и обширная площадка, примыкающая к возвышению с юго-запада (рис. 7). Поселение Андархан занимало четыре площадки на правом берегу р. Ходжа-Бакырган, ограниченных с юга хребтом, а с юго-запада — рекой. С востока и севера поселение ограждали валы. Площадь его не превышала 2,5 га. Укрепленный дом располагался на горном останце и возвышался таким образом над поселением более чем на 30 м (рис. 8).

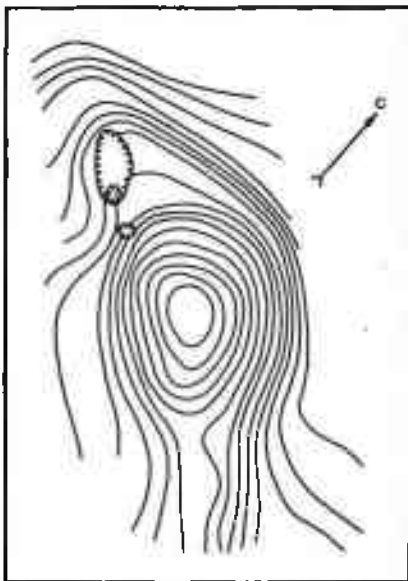
Одним из крупнейших в районе было поселение в кишлаке Тагоп (Бешкент). Отдельные наход-

ки свидетельствуют о том, что площадь его была не менее 2,5–3 га. Поселение расположено в центре кишлака, и значительная его территория скрыта под современными постройками, а часть, не занятая постройками, имеет высоту до 7 м и сильно разрушена (рис. 9).

При земляных работах местные жители находили здесь целые сосуды, среди которых преобладали хумы разных размеров. В 1968 г. при прокладке линии электропередачи на останце городища был обнаружен хум с костями девочки. При погребенной найдены бронзовые бубенчики и перстни, большое количество бус из стекла и сердолика.

Небольшие раскопки, проведенные мною, позволили прийти к заключению, что жизнь на городище не прекращалась почти тысячу лет. Находки красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом датируют древнейшие слои первыми веками н. э. Позднейшие слои датируются VII–IX вв. н. э. Городище пережило по крайней мере шесть

Рис. 7. Чистепе. План

Рис. 8. Андархан. Вид поселения с запада

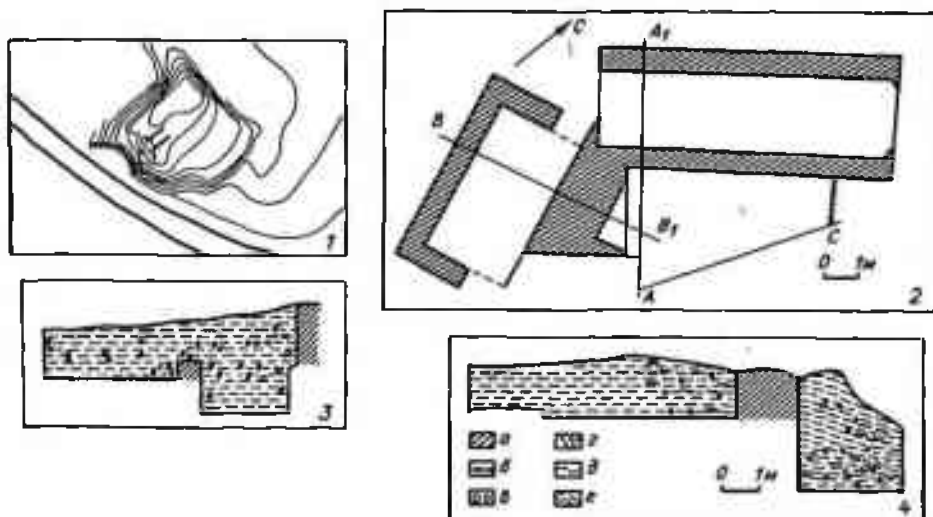

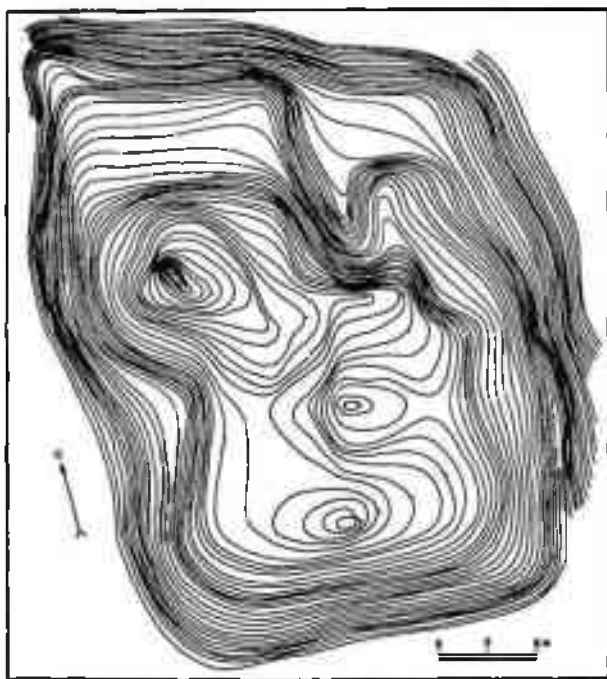
Рис. 9. Тагон. Вид городища с юга

Рис. 10. Тагон. Городище

1 — план останца городища; 2 — план раскопа; 3 — разрез по линии А—А; 4 — разрез по линии С—В, —В (а — сырцовые кладки; б — сырцовый завал; в — камни; г — древесный уголь; д — зола; е — супесь)

*Рис. 11. Кайрагач.
План усадьбы*

Рис. 12. Вид на усадьбу с юга

Рис. 13. Кайрагач. Вид усадьбы с запада

Рис. 14. Кайрагач. Вид усадьбы с востока

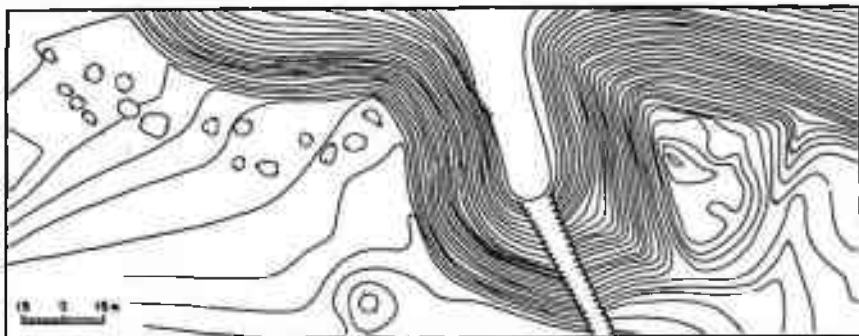

Рис. 15. Кайрагач. План поселения

или семь периодов, сопровождавшихся его коренной перестройкой. В 1958 г. на поверхности останца Ю. А. Заднепровский собрал керамику XIV–XV вв. Но слой этого времени на памятнике не выявлены. На верхней площадке холма открыта большая комната, которую в древности перекрывал коробовый свод⁴³ (рис. 10).

Сооружения II типа

II тип объединяет сильно укрепленные четырехугольные в плане усадьбы, огражденные валами и рвами, иногда укрепленные башнями. Усадьбы занимали очень удобные стратегические позиции, располагались на высоких надпойменных террасах, на мысах, образованных изгибами рек, и очень удобных в фортификационном отношении. В этой связи большой интерес представляет укрепленная усадьба Кайрагач⁴⁴ (рис. 11, 12).

Она расположена на высокой надпойменной террасе на мысе, образованном р. Ходжа-Бакырган и пересыхающим летом саем (левым притоком реки). Благодаря такому расположению усадьба господствует над большим участком долины. Она имеет прямоугольные очертания, ориентирована углами по странам света и состоит из двух площадок — верхней и нижней, названных так условно из-за разницы уровней современной поверхности (рис. 13, 14). Площадки разделяет стена, которая, как показали раскопки, сложена из сырцовых кирпичей.

Северная и западная границы усадьбы естественные: река и сай. С юга и востока ее окаймляют глубокие рвы. Усадьба является лишь небольшой частью обширного поселения, которое занимает высокую надпойменную террасу, тянущуюся полосой вдоль реки и рассеченную саем. На левом берегу сая, на ровной площадке террасы, находится высокий большой холм, диаметром до 20 м и высотой около 3 м. К югу от усадьбы, за рвом, находилось небольшое возвышение, скрывавшее круглое в плане сооружение (рис. 15).

Сходный план имеет усадьба Кургача, находящаяся в 6 км к западу от кишлака Шалды-Балды. Она расположена на правом берегу Исфаяса, на мысу, образованном изгибом реки, и ограждена валами высотой до

Рис. 16. Курганча . Вид памятника с запада

Рис. 17. Шалды-Балды. Вид поселения с северо-запада

3 м, образующими неправильный четырехугольник, ориентированный сторонами по странам света. По углам и на середине каждой из сторон были башни. В настоящее время они сильно оплыли. С запада и востока усадьбу окаймляют глубокие овраги, а с севера — ров. К северу от укрепления, за ровом, простирается довольно ровная площадка, повышающаяся к северу, к горам. Очевидно, здесь располагалось неукрепленное поселение⁴⁵ (рис. 16).

В непосредственной близости от описанной усадьбы, рядом с сел. Шалды-Балды, находится обширное поселение. Часть его была обследована в 1958 г. Ю. А. Заднепровским, отмечавшим, что поселение находится к северу от села, на высоком мысу, образованном пэгибом р. Исфанасай. С восточной, напольной стороны оно укреплено валом и ровом, перегораживающим в этом месте долину и подходящим к подножию горы. Часть вала разрушена при проведении дороги⁴⁶. В 1960 г. тер-

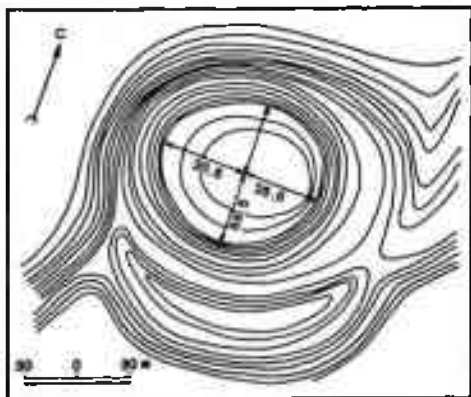

Рис. 18. Тепе-Коргон. План поселения

Рис. 19. Тепе-Коргон. Вид памятника с юго-запада

ритория к западу от кишлака была осмотрена мною. Обследование показало, что на высоком берегу реки, на распаханном поле, ограбиченном с юго-запада рекой, а с северо-востока дорогой, находилось большое поселение. На основной его части остатки древних сооружений не обнаружено, и поселение фиксируется только наличием подъемного материала. Судя по обширной территории, на которой он был собран, поселение имело значительные размеры. Здесь же, среди распаханного поля, на берегу р. Исфанасай, находится небольшое четырехугольное в плане укрепление размером 80×70 м. Оно ограждено валами, в настоящее время сильно оплывшими и распаханными. Высота их не превышает 1,5 м (рис. 17).

Сильно укрепленный замок Тене-Коргон расположен в 4 км к юго-востоку от кишлака Моргун и занимает верхнюю площадку очень высокого и труднодоступного плато (рис. 18). Площадка имеет подпрямоугольные очертания. Ее размер 66×56 м. Замок возвышается более чем на 40 м, благодаря чему господствует над всей узкой долиной. К нему примыкало обширное поселение, располагавшееся на нескольких высоких плато к востоку (рис. 19).

Исследователи сходятся во мнении, что замки и укрепленные усадьбы явились порождением определенного социально-экономического уклада (феодального), и самое появление их было обусловлено новой, феодальной собственностью на землю.

Как протекал процесс развития поселений в Ферганае, судить пока трудно из-за слабой изученности этой области. Всего вероятнее, что усадьбно-замковый характер расселения был присущ ее горным районам. Вокруг замков располагались неукрепленные поселки. Такие поселки Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский обнаружили в Исфаринской долине в районе Сурха⁴⁷. Наряду с поселками были и отдельно стоящие укрепленные дома. Наши исследования в Карабулаке и Актеле показали, что раскопанные там сооружения были именно такими домами.

Планировка усадеб и жилых домов

Для суждения о внутренней планировке усадеб и отдельных домов в Юго-Западной Ферганае мы располагаем очень ограниченным материалом. Здесь известны четыре более или менее полно изученных объекта. Это — карабулакский дом, верхний горизонт Актеле, замок Калаиболо, усадьба Кайрагач. Но сопоставление того небольшого материала, который есть в нашем распоряжении по Ферганае, с материалами из других областей Средней Азии позволяет восстановить облик раннесредневекового жилища Ферганы.

Исследование жилых сооружений в различных областях Средней Азии показало, что как для городского, так и для сельского дома характерны компактность плана и четкое разграничение помещений на жилые и официальные⁴⁸. В домах хорошо выделяются хозяйственные комнаты, кухни с очагами для приготовлений пищи, кладовые, в которых сосредоточено большое количество хумов, использовавшихся для хранения продовольственных запасов и воды⁴⁹. Четко выделяются общественные и

культовые комнаты, отличавшиеся от остальных размерами, планом или присутствием в них каких-либо атрибутов культа⁴⁰.

Два типа сооружений, описанные выше, дали разлчные по плану и характеру внутренней застройки здания. Сооружения первого типа, открытые в Карабулаке, Актепе и в Калаиболо, представляли собой прямоугольные в плане дома удлинненных пропорций, в основе планировки которых лежит деление здания коридором на две половины. Ко второму типу относятся почти квадратные в плане усадьбы. Характер их внутренней застройки, видимо, был различен.

Планировка сооружений I типа

В основе планировки замка (или дома), раскопанного на западной окраине Карабулака (Ляйлякский район Ошской области), как уже говорилось, лежит деление здания коридором на две части. Коридор является как бы осью, по сторонам от которой располагаются жилые и хозяйственные комнаты (рис. 20).

В Карабулакском доме коридор расположен к северу от входа. Он делит здание на две неравные по площади части⁴¹. В коридоре находилась два очага — камина, использовавшиеся для приготовления пищи. По обе стороны от коридора располагались комнаты различного назначения. Помещение № 4, находившееся к востоку от коридора, являлось кладовой. В комнате были две суфы (около восточной и северной стен). Первая сооружена в первоначальный период жизни здания, вторая же — в последующий в связи с изменением назначения комнаты и частичными перестройками. Она перекрыла яму, из которой к этому времени был извлечен хум.

К востоку же от коридора находится еще одна комната. Судя по размеру (ее длина 9,8 при ширине 3 м), она имела, видимо, общественное назначение. К западу от коридора находилась одна небольшая комната с широкой суфой вдоль южной стены и очагом перед суфой.

Два помещения расположены за внешней стеной по углам здания и с ним не связаны. Одно из них имело вид жилой комнаты: здесь были очаг и суфа. Назначение второй комнаты, открытой в юго-восточном углу здания, неясно. Может быть, это был загон для скота или же склад⁴².

По мнению Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского, многослойный памятник Калаиболо дает два одновременных типа планировки раннесредневековых замков.

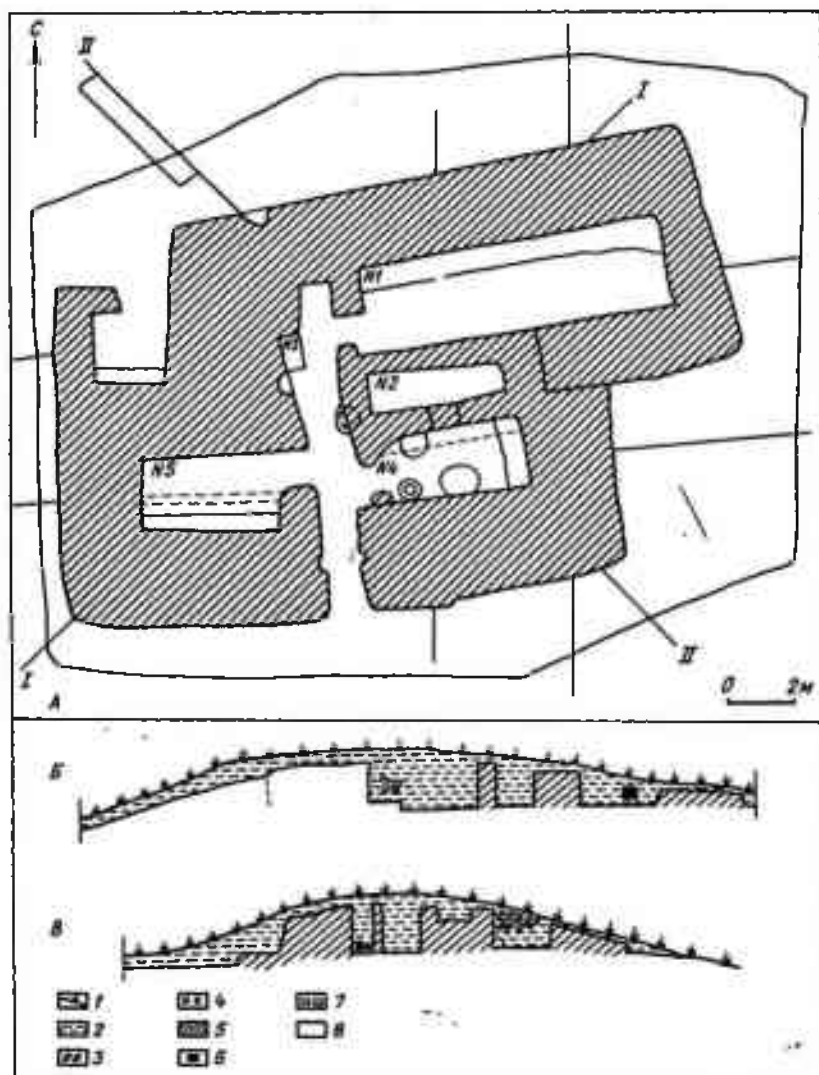
I тип. Узкие параллельные однотипные — комнаты соединяются дверными проемами, расположенными вдоль торцовой стены.

II тип. Сохраняется принцип расположения комнат, но параллелью торцовой стене возводится стена, благодаря чему образуется коридор, в который выходят теперь уже изолированные комнаты⁴³.

Сооружение верхнего горизонта Актепе, включавшее узкие параллельные комнаты, соединенные дверными проемами, расположенными вдоль торцовой стены, следует, видимо, отнести к I типу раннесредневековых зданий, выделенному Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским (рис. 4). Эти помещения являлись, очевидно, лишь небольшой частью здания. Они имели сугубо специальное назначение, будучи кладовыми для хранения про-

Рис. 20. Карабулак, замок. План раскопа

Разрез по линии I—I; разрез по линии II—II; 1 — дёрн; 2 — супесь; 3 — намыч; 4 — завал из сырцовых кирпичей; 5 — стены из сырцовых блоков; 6 — уголь древесный; 7 — кладка из сырцовых кирпичей; 8 — тлен древесный

довольственных запасов. Об этом свидетельствуют находки здесь хумов. Помимо 17 сосудов, обнаруженных *in situ* в трех помещениях верхней площадки, в завалах, заполнявших помещения, найдено огромное количество обломков, принадлежавших по крайней мере еще 15 хумам⁵⁴. В помещениях на восточном склоне Ю. Д. Баруздиным найдено еще четыре целых хума и большое количество фрагментов⁵⁵.

Дома с коридором, к которому примыкают группы однотипных комнат, а также дома с осевым коридором, по сторонам от которого группируются жилые и хозяйственные помещения различного плана, весьма характерны для раннесредневековой Средней Азии и открыты в различных ее районах.

К этой группе сооружений могут быть отнесены два замка в долине Зеравшана — замок на горе Муг⁵⁶ и замок Батуртене⁵⁷, замки Шахристана⁵⁸, которые дают разнообразное и сложное решение подобной планировки. Обращаясь к более удаленным от Ферганы и Уструшаны районам отметим, что здания с осевым коридором отмечены почти повсеместно и относятся к разным хронологическим периодам. Они открыты в Варахше⁵⁹ и Термезе⁶⁰, в Семиречье — на городище Сарыг⁶¹.

В Хорезме также известны здания с такой планировкой. Наиболее ранней постройкой этого типа является раннеантичная усадьба в урочище Дингильдже, где хозяйственные и парадные помещения разделены коридором на две части⁶².

В интересующий нас период сооружения Хорезма знают два вида планировки: центрическую и осевую. Первая характерна для доджонов и прослежена на всех обследованных памятниках, где вокруг центральной комнаты располагаются жилые и хозяйственные помещения. По мнению С. П. Толстова и Е. Е. Неразика, доджоны небольших замков в мирное время служили для хранения продовольственных запасов, а в военное становились надежным убежищем⁶³. Многокомнатные доджоны были жилыми. В них могли жить только сам глава дома и его ближайшие родственники, а остальные члены общины размещались в постройках, находившихся внутри стен усадьбы.

Сельские усадьбы Хорезма являлись одним домом-массивом, все помещения которого подведены под одну крышу. Планировка внутренней застройки лучше всего прослежена в усадьбе 28, которая делится длинным коридором на две половины. По сторонам от коридора располагались двухкомнатные секции, в каждой из которых есть очаг. Секционная застройка отмечена также в Тешик-кале и Якке-Парсане⁶⁴.

Приведенные выше сведения показывают, что постройкам, в планировке которых общим моментом композиции являлся коридор, в Средней Азии принадлежало большое место. Именно этот общий момент композиции заставил меня объединить все перечисленные постройки в одну группу, хотя между всеми ними и нет абсолютного сходства. В некоторых случаях коридоры располагались по периметру здания, а к ним торцами примыкали узкие и длинные комнаты. В ряде случаев коридоры были односторонними. Они располагались вдоль одной из внешних стен, а в них выходили двери из узких и длинных параллельных компат.

В связи с планировкой карабулакского раннесредневекового дома нас больше всего интересовали здания с осевым коридором. Эта планировка

имеет несколько вариантов: 1) по обе стороны от коридора располагались узкие однообразные помещения, лишённые какого-либо внутреннего убранства (суфы, ниши); 2) по обе стороны от коридора располагались жилые и хозяйственные помещения различного плана — удлиненные, почти квадратные; 3) к осевому коридору примыкали двухкомнатные жилые секции.

Первый вариант планировки известен в науке под названием гребенчатой или коридорно-гребенчатой. Здания с такой планировкой отличаются от прочих построек с осевым коридором, в частности от хорезмийских раннесредневековых усадеб, строгой симметрией комнат, их единым образом.

Среди исследователей нет единого мнения о назначении и датировке зданий этого типа. В. А. Лавров полагал, что здания с гребенчатой планировкой — наиболее ранний тип планировки жилого раннесредневекового дома, продиктованный конструктивными особенностями сводчатых перекрытий⁶⁵. В. Л. Воронина считает здания коридорно-гребенчатой планировки локальной особенностью Согда и областей, подвергшихся сильному согдийскому влиянию⁶⁶. Но археологические исследования показали, что ареал зданий гребенчатой планировки шире, чем ареал согдийского влияния. Равнозначность и слабое выделение функций помещений, расположенных по сторонам от коридора, В. Л. Воронина объясняет функциональным назначением зданий. Она полагает, что дома с подобной планировкой были заселены большесемейными общинами. В каждой из комнат жила малая семья, уже обособившаяся до некоторой степени в хозяйственном отношении. Для приготовления пищи выделялась особая комната с общим очагом⁶⁷. К этому заключению В. Л. Воронина пришла на основании изучения архитектуры Пейджикента, где открыты дома с разной планировкой, в том числе и с коридорно-гребенчатой.

Большинство исследователей сходится во мнении, что здания с коридорно-гребенчатой планировкой являлись сооружениями оборонного, сторожевого назначения или же были складами. К этому мнению приходят Т. И. Зеймаль, Н. Негматов, изучавшие замки Шахристана⁶⁸. В. А. Шишкин считал, что Варахшинский комплекс не имел жилого назначения⁶⁹. Этому же мнению в отношении зданий с гребенчатой планировкой придерживаются Е. Е. Неразик⁷⁰ и В. А. Нильсен⁷¹.

Карабулакский дом отличается от зданий с коридорно-гребенчатой планировкой асимметрией и некоторой нечеткостью плана. В нем нет строгого единообразия комнат, которое мы наблюдаем в этих постройках. Он более сопоставим с теми постройками, которые выделены во второй вариант, когда вокруг осевого коридора группируются различные по очертаниям комнаты. Примером таких построек являются дома Пейджикента⁷².

Постройки третьего варианта являются дальнейшим развитием и усложнением только что описанной планировки. Классические примеры этих домов — хорезмийские усадьбы Беркут-Калинского оазиса, где по сторонам от коридора располагаются секции, включавшие жилые и хозяйственные комнаты. Такой тип домов мог сложиться под влиянием изменения структуры семьи. Е. Е. Неразик склонна считать, что в каждой из секций

жила малая семья, входившая в большесемейную общину, но уже обособившаяся в хозяйственном отношении⁷³.

Этнографические материалы также показывают, что существовала связь между структурой семьи и планировкой жилища. В свое время С. П. Толстов обращал внимание на сходство в плане средневекового дома и современной узбекской или туркменской усадьбы, где живет большая семья. Как и средневековые дома, эти усадьбы делаются длинным коридором на две половины, по обе стороны от коридора располагаются жилые и хозяйственные комнаты. В этом сходстве С. П. Толстов искал объяснение планировки средневекового хорезмийского дома⁷⁴.

Планировка древнего и средневекового жилища Ферганы изучена недостаточно. Поэтому здесь трудно говорить об истоках и традициях в древней ферганской архитектуре, в частности о традиции зданий с осевым коридором. Но все же на основании имеющегося в настоящее время материала можно судить о том, что здания с осевым коридором бытовали на обширной территории. Об этом свидетельствуют наши раскопки в Карабулаке⁷⁵, Е. А. Давадович и Б. А. Литвинского — в Калаиболо⁷⁶, Н. А. Негматова — в Шахристане⁷⁷.

Планировка сооружений II типа

Ферганские усадьбы принадлежат к числу наименее изученных памятников. Но даже тот небольшой материал, которым мы располагаем, позволяет предположительно говорить о двух типах их планировки.

I тип составляют усадьбы, в которых жилые и хозяйственные помещения располагаются по периметру стен, оставляя не занятым постройками центр, где, видимо, находился хозяйственный двор. Такой тип, видимо, имела усадьба Курганча, занимавшая мыс высокой надпойменной террасы на правом берегу р. Исфанасай. Судя по рельефу, незастроенным был центр усадьбы, которая скрыта под холмом подквадратных очертаний и находится также на правом берегу реки. В Восточной Фергане, в местности Кызыл-Кий, Д. Ф. Винником исследована усадьба, которая так же, как и усадьба Курганча, занимает мыс высокой террасы и возвышается над поймой Карадарьи на несколько десятков метров, а с напольной стороны ее окаймляют глубокие рвы. До раскопок она имела план, сходный с Курганчой: наиболее возвышенными были участки, прилегавшие к стенам, а в центре располагалась глубокая западина. Раскопки показали, что довольно однотипные комнаты располагались вдоль стен здания, а в центре усадьбы находилась не занятая постройками площадка.

II тип составляют усадьбы со сплошной застройкой, где на долю двора приходится очень незначительная площадь. План этих построек очень сложен. Усадьбы включают, как правило, комнаты различных очертаний и разного назначения; примером таких построек является усадьба Кайрагач, систематические исследования которой начаты мною в 1969 г.; за десять полевых сезонов памятник вскрыт почти полностью. Получен принципиально новый и обширный материал по истории района.

Раскопки показали, что здание возведено на материке и естественная неровность рельефа обусловила в ряде случаев разницу уровней полов в помещениях. Оказалось, что здание имело очень сложную стратиграфию. На верхней площадке выявлены сооружения трех строительных горизон-

тов. На нижней площадке стратиграфия была более дробной и сложной. Здесь открыты сооружения пяти горизонтов, каждый из которых характеризовал определенный этап в жизни здания. В большинстве случаев при перестройках использовались стены здания предшествующих периодов, но в ряде случаев перестройки были кардинальными. Они сопровождались коренным изменением планировки. В каждый из периодов здание возводилось как единый архитектурный комплекс. Раскопки показали, что усадьба в древности занимала значительную площадь, а современные ее границы не были границами древнего здания.

Наиболее поздние сооружения открыты на верхней площадке и две комнаты, примыкают с севера к стене, разделявшей площадки. Помещения западной половины верхней площадки объединены длинным коридором, который тянется в направлении северо-восток — юго-запад и делит участок на две неравные части. К югу от коридора расположены три комнаты, две из которых соединены с ним дверными проемами (рис. 21). Одна из этих комнат (небольшая, удлиненная) является проходной и соединяет коридор с расположенной в юго-западном углу большой почти квадратной комнатой. В центре этой комнаты находился большой напольный очаг в виде прямоугольной площадки. В центре очага, в небольшом углублении, стоял горшок без дна, заполненный сильно перегоревшей беловато-серою органической массой. Вдоль юго-западной и северо-восточной стен комнаты тянутся суфы.

В западном конце коридора находились два дверных проема, которые вели в две небольшие комнаты. В обеих комнатах есть очаги и суфы. Вдоль северо-западного края площадки располагался ряд помещений (одно из них соединено с коридором). Судя по виду одной открытой здесь комнаты и обрывков параллельных стен, это, скорее всего, была анфилада из однотипных комнат удлиненных пропорций, соединенных между собой дверными проемами, располагавшимися по одной оси вдоль северо-западной торцевой стены.

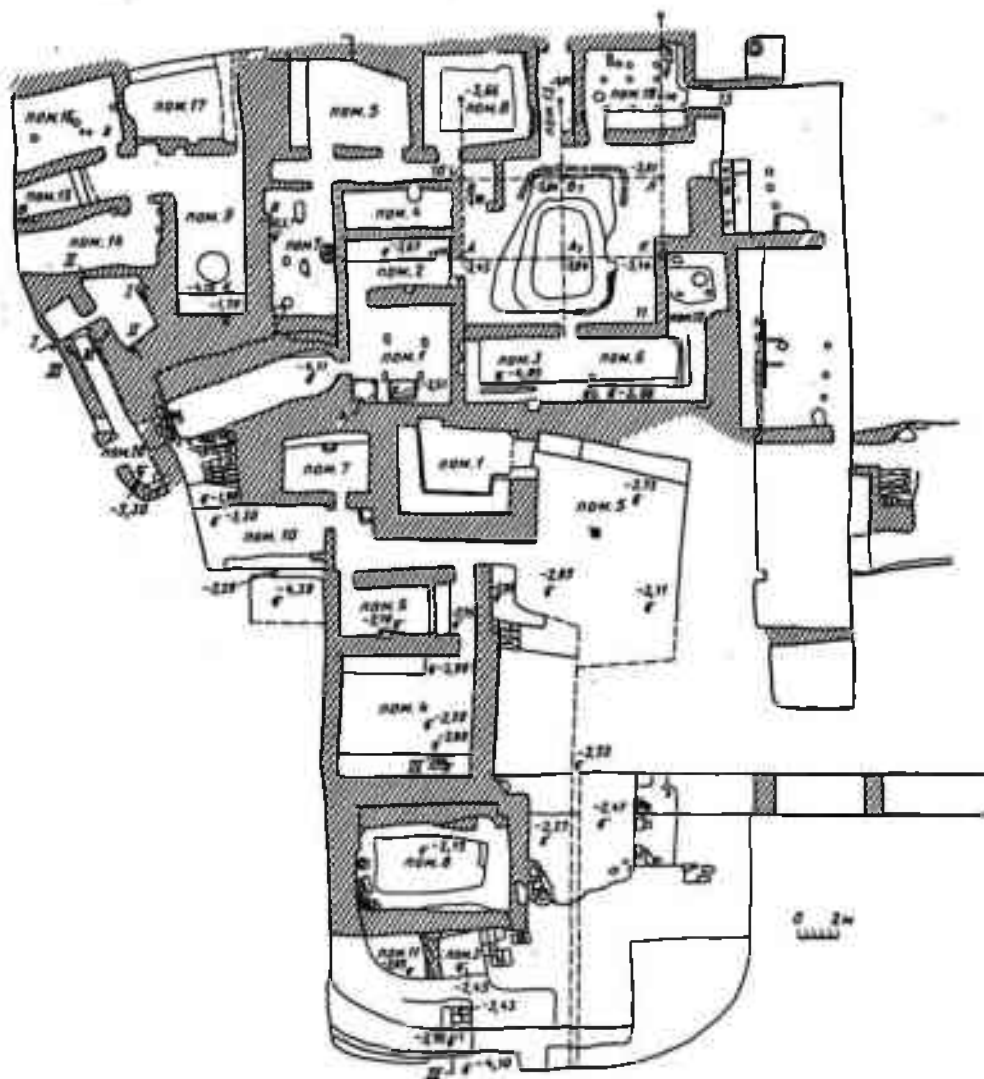
К югу от коридора находится обширная комната, в центре которой — большой напольный очаг — площадка, а около северо-восточной стены и в западном углу — широкие суфы. Из этой комнаты ступенчатый пандус вел в комнату удлиненных пропорций, в северо-восточной ее стене находилась ниша, а вдоль трех стен тянулись суфы (рис. 22).

В то время, когда функционировали помещения верхней площадки, ее угол был занят хозяйственным двором, связанным с производственной деятельностью обитателей усадьбы. Здесь, на глубине 2,5 м (уровень полов большинства комнат), открыты два больших овальных очага, огражденных глинобитными валиками. Около очагов найдены очень невыразительные вкрапления окислившейся бронзы и шлакированные кусочки железа. Двор неоднократно использовался как свалка, куда высыпали золу и разбитую посуду. Об этом свидетельствует характер культурных напластований — чередование слоев аморфной золистой супеси с большим количеством керамики с плотными глинистыми прослойками.

Помещения V периода были возведены на разрушенных постройках двух более ранних периодов. Оказалось, что юго-восточная стена помещения 5 связана только с последним периодом жизни памятника. Она была возведена на полу и кончается на уровне этого пола.

Стена пристроена к стене более раннего периода, функционировавшей на протяжении нескольких периодов. Суфа около северо-восточной стены сооружена на стене помещения раннего периода. Под полом V периода открыт глибитный пол комнаты более раннего, IV периода. Котуры комнаты выявить не удалось, так как ее юго-западная и северо-западная

Рис. 21. Кайрагач. План усадьбы

Рис. 22. Кайрагач. Сооружения второго периода на верхней площадке

стены не сохранились. На полу же открыты две слегка углубленные в пол алебастровые площадки. Одна — около северо-восточной стены, другая — около юго-восточной. Площадь первой площадки равна 50×30 см. Вторая площадка больше первой, ее размеры $1,20 \times 1,30$ см. В центре площадки было небольшое круглое углубление диаметром 10 см. Площадка частично перекрыта стеной V периода. В восточном углу комнаты открыта тагара, врытая в пол (рис. 23).

Сооружения III периода открыты на значительной площади. Две небольшие комнаты открыты в восточном углу площадки, занятом в V период помещением 5. Одна из них, почти квадратная в плане, занимала угол площадки и была ограничена с северо-востока и юго-востока стенами, функционировавшими и в последующий период. Другая, примыкавшая к первой с юго-запада, имела вид узкого коридора, вытянутого с юго-востока на северо-запад (рис. 24).

К югу от этих комнат располагались две большие удлиненные комнаты, вытянутые с северо-востока на юго-запад. В одной из них (14), имевшей наилучшую сохранность, вдоль юго-восточной стены тянется невысокая суфа. Из этой комнаты происходит огромная масса находок. Помимо хумов здесь найдены тонкостенные красноангобированные сосудики, котлы, кувшины, ритон с двумя сливами в виде голов быка, на полу — костяные и каменные амулеты, сурьматаши (рис. 25).

К западу от комнаты находятся небольшие почти квадратные в плане комнаты, имевшие с помещением 14 общую стену. Северо-западный край площадки в первоначальный период занимали небольшие комнаты прямоугольных очертаний (рис. 26). В них были широкие суфы вдоль стен. В центре одной комнаты находился очаг прямоугольной формы (рис. 27). В юго-восточной стене помещения 7 в первоначальный период располагались стреловидные бойницы, в последующие периоды закрытые штукатуркой (рис. 28; 29).

В III или II период в центре площадки находился подземный ход. В него вел глубокий колодец, в нем около юго-восточной стены находилась лестница. Вход был прорублен в материковых напластованиях и шел по

направлению юг — север. Пол резко понижается к северу. Угол наклона достигает 45° . Судя по направлению подземного коридора, ход вел к реке (рис. 30, 31).

Подземный ход был сооружен после того, как сооружения первоначального периода были разрушены. А выброс из колодца перекрыт их стены.

На пикней площадке помещения I периода открыты у самого северо-восточного края. Это были небольшие комнаты удлиненных пропорций. В комнатах — очаги и суфы. Они располагались около одной или двух стен или тянулись по всему периметру комнаты. Плоскую кровлю комнат поддерживали круглые деревянные колонны. В одной из комнат в северном углу площадки открыты массивные глинобитные колонны, основой которых являлись деревянные столбы. Восточный угол площадки был сплошь застроен комнатами, о планировке которых судить трудно, поскольку они были основательно забутованы при перестройке здания в III и IV периоды (рис. 32; 33).

Рис. 25. Кайрагач. Вид с севера на сооружение первоначального периода

Рис. 26. Кайрагач. Вид с юга на сооружение первоначального периода

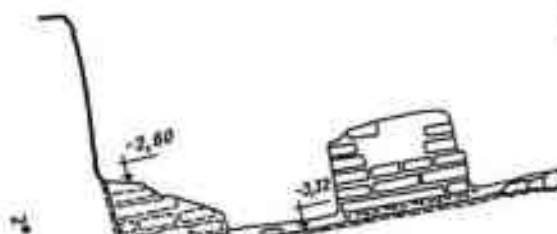
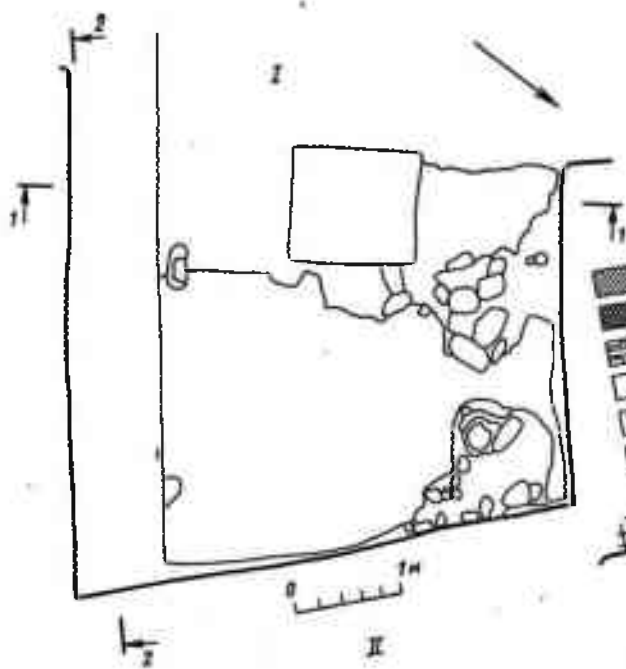

Вдоль юго-восточного края усадьбы располагались большие хозяйственные помещения удлиненных пропорций, соединенные дверными проемами, находившимися на одной оси вдоль юго-восточной стены. На этом участке, видимо, было два ряда помещений, но внешний, тянувшийся вдоль рва, не сохранился. Здесь открыты только полы, уровни которых совпадают с уровнем пола соседних помещений. Они были почти сплошь устланы раздавленными сосудами. Плоские перекрытия поддерживали деревянные столбы, стоявшие в ямках, открытых при зачистке полов. Сооружение помещений относится к первоначальному периоду. Но они продолжали функционировать и в более позднее время, когда соединились надусными подъемами, открытыми в двух комнатах, с помещениями верхней и нижней площадок (рис. 34).

В III и IV периоды в восточной половине нижней площадки на месте разрушенных построек первоначальных периодов находился двор, центр которого занимал обширный и глубокий водоем. Над ним в первоначальный период была крыша, опиравшаяся на столбовые опоры. Затем крыша была разрушена, а вся площадка вокруг водоема покрыта плотной глинистой массой, перекрывшей столбовые ямы. Судя по заполнению и отложениям на дне, водоем функционировал недолго. Он, видимо, перестал действовать в конце IV периода, когда были разрушены постройки этого времени на нижней площадке. К моменту пожара, который охватил все здание и следы которого обнаружены на дне водоема, воды в водоеме не было (рис. 35).

Рис. 27. Кайрагач. Помещение 6а на верхней площадке

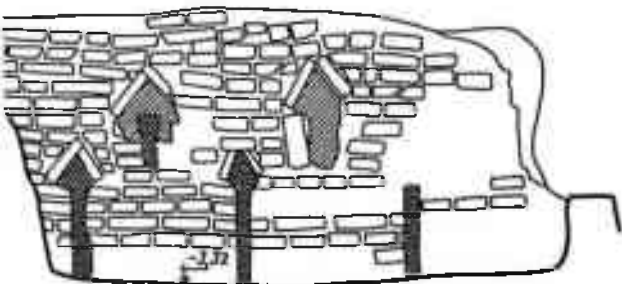

Рис. 28. Кайрагач. Помещение 7

*I — план; II — разрез 1—1; III — разрез 2—2;
1, 2 — бойницы; 3 — кирпичная кладка; 4 —
камни; 5 — зола; 6 — уголь*

III

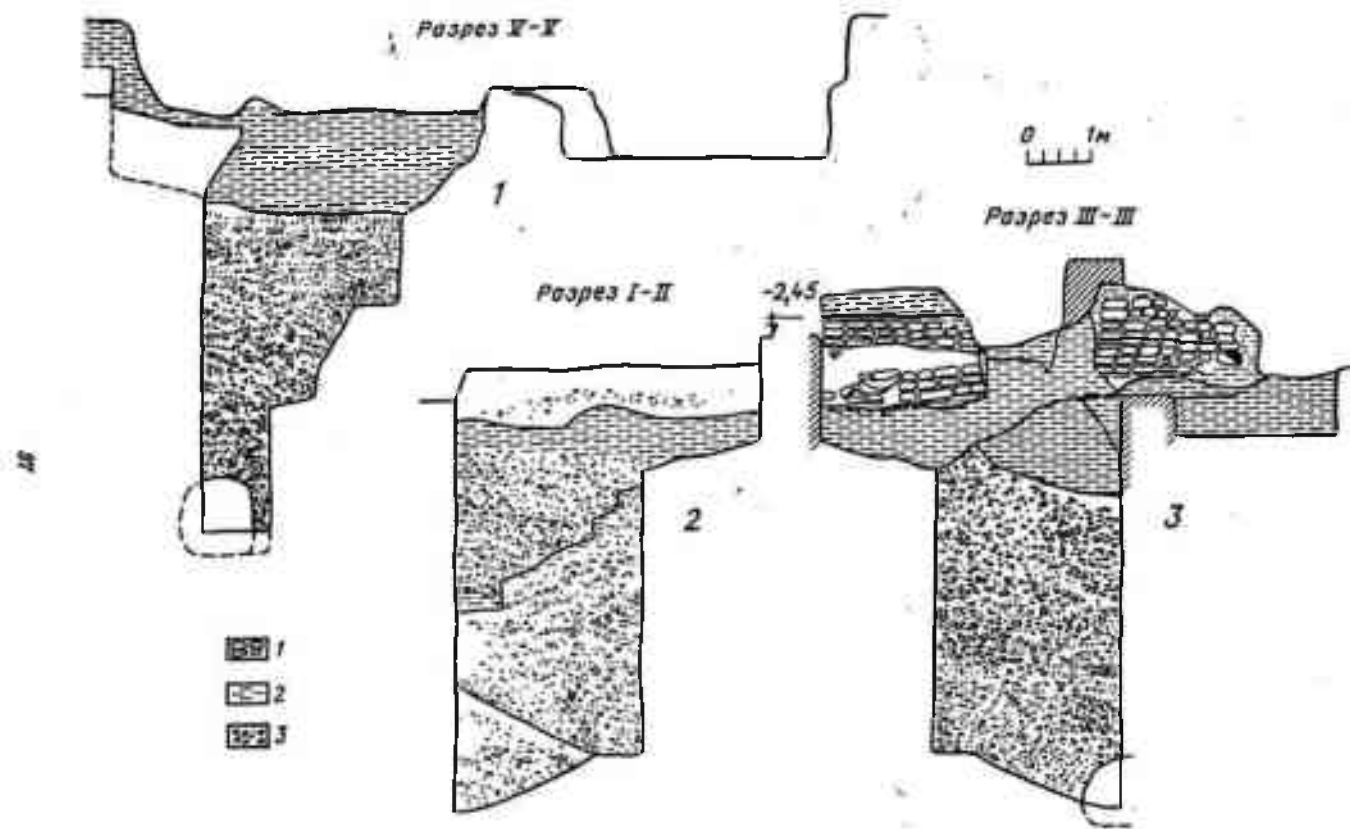
Западный угол площадки занимал храмовый комплекс. Он включал в себя три комнаты. Первая, небольшая, удлиненная, соединяла храм с остальными помещениями усадьбы (рис. 36). Около северо-восточной стены комнаты находилась высокая и широкая суфа. В юго-западной стене открыта ниша полуовальной формы. В ней лежали семь небольших скульптур, представлявших собой поясные изображения людей. Нижняя часть стен и суфа раскрашены красной краской. Дверной проем, находившийся в юго-восточной стене, вел во двор. Через вторую дверь, расположенную в западном углу, можно было попасть в святилище — большую комнату площадью около 25 кв. м, почти квадратную в плане. Стены комнаты украшены росписью в виде схематических побегов, выполненной красной краской (рис. 37).

Плоское перекрытие комнаты поддерживали четыре прямоугольные колонны, основания которых обнаружены на полу. Западный угол занимал невысокий постамент, раскрашенный красной краской. Другой постамент, прямоугольный в плане, находился около юго-западной стены. Вдоль заднего края постамента тянется узкое возвышение. Постамент был украшен росписью, выполненной красной краской по штукатурке. На одной его стене изображено дерево с загнутыми ветвями, другая покрыта красными пятнами, третья — сплошь покрыта красной краской. В центре комнаты находился большой напольный очаг прямоугольной формы с небольшим углублением в центре.

Комната явно предназначалась для совершения религиозных обрядов и являлась домашней часовней (рис. 38; 39). Доказательством этому служат находки четырех скульптур, представлявших собой поясные изображения людей. Скульптуры стояли на постаменте, а при разрушении храма

Рис. 29. Кайрагач. Юго-восточная стена. Помещение 7 (фото)

Рис. 30. Кайрагач. Подземный ход. Разрезы

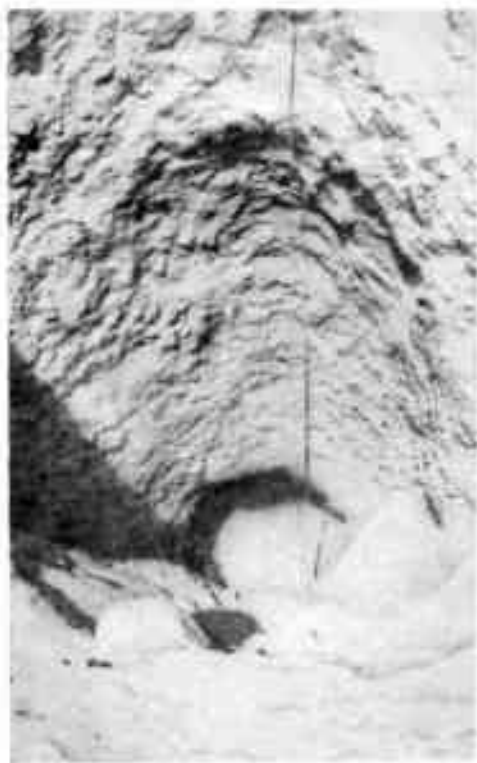
1 — по линии V—V; 2 — по линии I—II; 3 — по линии III—IV; 1 — кладка кирпичная; 2 — плотная глинистая масса; 3 — мелкая галька с песком

были сброшены с него и разбросаны по всей комнате. Помимо скульптур в святилище найдены и другие предметы культа — три курильницы на высоких ножках, массивная наковальня, являвшаяся объектом поклонения. Здесь же лежал мешочек с приношениями богам.

Дверь, находившаяся в северо-западной стене святилища, вела в узкую и длинную комнату, перекрытую двойным сводом (рис. 40; 41). В торцевой, северо-западной стене комнаты находилась ниша, арка которой выложена из кирпичей, положенных на ребро в расclinку. Последующая расчистка ниши показала, что в первоначальном виде помещение имело на месте ниши дверной проем, который вел в помещение, расположенное к западу от описываемого. При перестройках, которые и проводились, видимо, в связи с переоборудованием ряда комнат под храм, дверной проем был заложен и на месте его сделана ниша (рис. 42; 43). Перед нишей на полу лежала раздавленная курильница на массивной ножке. Ее конический резервуар завершают три ступенчатых выступа.

Храм был сооружен, видимо, в конце второго — начале третьего периода и функционировал на протяжении последующих периодов.

Рис. 31. Кайрагач. Подземный ход. Вид с юга

Одновременно с храмом сооружены комнаты, занимающие северный угол памятника. Они группируются вокруг длинного коридора, вытянутого с северо-запада на юго-восток. К северо-востоку от коридора располагаются большие комнаты, почти квадратные в плане, к юго-западу — узкие комнаты — удлиненных пропорций, перекрытые сводами.

В одной из комнат в первый период находился колодец (рис. 44). Над колодцем имелись деревянные конструкции, которые, видимо, использовались для поднятия воды. В стенах комнаты, как и в стенках колодца, открыты пазы, в которые вставлялись ворот и другие водоподъемные приспособления. Расчистка колодца была доведена до глубины 9 м. Но дно не обнаружено. По мнению гидрологов, водопосные слои в этом районе находятся на уровне реки. Значит, можно предположить, что глубина колодца достигала в древности 40—50 м. Колодец функцио-

Рис. 32. Кайрагач. Нижняя площадка. Вид с северо-востока на сооружения третьего и четвертого периодов

Рис. 33. Кайрагач. Нижняя площадка. Вид с востока на сооружения третьего и четвертого периодов

ровал в течение I и II периодов, а потом был заброшен. Он был заполнен строительным мусором, золистой супесью с большим количеством обломков керамики. Одновременно с колодцем функционировал погреб, расположенный к северо-востоку от колодца и сооруженный во II период. В последующие периоды он был тщательно забутован плотной глинистой массой и перекрыт сооружениями более поздних периодов. Уровень пола в этой комнате значительно ниже, чем в соседних помещениях I периода. Раскопки показали, что при строительстве погреба в материковых напластованиях был вырыт глубокий котлован, затем стены его были облицованы сырцовым кирпичом и оштукатурены. В полу находились неглубокие ямки, в которых стояли хумы. Ни в одной из стен помещения, которые сохранились в высоту до 5 м, не обнаружен дверной проем. В погреб, видимо, спускались по приставной лестнице (рис. 45; 46).

Интерьер всех открытых комнат однообразен. В каждой из них есть очаги и суфы. Более или менее одинаковы и размеры комнат. Большая часть их имеет площадь 16—17 кв. м, и лишь площадь нескольких комнат превышает 25 кв. м.

Хорошо выделяется лишь храмовый комплекс, включавший, совершенно бесспорно, три комнаты. Видимо, в этот комплекс входили также еще две комнаты, располагавшиеся к югу от двора. Одна из них, большая, удлиненных пропорций, примыкавшая с юго-востока к святилищу, имела широкие суфы вдоль трех стен. Другая, маленькая, квадратная в плане, соединялась дверным проемом с первой. В этой комнате суфы тянутся по всему периметру. В северном углу, в ямке на суфе, обнаружены фаллосы. Прилегающий к храму двор был подчинен храму и хозяйственного назначения не имел.

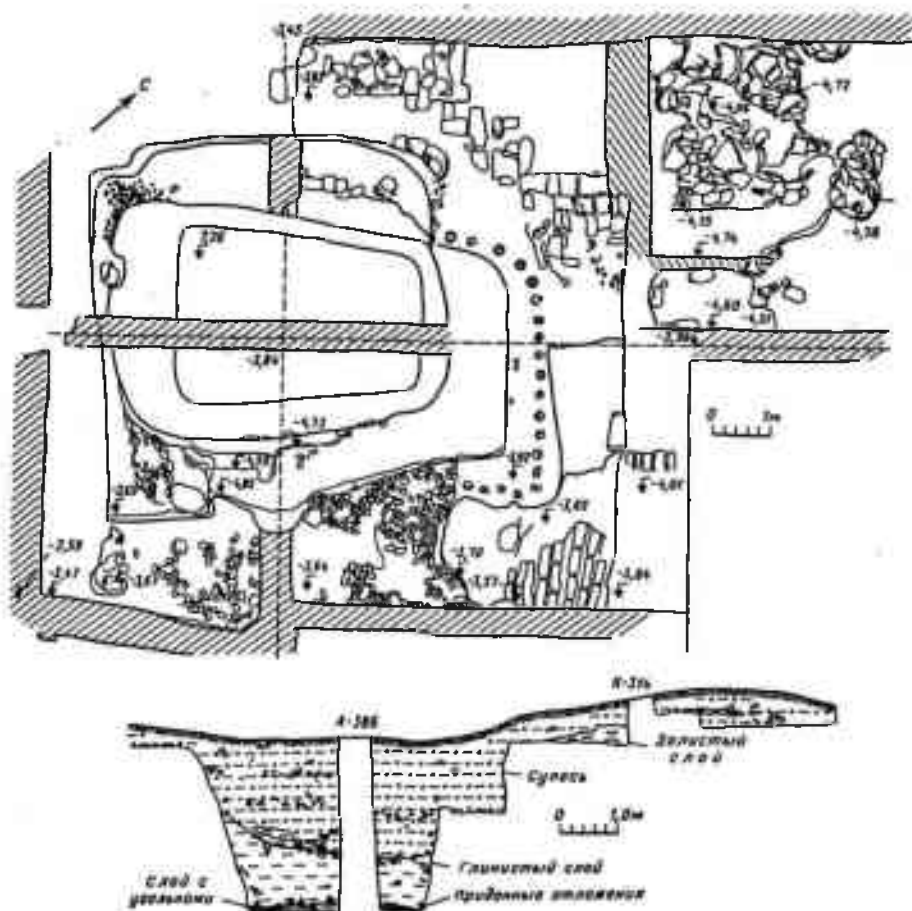
Рис. 34. Кайрагач. Вид на пандус

На верхней площадке усадьбы в V период выделяются две обширные комнаты с высокими суфами, удобными для сидения, и напольными очагами-площадками в центре комнат (помещения 5 и 4). Эти комнаты явно имели общественный характер и, может быть, были связаны с каким-то культом, ритуал которого предполагал поклонение огню. Обе площадки были сильно прокалены, что свидетельствует о длительном горении огня. В сосуде, который стоял в очаге одной из комнат, вероятно, возкуривалась благовонная трава испанда.

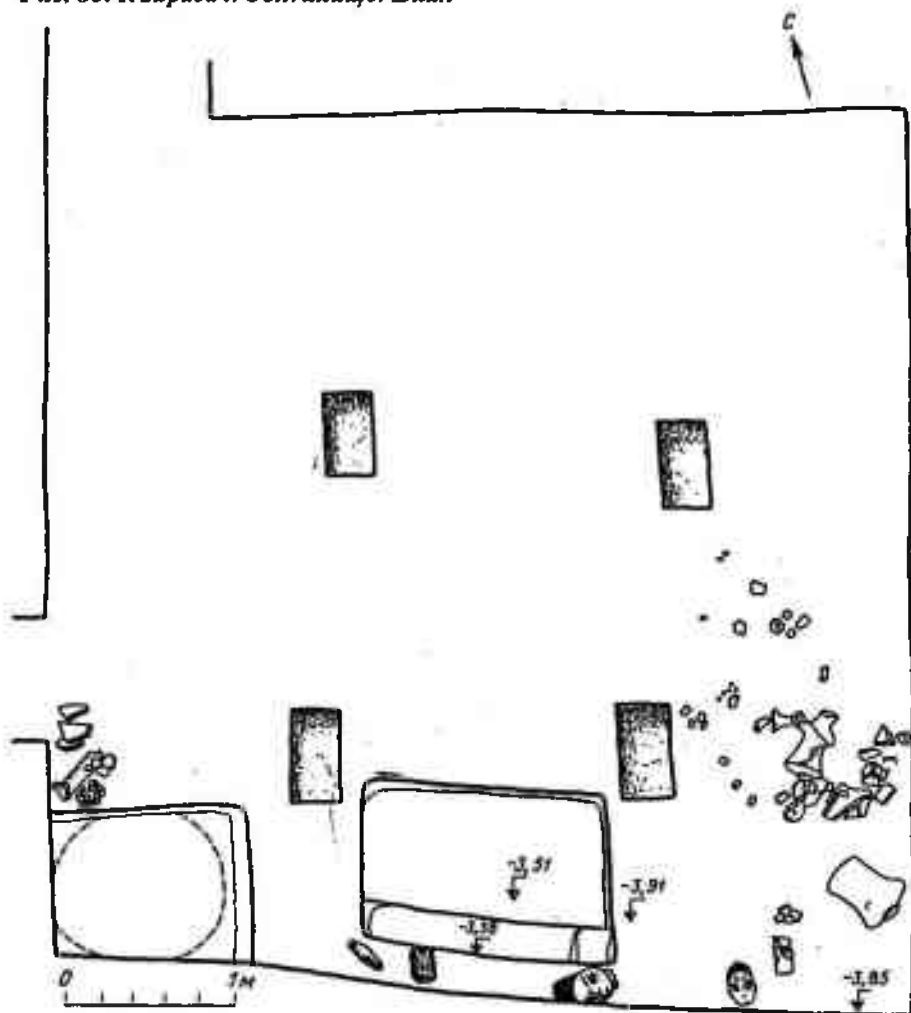
Назначение других комнат вырисовывается не так отчетливо. Их интерьер, как уже говорилось, однообразен. В них найдено огромное количество керамики. Но распределение ее по комнатам мало что дает для определения

Рис. 35. Кайрагач. Двор, план и разрез

их назначения, так как во всех комнатах почти одинаковый набор посуды. Вместе с хумами найдены кувшины, котлы, горшки и такие парадные и ритуальные сосуды, как ритоны и курильницы. Только в одном помещении первого периода на нижней площадке (18) и двух помещениях последнего периода на верхней площадке не найдено хумов. Некоторые комнаты, несомненно, являлись кладовыми. Здесь сосуды стояли в определенном порядке на полу и на суфах, а в некоторых случаях были и вкопаны в пол. В этих комнатах сосредоточено огромное количество сосудов — так в одной

Рис. 36. Кайрагач. Святилище. План

Рис. 38. Кайрагач. Святилище. Вид на алтарь с северо-востока

Рис. 39. Кайрагач. Святилище. Вид с севера

Рис. 40. Кайрагач. Вид башни с востока

Рис. 41. Кайрагач. Вид башни с запада

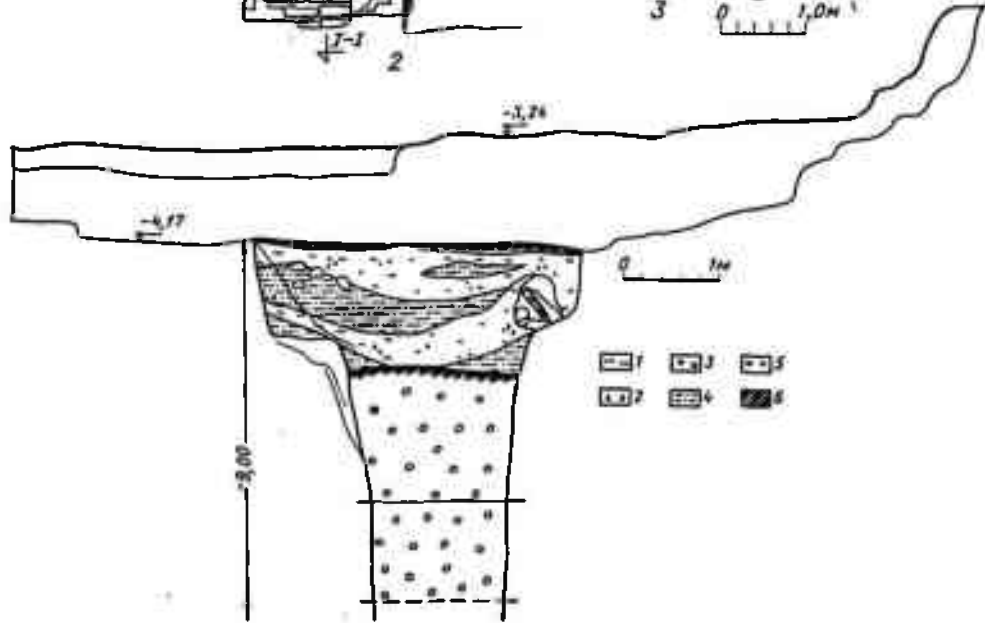
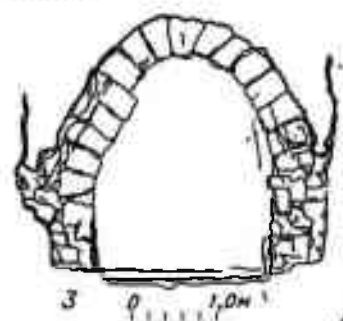
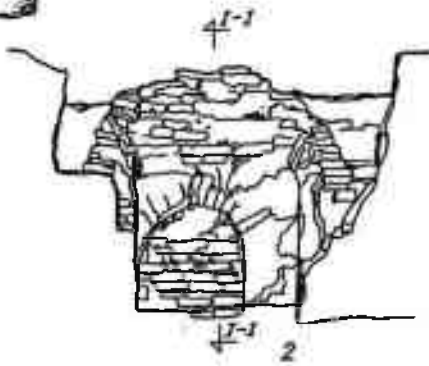
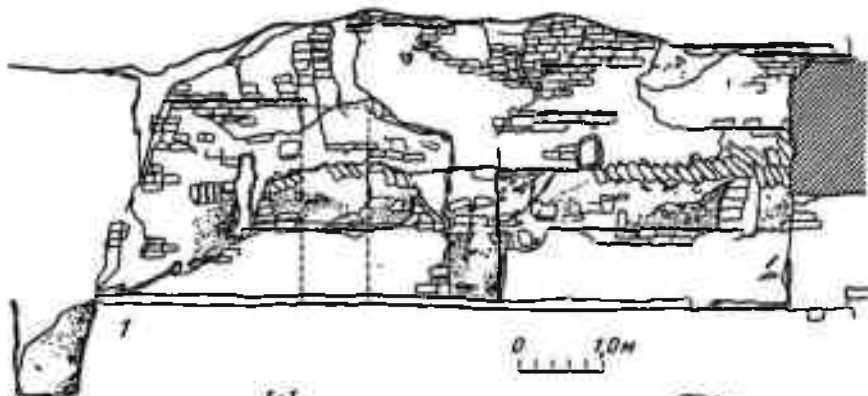

Рис. 42. Кайрагач. Башня. Вид с юго-востока

Рис. 43. Кайрагач. Башня. Разрезы

*1 — по линии II—II; 2 — по линии I—I;
3 — по линии III—III*

Рис. 44. Кайрагач. Помещение 9. Колодец

из них (8 — на верхней площадке) стояло 16 хумов (рис. 47; 48; 49), а в другой (27 — на нижней площадке) — 27 хумов.

В других же комнатах развал керамики носил хаотичный характер, и создавалось впечатление, что сосуды упали откуда-то сверху. Примером комнат с таким развалом является святилище, где раздавленные хумы лежали в аморфном завале и не были связаны с каким-то определенным слоем.

Не были выявлены здесь и прослойки, которые могли бы свидетельствовать о кратковременной жизни. Прямых свидетельств наличия в здании второго этажа нет. Но вполне вероятно, что плоская открытая крыша использовалась в хозяйственных целях. Случаи, когда крыша использовалась для отдыха, известны по раскопкам раннесредневековых замков Джумалактепе, Балалыктепе и Тешиккала. Наличие сводчатых помещений в западной части здания заставляет думать, что над ними были постройки второго этажа.

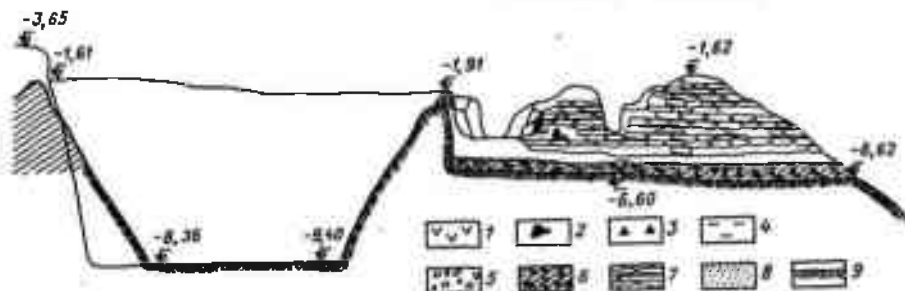
Как уже сказано, в памятке заключены постройки пяти строительных горизонтов, которые характеризуют пять периодов жизни здания. Материалы, добытые при раскопках, хорошо расчленяются стратиграфически, но анализ их не позволил разделить всю огромную массу находок из Кайрагача хронологически. Значит, они характеризуют какой-то небольшой хронологический этап. Весь комплекс находок позволяет датировать жизнь на поселении концом IV—VI в. н. э.

Рис. 45. Кайрагач. Помещение 17

Рис. 46. Кайрагач. Помещение 17. Разрез по линии I—I

1 — зола; 2 — камни; 3 — угли; 4 — супесь;
5 — материнный слой гравия; 6 — щебень; 7 — кирпичная кладка; 8 — обмазка глиной; 9 — материк

Рис. 47. Кайрагач. Помещение 8. Развал керамики

Рис. 48. Кайрагач. Помещение 8. Хум

Внутреннее убранство жилых помещений

Внутреннее убранство комнат в раннесредневековых жилых домах отличалось простотой и единообразием. Имущественная дифференциация владельцев домов выражалась в размерах жилищ, в тщательности их построек и в разнообразии внутренней отделки (цветная штукатурка, живопись и скульптура, резное дерево). Обычной и единственной «мебелью» были суфы, располагавшиеся вдоль стен⁷⁸. В шахристанских замках суфы располагались как вдоль одной из стен, так и по всему периметру помещений, оставляя свободным центр, где находился очаг для обогрева.

Видимо, обязательной принадлежностью интерьера раннесредневекового дома были невысокие столики. Чаще всего они делались из алебаstra. Массивные алебастровые столики с конусовидными ножками имели диаметр 0,7—1 м, но есть экземпляры меньших размеров. Их бытовое назначение несомненно. Это подчеркивается тем обстоятельством, что столики найдены в жилых помещениях и, как правило, у очагов. Алебастровые столики найдены во многих памятниках Ферганских предгорий: на поселении VI—VIII вв. Калаимуг⁷⁹, на поселении Актеште, в Кайрагаче. Хронологический и территориальный диапазон этих находок весьма широк. Алебастровые столики найдены в Пенджикенте и Афрасиабе. Они есть также в слоях XI—XII вв. в Карабулаке⁸⁰, Мунчактеле⁸¹. Бль-

Рис. 49. Кайрагач. Колонна в помещении на северном склоне

Рис. 23. Кайрагач. Верхняя площадка. Тагара в помещении 5

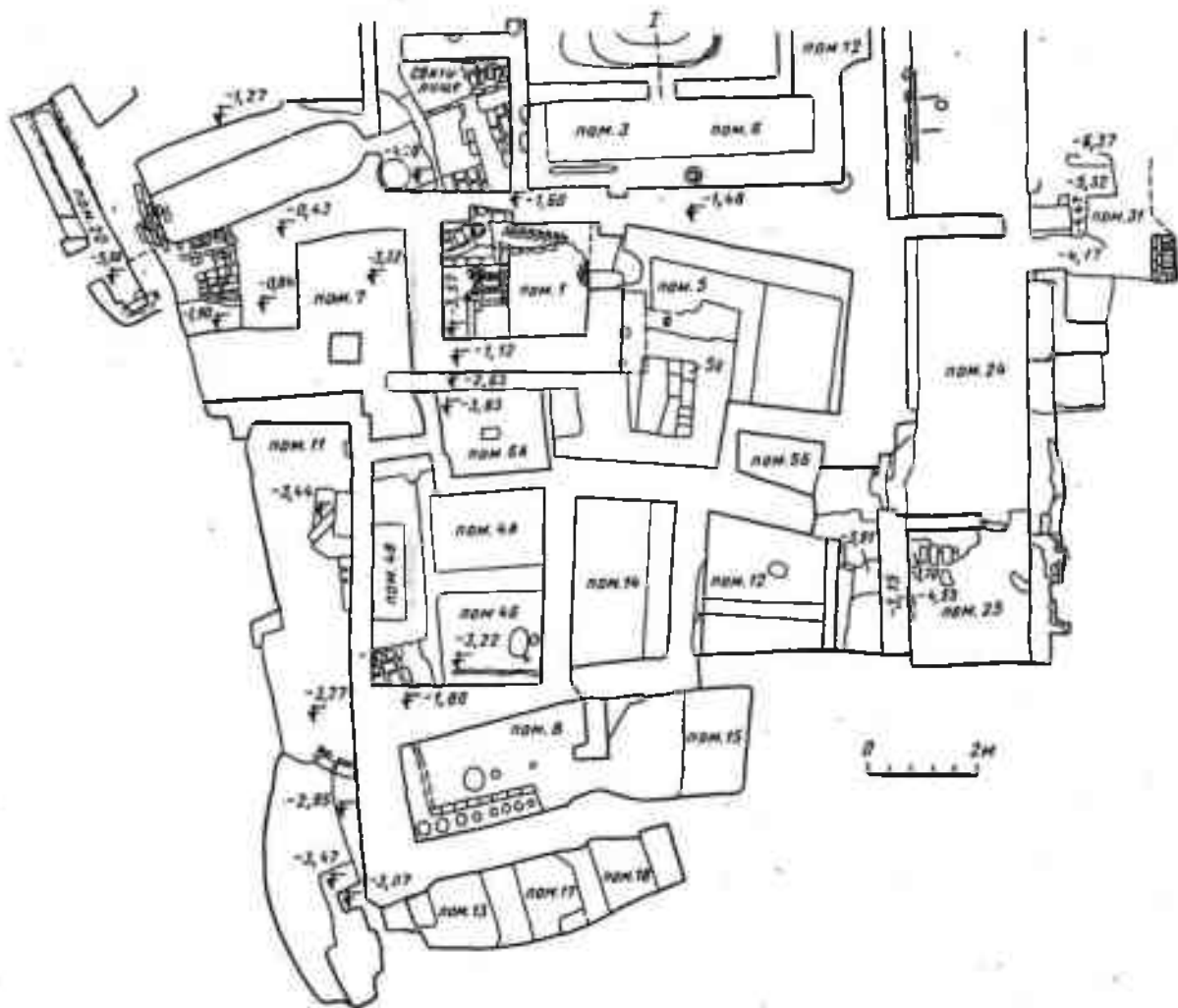
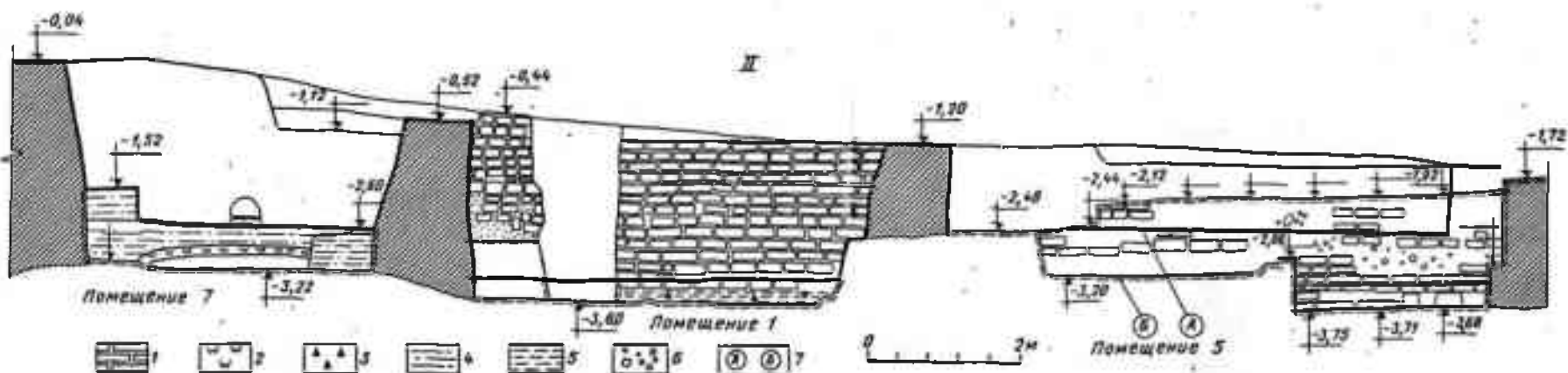

Рис. 24. Кайрагач. План сооружений на верхней площадке I и разрезы (II-VI)

Разрез II — по помещениям 7, 1, 5: 1 — кладка из сырцовых кирпичей; 2 — зола; 3 — уголь; 4 — сусль; 5 — глина; 6 — гальна; 7 — уровень верхнего пола (А), уровень нижнего пола (Б)

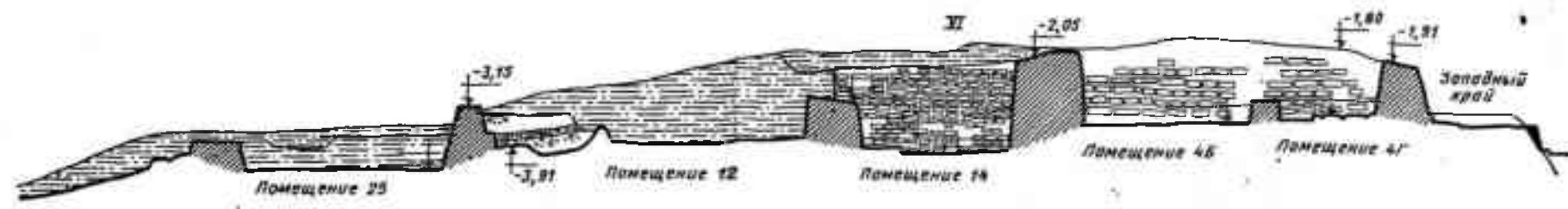
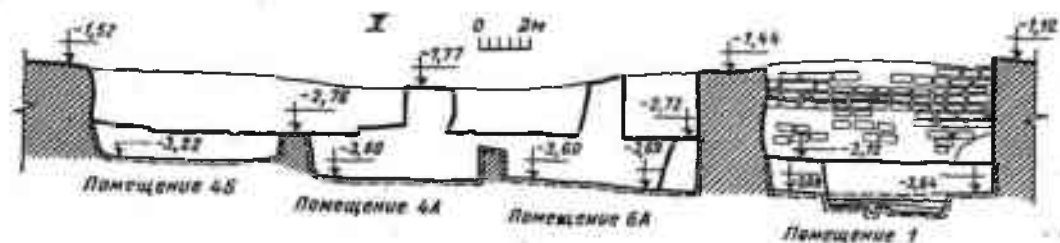
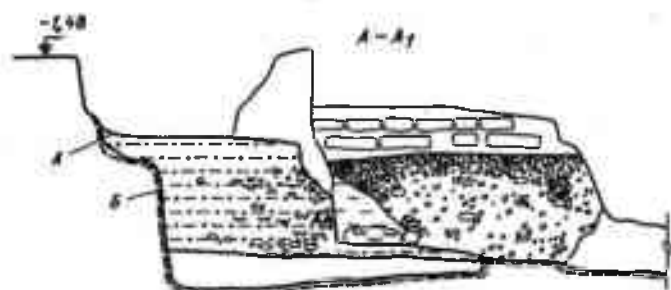
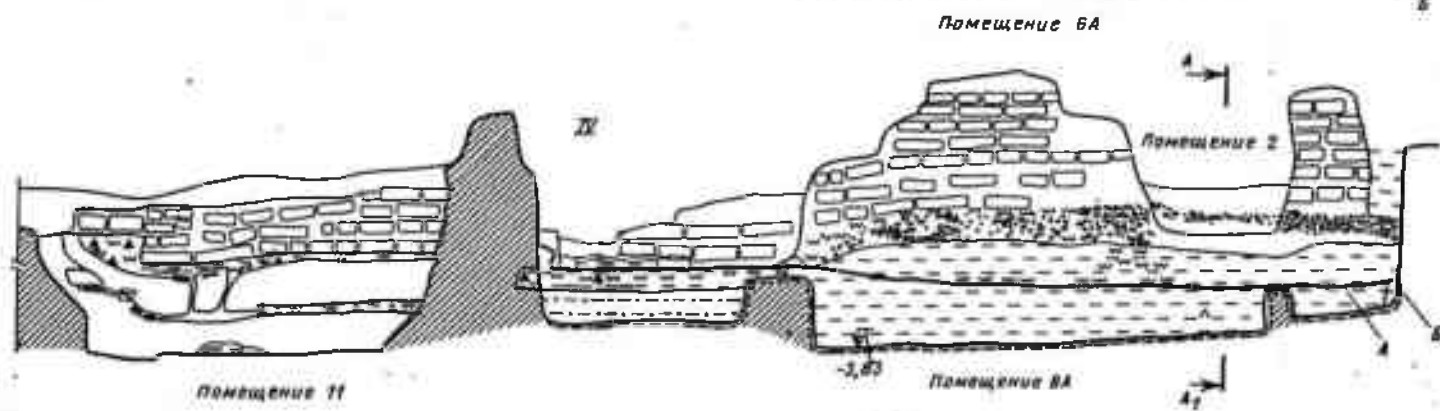
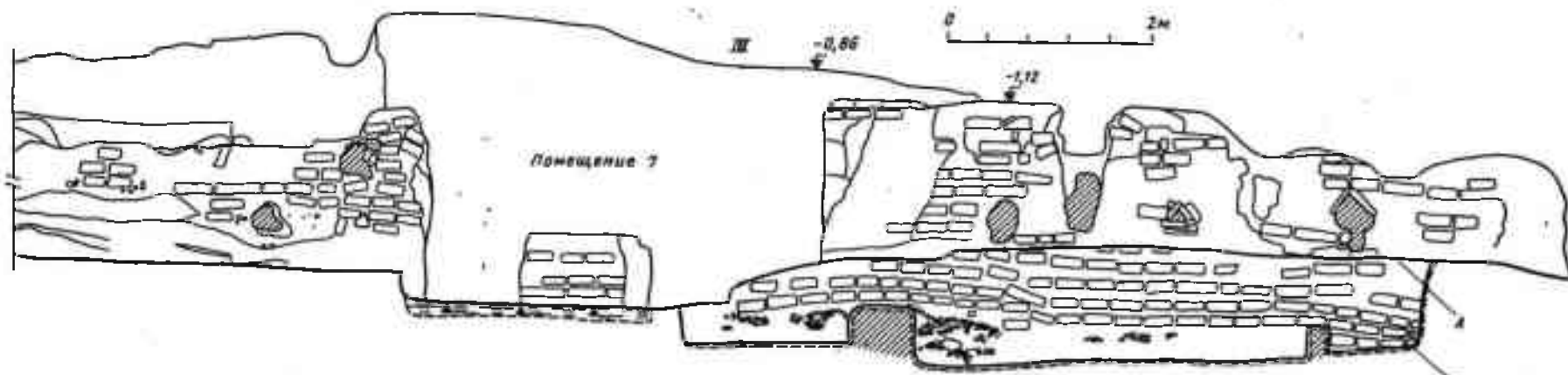

Рис. 24. (окончание)

разрезы: III — по помещениям 10, 7, 6а; IV — по помещениям 11, 8а, 2; по линии А—А₁; разрезы: V — по помещениям 4б, 4а, 6а, 1; VI — по помещениям 25, 12, 14, 4б, 4г

шая часть находок столиков связана с районами юго-западных предгорий Ферганы. Может быть, это дает возможность предположить, что они характерны в большей степени для материальной культуры именно этой области (рис. 50).

Освещение

Жилые комнаты освещались различными способами. Наиболее распространенным являлось освещение через световые люки в крыше. Этот прием освещения отмечен в памятниках разных эпох. Световые люки широко практиковались как в сводчатых, так и в плоских перекрытиях²². Другим способом было освещение через дверные проемы, выходящие во внутренние дворы, или айваны. В Пенджикенте в арочных проемах над дверью оставалась световая фрамуга. Исследователи полагают, что узкие коридорообразные комнаты в Калайболо освещались также через фрамуги, находившиеся над дверными проемами. Фрамуги были застеклены. Обломки оконного стекла найдены при раскопках в Калайболо²³.

Во внутренних комнатах пенджикентских домов отмечены окна, прорезанные высоко в торцевой стене и выходящие в световые колодцы, располагавшиеся между жилыми помещениями. Пригородные дома Пенджикента имели оконные проемы с низкими подоконниками²⁴. В карабулакском доме, где стены имеют почти двухметровую высоту, оконные проемы не обнаружены. Исключено здесь освещение через дверные проемы, так как двери всех комнат выходят в коридор, перекрытый сводом. Очевидно, освещение помещений Карабулакского дома осуществлялось через световые люки в перекрытиях.

Видимо, окна и фрамуги не давали достаточного количества света, и постоянно испытывалась необходимость в искусственном освещении. Для освещения комнат использовались светильники различных форм. Их помещали в небольшие стенные ниши. Одна из них открыта нами в Кайрагаче.

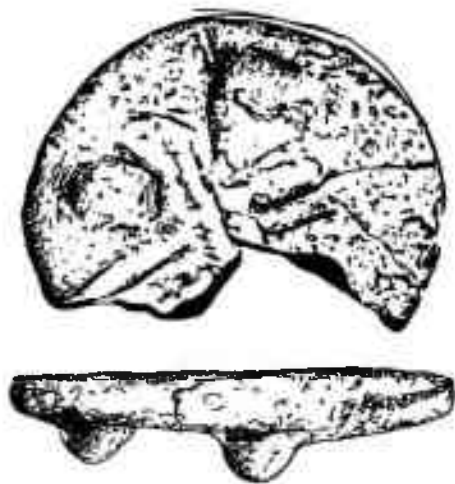

Рис. 50. Актене. Алябастровый столик

Очаги

Материалы из юго-западных предгорий Ферганы и соседних районов позволяют выделить четыре типа очагов, бытовавших здесь в раннее средневековье: напольные, пристенные, стеновые и перешпные²⁵.

I — тип — напольные очаги, являющиеся наиболее простым и распространенным типом очагов. Они имеют вид глинобитной площадки или небольшого углубления, где раскладывались горящие угли. В некоторых случаях площадки и углубления ограждены невысоким глинобитным валиком. Хронологический и территориальный диапазон напольных очагов весьма широк. Очаги этого типа открыты нами в трех помещениях в Кайрагаче. Они обнаружены также в замках Шахристана, на афригидских памятниках Хорезма, в Варахше.

II тип — вмазанные в пол и располагавшиеся около стен жаровни. Им сопутствуют керамические экраны, вмазанные в стены и служившие для отражения тепла, а также для предохранения стены от растрескивания. Очаги этого типа обнаружены в Шахристане⁸⁶ и Пенджикенте⁸⁷. Их разновидностью являются открытые в Пенджикенте несложные сооружения из сырцовых кирпичей, положенных на ребро или плашмя, перекрытые сводками.

III тип — стеновые очаги, не получившие широкого распространения. Кроме Карабулака, где обнаружено три очага этого типа (два в коридоре, один во впадной стене за пределами здания), стеновые очаги открыты в Кайрагаче и Пенджикенте. Конструкция их весьма примитивна: полуовальные ниши выдалбливались в нижней части стены, на уровне пола или суфы⁸⁸. Перед устьем одного из очагов, открытых в коридоре Карабулакского дома, сооружен невысокий глинобитный валик. В Кайрагаче оградки из сырцовых кирпичей, поставленных на торец, ограничивают небольшие овальные или прямоугольные углубления перед устьем очагов.

IV тип — переносные очаги, в качестве которых использовались толстостенные жаровни с горящим углем. Они служили для обогрева помещений. Этот тип очагов был широко распространен в Средней Азии. Помимо Кайрагача, где жаровни разных размеров и форм найдены в большом количестве, применение переносных очагов отмечено в Пенджикенте⁸⁹, в Шахристане. Н. Негматов указывает, что подобный способ отопления жилищ сохранился у таджиков горной области Матча до настоящего времени⁹⁰.

Строительная техника

Строительные материалы. На протяжении тысячелетий в Средней Азии основным строительным материалом был сырцовый кирпич различной формы и различных размеров. В Фергане с первых веков I тысячелетия н. э. используется хорошо сформованный из тонкого лёсса длинномерный прямоугольный кирпич, соотношение длины и ширины которого 1:2, размеры 50×25×10. К середине I тысячелетия размеры кирпича уменьшаются, но соотношения длины и ширины остаются прежними. Иногда же используются кирпичи, размер которых характерен для первых веков н. э. Они отмечены в кладках стен Актепе, Калаиболо, в замке в Карабулаке.

С середины I тысячелетия н. э. в строительстве широко применяется битая глина, уложенная горизонтальными пластами, разделенными вер-

тикальными бороздами на блоки различных размеров (70×70, 60×60, 70×50 см и т. д.). Чаще всего ряды пахсы чередуются с рядами кирпичной кладки. Стены одного из помещений карабулакского замка сложены из паховых блоков различных размеров, причем блоки больших размеров составляли нижние ряды кладки, вверху же стены сложены из длинномерных сырцовых кирпичей размером 44×22, 40×20 см. Из ших же сооружен свод, перекрывавший помещение. В XI—XII вв. сохраняются пропорции раннесредневекового кирпича. Но размер кирпичей уменьшается. Так, в Карабулаке в постройках XII в. стены сложены из кирпичей размером 40×20×10; 38×19×10; 37×18, 5×10 см; кирпичи такого же размера обнаружены в Анакызыле, близ Узгена.

В горных районах в строительстве широко применялся камень. В замке на горе Муг в кладке стен использованы прямоугольные хорошо отесанные плиты мергелистого известняка⁹¹. В Кайрагаче в ряде случаев крупная речная галька была положена в основание стен.

Приемы кладки. При возведении стен применялись следующие типы кладок:

1) кладка цепная, при которой чередуются ряды кирпичей, положенных тычком и ложком; 2) комбинированная кладка, представляющая собой чередование слоев пахсы и кирпичей. В кладке использовались крупные нарезные паховые блоки прямоугольных или ромбических очертаний. Блоки, как правило, чередуются с кирпичной кладкой, которая составляет верхние ряды стен или же расслаивает ряды пахсы. Этот прием отмечен на многих памятниках как раннесредневековых, так и более позднего периода (Пенджикент, акбешимские храмы, Карабулакский замок, замки в Шахристане и др.); в Калайболо эта кладка отмечена в сооружениях всех этапов⁹².

Строителям, возводившим постройки в горных районах, были известны антисейсмичные приемы кладки. К их числу В. Л. Воронина относит кладку кирпичей на ребро⁹³. Она широко применялась средневековыми строителями и отмечена в памятниках X—XII вв., расположенных в районах с высокой сейсмичностью. Строителям были известны и другие антисейсмичные приемы. Н. М. Бачинский отмечает применение песчаных и камышовых поясов, использовавшихся в кладке стен, и глиняных растворов, которые сохраняли свою пластичность долгое время⁹⁴. Может быть, с антисейсмичными приемами можно связывать самые конструкции стен. В Карабулаке и Кайрагаче продольные и поперечные стены не имеют перевязки, а сооружены впритык. Кирпичи положены на очень рыхлый глиняный раствор или вообще без него. Аналогичную картину отмечала В. Л. Воронина на Мунчактепе⁹⁵. В Кайрагаче применяется очень нерегулярная кладка. В одном ряду лежат кирпичи и тычком и ложком. На некоторых участках массивные стены из нескольких поясов не имеют между собой прочного сцепления.

Перекрытия. Значительная часть исследованных сооружений имела плоские бесчердачные перекрытия; конструкция их была весьма проста: в помещениях удлиненного плана, не имевших внутренних опор, балки перекрытия укладывались по малому пролету комнат. На балки укладывались жерди, распиленные вдоль и прикрывавшиеся сверху камышовыми циновками, землей, а сверху все покрывалось саманной обмазкой.

В завале над полом при раскопках часто встречаются остатки этих перекрытий в виде камыщового тлена. В помещениях, погибших от пожара, обуглившиеся деревянные конструкции перекрытий лежали на полу в определенном порядке, как было отмечено при раскопках в помещении № 4 на верхней площадке, в № 3 на нижней площадке в Кайрагаче. В некоторых случаях для опоры перекрытий в узких помещениях использовались колонны. В ряде помещений усадьбы Кайрагач открыты круглые ямки, в которых, видимо, стояли эти колонны. Их диаметр не превышал 15—20 см. Ямки располагались вдоль суф и стен комнат на расстоянии 50—70 см одна от другой. Как показали исследования, проведенные Г. Н. Лисициной, для перекрытий применялось дерево твердых пород, в том числе и арча.

В больших квадратных помещениях, где внутренний пролет превышал размеры деревянных прогонов, кровля всегда поддерживалась деревянными колоннами. Количество колонн различно — от одной и больше. Но более всего была распространена установка четырех колонн, образующих четырехугольник. Четырехколонные залы открыты в жилых домах Пейджикепта, в раннесредневековых замках Согда. Четырехколонными были также центральные залы храмовых построек. В Кайрагачском святилище плоское перекрытие опиралось на четыре прямоугольные колонны. В помещениях I периода открыты массивные глинобитные колонны; основой их явились круглые в сечении деревянные столбы.

Узкие коридорообразные помещения перекрывались, как правило, сводами различных конструкций. Об использовании сводчатых перекрытий в сооружениях V—VIII вв. есть как косвенные, так и прямые свидетельства. Косвенным доказательством являются завалы из кирпичей, упавших на торец. Такие характерные завалы рухнувших сводов открыты в ряде комнат в западной части усадьбы.

Прямым свидетельством являются сами своды, остатки которых открыты помимо Кайрагача, в Карабулаке и в Калаболо. В помещении 1 Карабулакского замка остатки свода сохранились на южной стене. В Калаболо и Карабулаке⁹⁹ своды были выложены способом наклонных отрезков, широко применявшимся в Средней Азии в VI—VIII вв. Своды, сооруженные этим способом, отмечены в Хорезме, Согде, Тохаристане, Чаче, Уструшане¹⁰⁰.

Сводной конструкции был открыт в усадьбе Кайрагач, где длинная коридорообразная комната, примыкавшая с запада к святилищу, была перекрыта двойным сводом. Внутренний свод перекрывал помещение, пролет которого был равен 2,2 м; ширина пролета внешнего свода достигала 3 м. Внешний свод сохранился в высоту до 7,48 м. Внутренний свод сохранился полностью только в восточной части комнаты, где он прослежен на участке протяженностью около 2 м. Высота его от пола до замковых кирпичей равна 5,8 м. Он был выложен способом поперечных отрезков (рис. 41—43). Кладка сводов подобной конструкции начинается от щипцовой (торцовой) ступы комнаты, служившей опорой для первого ряда кирпичей, и ведется дугами, в которых каждый предшествующий ряд кирпичей прикрепляется раствором к последующему постельной стороной. В кладке свода в Кайрагаче использовались специальные кирпичи трапецидальной формы. Они имели следующие размеры: 21×32×43,

25×27×44, 26×45×48, 25×29×43, 25×32, 5×48 см (первые числа выражают длину торцовых сторон кирпичей). Обнаружены также замковые кирпичи свода, имеющие форму равнобедренного треугольника с длинной стороной 35 см. О конструкции внешнего свода судить можно менее определенно. Скорее всего, он был выложен способом наклонных отрезков.

Двойные своды известны в Хорезме, где они имеют широкий хронологический диапазон. В частности, двойным сводом перекрыты помещения Кой-Крылганкалы⁹⁸. Двойным сводом перекрыты постройки I—III вв. в э. Аякалы; внутренний свод здесь выложен способом поперечных отрезков, а внешний — клинчатой кладкой⁹⁹.

- ¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. Т. 1.
- ² Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1955.
- ³ Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. М., 1968.
- ⁴ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 225.
- ⁵ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 224. См. также: Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. М., 1964, т. 2, с. 2, с. 331.
- ⁶ Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана..., с. 14.
- ⁷ Вичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 2, с. 149.
- ⁸ См., в частности: Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы. — В кн.: Древний город Средней Азии: Тез. докл. Л., 1973; Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана. — СА, 1981, № 4, с. 186.
- ⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952, с. 217; Он же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, с. 10.
- ¹⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 218.
- ¹¹ Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на стоятельстве БФК. — Тр. Ин-та истории и археологии АН УССР, 1951, т. 4, с. 40.
- ¹² Горбунова Н. Г. Некоторые итоги исследований поселений Ферганы кушанского времени. — В кн.: Пленум ИА АН СССР: Тез. докл. Ташкент, 1973, с. 133.
- ¹³ Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений..., с. 134.
- ¹⁴ Горбунова Н. Г. Некоторые итоги исследований..., с. 134.
- ¹⁵ Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений..., с. 19.
- ¹⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 248.
- ¹⁷ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 248; Мандельштам А. М. К истории Бактрии — Тохаристана. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 28; Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 52—53. Следы заустения и упадка города хорошо прослежены раскопками в таких крупнейших городах Средней Азии, какими были Мерв и Афрасиаб. См. об этом: Филимонов М. И. Застройка, социальная группировка городского населения, динамика развития античного рапперсидского Мерва. Пленум ИА АН СССР: Тез. докл. 1973, с. 95; Шишкина Г. В. Город на Афрасиабе VI в. до н. э. — IV в. н. э. Планум ИА АН СССР: Тез. докл. Ташкент, 1973.
- ¹⁸ Бернштам А. Н. Древняя Фергана; Он же. Историко-археологические очерки..., с. 228.
- ¹⁹ Горбунова Н. Г., Оболдуева Т. Г. Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской долины. — АО 1966 г. М., 1967.
- ²⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1944.
- ²¹ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирджан (Кобаджан). — МИА, 1953, № 37, с. 292.

- ²² Давидович Е. А., Литвинский В. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 159.
- ²³ Мандельштам А. М. Социально-экономический строй земледельческих областей Средней Азии.— ИТН. М., 1964, т. 2, ч. 1, с. 53.
- ²⁴ Массон В. М. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 100.
- ²⁵ Беленицкий А. М. Из итогов раскопок последних лет древнего Пенджикента.— СА, 1965, № 3; *Она же*. Древний Пенджикент — раннефеодальный город. Л., 1967.
- ²⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах..., т. 1.
- ²⁷ Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.).— КСИИМК, 1949, вып. 28, с. 31. См. также: История Узбекистана. Ташкент, 1955, т. 1, кн. 1, с. 151; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 135; Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 15 и сл.; Шишкин В. А. Археологические работы в 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, с. 18; Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1950, т. 2; Негматов Н. Н. Урушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1955.
- ²⁸ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 217 и сл.
- ²⁹ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- ³⁰ Давидович Е. А., Литвинский В. А. Археологический очерк..., с. 153.
- ³¹ Там же, с. 104.
- ³² Брыкина Г. А. К истории земледельческого населения юго-западной Ферганы в V—XII вв.— КСИА, 1970, вып. 122.
- ³³ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, с. 93.
- ³⁴ Брыкина Г. А. Раскопки в юго-западных предгорьях Ферганы и на поселении Ана-Кызыл.— АО 1968 г. М., 1967.
- ³⁵ Давидович Е. А., Литвинский В. А. Археологический очерк..., с. 82.
- ³⁶ Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
- ³⁷ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники..., с. 163.
- ³⁸ Брыкина Г. А. Карабулак.
- ³⁹ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники..., с. 163; Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы у с. Кайрагач (Южная Киргизия).— АО 1969 г. М., 1970, с. 435—437; Брыкина Г. А., Николаенко Т. Д. Раскопки в Кайрагаче.— АО 1976 года. М., 1977, с. 580; Брыкина Г. А. Итоги исследования усадьбы Кайрагач.— В кн.: УСА, Л., 1979, вып. 4.
- ⁴⁰ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники..., с. 165.
- ⁴¹ Брыкина Г. А. Раскопки в Кайрагаче (Южная Киргизия).— АО 1974 г. М., 1975, с. 551.
- ⁴² Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка.
- ⁴³ Брыкина Г. А. Раскопки в юго-западных предгорьях Ферганы и в Ана-Кызыле.— АО 1968 г. М., 1967.
- ⁴⁴ Брыкина Г. А. Раскопки усадьбы у с. Кайрагач.— АО 1969 г. М., 1970; *Она же*. Итоги исследования усадьбы Кайрагач, с. 72—75.
- ⁴⁵ Усадьба впервые осмотрена Н. Н. Негматовым в 1955 г. См.: Негматов Н. Н. О работах Хоментско-Усрушанского отряда в 1955 г.— В кн.: АРТ в 1955 г. Сталинабад, 1956, с. 69. В 1957 г. памятник вновь был обследован Ю. А. Заднепровским, проводившим разведки в юго-западных предгорьях Ферганы.
- ⁴⁶ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники..., с. 183.
- ⁴⁷ Давидович Е. А., Литвинский В. А. Археологический очерк..., с. 143.
- ⁴⁸ Воронина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, 1963, № 6, с. 85; *Она же*. Архитектура древнего Пенджикента: (Итоги работ 1952—53 гг.).— МИА, 1958, № 68.
- ⁴⁹ Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма; *Она же*. Из истории хорезмского сельского жилища.— СЭ, 1972, № 3.
- ⁵⁰ Воронина В. Л. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии.— СА, 1957, № 4; *Она же*. Доисламские культовые сооружения Средней Азии.— СА, 1960, № 2.
- ⁵¹ Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г.— КСИА, 1966, вып. 108.
- ⁵² Расположение по углам здания помечено, не связанных с остальными комнатами, отмечено Н. Негматовым

- при раскопках замка Урта-Курган в Шахристане. *Негматов Н., Салтовская Е. Д.* О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г.— В кн.: АРТ в 1960 г. Душанбе, 1962, вып. 8.
- ⁵³ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 191, рис. 90.
- ⁵⁴ *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 93—100.
- ⁵⁵ *Баруздин Ю. Д.* Находки на юге Киргизии.— В кн.: Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961). Фрунзе, 1962, с. 11—12, рис. 6.
- ⁵⁶ *Васильев А. И.* Согдийский замок на горе Муг.— В кн.: Согдийский сборник. Л., 1934; *Воронова В. Л.* Изучение архитектуры древнего Пенджикента.— МИА, 1950, вып. 15, с. 190.
- ⁵⁷ *Мандельштам А. М.* Раскопки на Батур-тепе в 1955 г.— АРТ, 1956, с. 57—59.
- ⁵⁸ *Негматов Н. Н. и др.* Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966; *Негматов Н. Н., Пулатов У. П. и др.* Урта-Курган в Тирмизак-тепе. Душанбе, 1972; *Пулатов У. П.* Чиль-Худжра. Душанбе, 1975.
- ⁵⁹ *Шишкин В. А.* Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.).— Тр. ИИА АН УзССР, 1956, вып. 8, с. 27.
- ⁶⁰ *Шишкин В. А.* «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза.— Тр. Термезской археологической экспедиции, 1945, т. 1, с. 98—131.
- ⁶¹ *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
- ⁶² *Воробьева М. Г.* Раскопки архаического поселения близ Дингильдже.— МХАЭЗ, 1959, вып. 1, с. 70; *Она же.* Дингильдже. М., 1973.
- ⁶³ *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 132.
- ⁶⁴ *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма, с. 68—70.
- ⁶⁵ *Лавров В. А.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 44.
- ⁶⁶ *Воронова В. Л.* Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества.— Архитектурное наследие, 1957, № 8.
- ⁶⁷ *Воронова В. Л.* Городище древнего Пенджикента как источник для изучения истории зодчества.
- ⁶⁸ *Негматов Н., Зеймаль Т. И.* Раскопки Тирмизак-тепе.— Изв. АН ТаджССР. ООИ, 1961, вып. 1(24), с. 67—88; *Негматов Н. Н. и др.* Средневековый Шахристан..., с. 107.
- ⁶⁹ *Шишкин В. А.* Архитектурная декорация дворца в Варахше.— ТОВЭ. Л., 1947, т. 4, с. 231.
- ⁷⁰ *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма, с. 68—69; *Она же.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976, с. 179.
- ⁷¹ *Нильсен В. А.* Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.
- ⁷² *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.— МИА, 1958, № 66, с. 157—161, 168—171; *Воронова В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента.— МИА, 1958, № 66, с. 204, рис. 8, 9.
- ⁷³ *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма, с. 114; *Она же.* Сельское жилище в Хорезме..., с. 220, 236.
- ⁷⁴ *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 257.
- ⁷⁵ *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке...
- ⁷⁶ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк...
- ⁷⁷ *Негматов Н., Зеймаль Т. И.* Раскопки на Тирмизак-тепе; *Негматов Н. Н., Пулатов У. П. и др.* Урта-Курган и Тирмизак-тепе.
- ⁷⁸ *Нильсен В. А.* Становление феодальной архитектуры..., с. 187.
- ⁷⁹ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 151.
- ⁸⁰ *Брыкина Г. А.* Карабулак.
- ⁸¹ Хранится в отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.
- ⁸² *Воронова В. Л.* Черты раннесредневекового жилища..., с. 86—87.
- ⁸³ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк...
- ⁸⁴ *Воронова В. Л.* Черты раннесредневекового жилища...
- ⁸⁵ Принимаем терминологию, предложенную В. Л. Вороновой, см.: *Воронова В. Л.* Черты раннесредневекового жилища...; *Она же.* Архитектура древнего Пенджикента: (Результаты раскопок 1954—1959 гг.).— МИА, 1964, № 124.
- ⁸⁶ *Негматов Н. Н.* О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г.— Тр. АН ТаджССР, 1959, Т. 91.
- ⁸⁷ *Воронова В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента, с. 66; *Она же.* Черты раннесредневекового жилища..., с. 89, рис. 1.
- ⁸⁸ *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке..., с. 116.
- ⁸⁹ *Воронова В. Л.* Черты раннесредневекового жилища..., с. 90.

- ⁶⁰ *Незमतов Н.* О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г.— В кн.: АРТ. Сталинабад, 1959, вып. 5, с. 102.
- ⁶¹ *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника Средней Азии.— Архитектурное наследие, 1953, № 3.
- ⁶² *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 171.
- ⁶³ *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника..., с. 14.
- ⁶⁴ *Бачинский Н. М.* Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.; Л., 1949.
- ⁶⁵ *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника...
- ⁶⁶ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 81; *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке.— КСИА, 1966, вып. 108, с. 118.
- ⁶⁷ *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника...; *Нильсен В. А.* Становление феодальной архитектуры Средней Азии, с. 248.
- ⁶⁸ *Кой-Крылганкала.*— ТХАЭЭ. М., 1957, т. 5, с. 24.
- ⁶⁹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 164, рис. 41.

Глава II

Классификация находок

Керамика

Для Ферганы первой половины I тысячелетия н. э. характерно широкое распространение тонкостенной керамики, покрытой плотным блестящим ангобом различных оттенков — от темно-бордового до оранжево-красного. Эта керамика явно превалирует над всеми остальными видами керамической продукции. Находки ее отмечены повсеместно как в долине, так и в предгорных и горных районах, как на поселениях, так и в курганах. Хронологический диапазон ее бытования определялся достаточно широко — от II—I вв. до н. э. до VII в. н. э. Соответственно так же широко датировались памятники, с которых она происходила. Датирование этого комплекса находок осложнялось отсутствием сколько-нибудь полно изученных поселений с хорошей четкой стратиграфией.

Красноангобированная керамика, как правило, тонкостенна, изготовлена из хорошо отмученной тонкой глины. Она представлена сосудами различного назначения и различной формы и включает кувшины без ручек и с ручками, миски, кубки, сосуды баночной формы, кружки. Особую группу составляет красноангобированная посуда с процарапанным орнаментом.

Большие серии такой керамики добыты при раскопках курганных могильников (Карабулак, Тураташ, Исфаринский, Ворух)¹. Поселения же первой половины I тысячелетия н. э. в юго-западных предгорьях изучены недостаточно. Основная масса находок происходит из случайных сборов на развалинах поселений. Небольшие участки этого времени открыты в Калаиболо, где в средневековое здание оказалась замурованной стена I в. н. э.², и Актепе в Баткенском районе, где открыто одно помещение, перекрытое раннесредневековым зданием. В заполнении этого помещения найдено большое количество керамики, в том числе и красноангобированной. Ее составляют чаши с перегибом, чаши полусферической формы, чаши усеченно-биконической формы с округлым ребром на середине высоты, широкогорлые кувшины с грушевидным туловом. Кроме красноангобированной посуды здесь же найдены широкогорлые корчаги с широким туловом, покрытые белым ангобом и украшенные прочерченным линейно-волнистым орнаментом, нанесенным до обжига. Керамика из Актепе обнаруживает большое сходство с керамическими находками из расположенного рядом могильника Карабулак³.

Памятники середины I тысячелетия изучены значительно полнее. На них получен обильный и хорошо стратифицированный материал.

Сопоставление тех небольших материалов, которые были добыты раскопками на поселениях первых веков н. э., с материалами последующих периодов показывает, что облик керамической продукции в юго-западных предгорьях Ферганы в середине I тысячелетия н. э. — VI—VII вв. — силь-

но изменяется. Так, керамика из верхнего горизонта Актепе совершенно иная, чем из нижнего горизонта этого памятника.

Изменение керамической продукции в середине I тысячелетия н. э. произошло повсеместно во всех областях Средней Азии. Она по сравнению с керамикой предшествующего периода характеризуется сильным огрубением, что выразилось в резком сокращении керамики гончарного производства, в менее тщательной отделке поверхности сосудов, в использовании грубого теста при ее изготовлении. Это явление наблюдалось почти во всех культурно-исторических районах Средней Азии. Именно к этому времени относится исчезновение в Фергане изящной тонкостенной керамики, покрытой блестящим красным ангобом. В Хорезме в IV—VI вв. преобладает лепная керамика, изготовленная из очень грубого теста с большим количеством грубых примесей (гипс, древесина)⁴. Значителен процент лепной керамики и в Согде (в Пенджикенте лепная керамика составляет 19—20%)⁵.

Огрубление продукции керамического производства в середине I тысячелетия н. э. принято связывать с общим упадком городского ремесла в эпоху кризиса рабовладельческой формации⁶. Анализ керамического материала афригидского Хорезма привел Е. Е. Неразик к выводу о том, что была еще одна причина этого явления. Е. Е. Неразик склонна объяснить огрубение керамики раннеафригидского Хорезма не только следствием упадка ремесленного производства в период кризиса рабовладельческой формации, но и влиянием на материальную культуру Хорезма его кочевых соседей, которое выразилось также и в распространении в Хорезме форм сосудов, бытовавших у степного населения Приаралья и Присырдарьинской области, в применении хорезмийскими гончарами приемов ornamentации керамики, свойственных населению этих областей (орнамент, выполненный крупнозубчатым штампом, напесные жгутики с гофрировкой, имитация бараньих рогов)⁷. Влиянием скотоводческого населения на материальную культуру Каршинского оазиса объясняет С. К. Кабанов появление лепных сосудов с зооморфными ручками. Б. И. Маршак оспаривает это мнение С. К. Кабанова, отмечая наличие котлов и кувшинов с зооморфными ручками в слое ТБ II⁸.

Для характеристики керамики мы располагаем подъемным материалом, собранным на поселениях, и материалами, добытыми при раскопках на четырех объектах (верхний горизонт поселения Актепе, два помещения и стратиграфический шурф на поселении Таган, полностью раскопанный замок в Карабулаке и усадьба Кайрагач). К сожалению, в качестве сравнительного может быть привлечен в основном только подъемный материал, собранный Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским в замках Исфаринского района⁹. Керамика же из Шахристапа, где в настоящее время раскопаны пять раннесредневековых замков, и из Кувы, где вскрыты на значительной площади жилые комплексы VI—VIII вв., не опубликована в достаточной мере. Очень важны для изучения керамики Ферганы работы Н. Г. Горбуновой, вышедшие в последние годы¹⁰.

Хумы. Как уже отмечалось, с середины I тысячелетия н. э. в предгорной Фергане и Уструшане основными типами поселений становятся замок и укрепленная усадьба.

В условиях натурального хозяйства в замках и усадьбах сосредоточивались большие запасы продовольствия, необходимость которых диктовалась и причинами политического характера. О том, что запасы продовольствия были значительны, свидетельствует огромное количество находок хумов, использовавшихся для хранения зерна, муки.

Обломками хумов почти сплошь была усеяна поверхность поселений в урочище Тураташ, Курганча. На поселении Актепе огромное количество фрагментов хумов собрано как на самом тепе, так и на значительном расстоянии вокруг него. Подавляющее большинство находок из жилых помещений, раскопанных в Тагопе, составляют хумы. В трех помещениях верхнего горизонта, открытых нами на поселении Актепе в 1960 г., 17 хумов обнаружены *in situ*. Часть хумов была врыта в пол, часть стояла на полу. Все хумы, за исключением одного, были раздавлены рухнувшими стенами и перекрытиями. В 1961 г. Ю. Д. Баруздин, продолживший раскопки на поселении, вскрыл частично еще три помещения. В них кроме большого количества фрагментов посуды, глиняных пряслиц и бус обнаружены четыре целых хума с тамгами¹¹. В замке, раскопанном в Карабулаке, также найдены фрагменты хумов и один целый сосуд, врытый в пол¹².

В Кайрагаче хумы найдены почти в каждой комнате. Так, в небольшой по площади комнате на верхней площадке было 17 хумов. В помещении 8 пижней площадки — 27 хумов. Хумы стояли на полу или суфах, некоторые из них были врыты в пол. В настоящее время эта категория сосудов представлена большой серией находок, насчитывающей около 75 целых форм.

Хумы имеют разную форму и разную емкость. Так, высота хума, обнаруженного колхозниками на поселении Шалды-Балды, равна 1,5 м, наибольший диаметр тулова около 1 м. Хум из Актепе имел высоту 1 м, диаметр тулова — 70 см. Такого же размера был хум из Карабулакского замка. Хумы из Кайрагача имеют высоту от 70 см до 1,20 м.

Техника изготовления хумов различна. Большая часть хумов из Актепе изготовлена на гончарном круге и имеет недостаточный (трехслойный) обжиг. Среди керамических находок в Тагопе преобладают лепные хумы. Хумы из Кайрагача изготовлены также способом ручной лепки.

Судя по находкам целых хумов и фрагментов большого размера, можно выделить пять типов сосудов этой категории:

I тип составляют хумы, имеющие невысокое горло, резко переходящее в широкое тулово, суживающееся ко дну (табл. I, 1—11, табл. II, 1).

II тип — хумы с невысоким горлом, плавно переходящим в тулово яйцевидной формы, расширяющееся на $\frac{1}{2}$ высоты сосуда (табл. II, 2, 4, 10, табл. IV, 1, 5).

III тип — боченковидные хумы (табл. V, 5, 7).

IV тип — хумы с сильно расширенным туловом, резко суживающимся к очень маленькому или округлому дну (табл. V, 1, 6).

V тип — большие хумы с усеченно-биконическим туловом. Ребро-перегиб находится или на середине высоты сосуда (табл. III, 1, 6), или в верхней его части.

Хумы первого типа преобладали среди находок в Актепе, Курганче, на поселениях в урочище Тураташ, в верхних слоях поселения Тагап.

Аналогичные хумы найдены в Шахристане, на Исфаринских замках и в Согде.

Хумы второго типа представлены в основном находками из помещений III строительного горизонта в Тагопе и в Кайрагаче.

Хумы третьего типа представлены всего лишь двумя сосудами, обнаруженными в помещении верхнего строительного горизонта Актепе. Оба сосуда имели широкие днища, цилиндрическое со слегка вышуклыми в средней части стенками тулова и невысокое горло со слегка отогнутым венчиком. На днищах обоих хумов — песчаная подсыпка; один из хумов имеет желтый обжиг, другой — темно-серый, недостаточный. Последний покрыт светло-серым ангобом.

Как уже сказано, хумы имеют венчики различных форм, что дает возможность разделить их на две группы:

Первую группу составляют вертикальные венчики с утолщенным или слегка утолщенным краем (табл. VI, 1—11). Хумы с венчиками этой группы представлены находками из Актепе, Тагопа. Хумы с подобными венчиками есть среди находок с крепостей на скалах и замков Исфаринского района¹³.

Горло одного из хумов, имеющего прямостоящий венчик с плоской верхней площадкой и слегка оттянутый внешний край, украшено очень небрежно расположенными овальными углублениями.

Вторую группу составляют сильно отогнутые венчики различных очертаний, позволяющие выделить восемь вариантов:

1) сильно отогнутый венчик овального сечения; 2) сильно отогнутый венчик подтреугольного сечения (табл. VII, 12, 13); 3) сильно отогнутый венчик прямоугольного сечения (табл. VII, 1, 3, 5, 6); 4) сильно отогнутый венчик прямоугольного сечения, внешняя сторона его разделена глубокой поперечной бороздкой на две равные половины (табл. VII, 4, 8, 10); 5) сильно отогнутый венчик прямоугольного сечения, верхний край которого вытянут вверх; 6) сильно отогнутый венчик прямоугольного сечения, расщепленный с внешней стороны наклонно расположенными овальными углублениями, сделанными путем вдавления по сырой глине; 7) прямоугольный в сечении венчик, внешний нижний край которого оттянут вниз, образуя бороздку (табл. VII, 9); 8) прямоугольный в сечении венчик, внешняя поверхность которого разделена глубокой поперечной бороздкой. Нижняя часть венчика оформлена вдавлениями, сделанными по сырой глине. В некоторых случаях нижняя часть венчика, имеющая вид волнистого валика, прилеплась отдельно к уже готовому сосуду.

Все восемь вариантов второй группы венчиков встречаются на обследованных намятиках района.

Среди Актепинских хумов преобладают сосуды с овальными и подтреугольными венчиками. В Курганче, Тагопе, на поселениях Тегерман-Баши большую часть находок составляют хумы с подпрямоугольными в сечении венчиками. Хумы с венчиками пятого и шестого вариантов найдены только в Курганче. Венчики седьмого варианта отмечены в Тагопа, Кайрагаче.

Венчики восьмого варианта найдены в верхнем горизонте поселения Тагап (табл. VIII), на поселениях в урочище Тегерман-Баши. Как правило, хумы первого типа имели сильно отогнутые венчики различных очертаний, выделенные во вторую группу. Хумам же второго типа соответствовали венчики первой группы.

Сравнение хумов с памятников юго-западных предгорий с сосудами этой формы из других районов Ферганы, древней Уструшаны, Согда и Семиречья показывает, что они имеют много общих черт. Наиболее близкими в типологическом отношении являются хумы с поселений и крепостей Исфаринского района, имеющие прямостоящие венчики с утолщенным или утоньшенным краем, а также венчики овального или прямоугольного сечения¹⁴.

Венчики хумов овального, прямоугольного и подтреугольного сечения найдены в памятниках Центральной и Юго-Восточной Ферганы (Кува, Чунтепе в Керкидонском оазисе)¹⁵, района Ташкента (Актепе)¹⁶, Согда (Пенджикент)¹⁷, Семиречья (Акбешим)¹⁸. Прямоугольные в сечении венчики, нижний край которых оформлен зацепами, имеют широкие аналогии. Помимо перечисленных выше памятников они есть в Шахристане¹⁹.

В. И. Распопова на примере акбешимских хумов сделала попытку установить эволюцию форм венчиков хумов. Она полагает, что наиболее ранними являются венчики с овальным и подпрямоугольным сечением, и считает возможным датировать их V—VI вв.; в VII в. распространяются хумы, венчики которых являются утолщением края, в это же время распространяются венчики треугольных и округлых очертаний. Появление же треугольных на вытянутой шейке венчиков и прямоугольных, нижний край которых оформлен жгутиком с пальцевыми вдавлениями, по мнению В. И. Распоповой, относится к VI веку²⁰. Схема, предложенная В. И. Распоповой, подтверждается археологическими материалами Согда, по которым благодаря раскопкам Пенджикента хорошо разработана хронологическая шкала керамики. Очевидно, она может быть использована при хронологической классификации керамики всего Семиречья, испытавшего сильное согдийское влияние, и распространена на Чач, бывший посредником между Согдом и Семиречьем.

В Фергане, к сожалению, еще не настало время создавать хронологическую шкалу как хумов, так и других сосудов для всей области. Можно говорить только о стратиграфическом распределении сосудов этой категории на отдельных памятниках. Так, среди находок в помещениях верхнего строительного горизонта в Актепе, как указано выше, преобладали прямостоящие венчики хумов с утолщенным или утоньшенным краем; кроме них найдены хумы с подтреугольными и овальными в сечении венчиками. Слой, в котором обнаружены эти находки, датируется согдийской монетой первой четвертью VIII в. Среди находок венчики прямоугольных очертаний единичны, а венчики с волнистым жгутиком по внешнему краю отсутствуют. Зато они найдены в большом количестве на поселении Тегерман-Баши, в верхнем горизонте на поселении Тагап, где им сопутствуют верхняя часть узкогорлого кувшина со штампованным орнаментом и кувшин со смятым носиком-сливом, сходные с пайдепными в Ташкенте и на Акбешиме.

В Кайрагаче, где находки хумов хорошо стратиграфически расчленены, нам не удалось выявить преобладания каких-либо типов сосудов этой категории для определенных горизонтов. Точно так же не удалось установить формы венчиков, характерные для каждого из горизонтов, и увязать их с конкретными типами сосудов: хумы, выделенные нами в один и тот же тип, имеют венчики различной формы.

Корчаги равных размеров также служили в качестве тары. Диаметр устья корчаг колеблется от 15 до 20 см. Невысокое горло в одних случаях плавное, в других — резко переходит в широкое тулово. Формы венчиков корчаг различны, что позволяет выделить пять их типов:

I тип — корчаги со слегка расширяющимся кверху горлом, заканчивающимся скругленным венчиком (табл. IX, 7);

II тип — корчаги с расширяющимся горлом, край которого слегка отогнут наружу;

III тип — корчаги с прямостоящим горлом, завершающимся утолщением;

IV тип — корчаги с утоньшенным подтреугольным в сечении венчиком, широкой полосой опоясывающим устье сосуда (табл. IX, 8);

V тип — корчаги с прямостоящим невысоким горлом, край которого утоньшен.

Корчаги с венчиками всех типов, за исключением четвертого, есть среди находок на всех обследованных памятниках. Корчаги четвертого типа обнаружены только в Карабулаке.

В некоторых случаях корчаги использовались для транспортировки сыпучих или полужидких продуктов. В этих случаях они имели детали, облегчавшие их прикрепление к вьюкам. Примером такого рода сосудов является корчага, найденная в карабулакском замке. Она имеет невысокое горло, заканчивающееся венчиком подтреугольного сечения и плавное переходящее в широкое тулово. В верхней части тулова находятся попарно расположенные прямоугольные ручки с отверстиями для вдевания веревки. Сосуд изготовлен из плотного теста с небольшим количеством включений. Обжиг хороший, желтый, поверхность покрыта бордово-красным ангобом, горло рассечено широкими прочерченными бороздками, одна бороздка прочерчена в верхней части тулова (в месте прикрепления ручек)²¹

Наружная поверхность корчаг покрывалась желтым, белым и чаще всего серовато-белым плотным ангобом. Орнаментировались корчаги редко. Среди находок из Карабулака и Актепе есть отдельные экземпляры, украшенные прочерченным линейным орнаментом (табл. X, рис. 1—2).

Верхняя часть тулова корчаги из Карабулака украшена маленькими кружочками, сделанными полой палочкой, расположенными горизонтально и вертикально. На стенках двух корчаг из Маргуна есть клейма. В одном случае — это кружок, сделанный трубочкой, в другом — овал, заполненный зигзагообразными линиями. На корчагах из Кайрагача есть тамги, сходные с теми, которые отмечены на хумах.

Горшки. Эта категория включает сосуды шести типов.

I тип — составляют большие горшки с шаровидным, расширенным на середине высоты сосуда туловом, невысоким горлом, в одних случаях заканчивающимся слегка отклоненным наружу и утолщенным краем, в других случаях горло завершается отогнутым прямоугольным в сечении венчиком. Есть также венчик в виде широкой полосы подтреугольного сечения, опоясывающей невысокое горло. У всех горшков небольшие уплощенные днища. Горшки покрывает красный или темно-бурый ангоб. В одном случае ангобом покрыта только верхняя часть сосуда, низ же его не ангобирован. Один большой горшок, покрытый светло-желтым ангобом, укра-

шен росписью в виде широких буро-красных полос. Один из горшков отличается от сосудов этого типа наличием двух петлевидных ручек, прикрепленных в верхней части тулова (табл. XII, рис. 1). Этот сосуд очень похож на шаровидные горшки с ручками из Тураташского могильника, где два экземпляра имеют ручки в виде голов горных козлов с круто загнутыми рогами²².

II тип — горшки без ручек с широким горлом, завершающимся слегка отогнутым венчиком подтреугольного сечения, хорошо выраженным горлом, резко переходящим в расширенное на середине высоты тулова, широкое плоское дно, почти равное диаметру венчика. Отдельные экземпляры этого типа украшены прочерченным орнаментом, нанесенным по сырой глине (табл. XI, рис. 2, 4, 6).

III тип — большие горшки со слегка отогнутым венчиком, невысоким горлом, плавно переходящим в широкое тулово, наиболее расширенная часть его — на середине высоты сосуда. Дно плоское, широкое, диаметр его почти равен диаметру устья (диаметр венчика — 26,5 см, диаметр дна — 23 см) (табл. XI, 3).

IV тип — небольшие горшки с высоким прямостоящим, слегка расширенным в верхней части горлом, шаровидным туловом, диаметр которого равен $1\frac{1}{2}$ диаметрам горла, и слегка уплощенным дном. В верхней части тулова — три конусовидных налепа (табл. X, 7).

V тип — большие горшки с расширяющимся кверху горлом, заканчивающимся утоньшенным и слегка отогнутым краем, с широким туловом, расширенным в верхней части, и небольшим дном (диаметр его равен половине диаметра устья) (табл. XI, 5).

VI тип — невысокие горшки (высота меньше наибольшего диаметра сосуда). Невысокое горло с утоньшенным и отогнутым краем резко переходит в очень широкое тулово, сужающееся ко дну (табл. XI, 1).

Тагара. Эта категория включает сосуды усеченно-конической формы, расширяющиеся кверху. Тагары не принадлежат к числу широко распространенных находок. Они почти всегда представлены единичными находками. В Кайрагаче найдено три целых сосуда и несколько фрагментов от сосудов этой категории. На других обследованных памятниках юго-западных предгорий они не встречены. Три сосуда, происходящие из Кайрагача, имеют различную форму, что позволяет выделить три типа этих сосудов.

I тип составляют тагары усеченно-биконической формы с округлым туловом, слегка сужающимся к отогнутому и прямоугольному в сечении венчику. Один экземпляр этого типа, найденный в помещении 7 верхней площадки, имеет три ручки, прикрепляющиеся одним концом к венчику, другим — к тулову сосуда (размеры этого сосуда: диаметр дна — 31,5 см, диаметр тулова — 56,4 см, диаметр венчика — 54 см, высота — 36 см) (табл. XIII, 2). Другой экземпляр имеет две ручки (табл. XIII, 6).

II тип представлен сосудами усеченно-конической формы с совершенно прямыми стенками. Край утоньшен и слегка отогнут. Две петлевидные ручки прикрепляются одним концом к краю сосуда, другим — к тулову. Размеры сосуда: диаметр устья — 55,5 см, диаметр дна — 30 см, высота — 39 см (табл. XIII, 5).

III тип — тагара усеченно-конической формы с небольшим желобком под венчиком, две ручки прикрепляются одним концом к венчику, дру-

гим — к верхней части тулова. Размеры сосуда: диаметр дна — 24 см, диаметр устья — 48 см, высота — 30 см (табл. XIII, 7, 8).

В более позднее время, в эпоху развитого средневековья, тагары распространены гораздо шире и встречаются чаще. Известны они также и в этнографических материалах. Е. М. Пещерова отмечает, что сосуды-тагары использовались горными таджиками для замешивания теста и в других хозяйственных целях²³. Для замешивания теста использовались тагары, внутренняя поверхность которых покрыта глазурью. Лохани для стирки белья имели форму, близкую тагарам, но не покрывались глазурью.

Котлы. К этой категории керамических изделий относятся сосуды, связанные с приготовлением пищи. Их назначение обусловило форму сосудов, а также выбор теста, из которого они сформованы. Анализы керамической массы показали, что ее состав был очень продуман, а свойства каждого из ее компонентов хорошо известны гончарам с глубокой древности.

Кухонная посуда должна отвечать двум требованиям — обладать высокой термостойкостью и не реагировать на резкую смену температур. Термические анализы кувинской кухонной посуды, проведенные Н. С. Гражданкиной и Ф. А. Бурнашевой, показали, что котлы обжигали при температуре 500°²⁴. Эта посуда выдерживала очень большие температурные колебания: нагретая до 200—300°, она могла охлаждаться до 19°. Высокой термостойкости посуды способствовали, во-первых, материал, из которого она была изготовлена, и, во-вторых, форма самих сосудов. Котлы изготовлялись из лёсса с большим количеством отощителей, которые предохраняли сосуд при нагревании и резких сменах температуры от растрескивания и деформации²⁵. Результаты химических анализов позволили Бурнашевой выделить два типа керамической массы — афрасиабский и кувинский. Первый характеризуется повышенным содержанием окислов алюминия и двуокиси кремния, второй — повышенным содержанием окиси кальция, последняя применялась в качестве отощителя и уменьшала усадку сосудов во время сушки и обжига²⁶. Для одной из групп кувинской посуды отмечено присутствие в качестве отощителя гипса. Чисто визуальное сравнение котлов из юго-западных предгорий с кувинской посудой показывает их сходство, что дает возможность судить об идентичности состава керамической массы кувинских, карабулакских и кайрагачских котлов. Некоторые экземпляры последних отличаются большим содержанием известковых включений, в качестве которых применялась мелко толченая ракушка. Этот отощитель использовался ферганскими гончарами в течение длительного времени. Котлы XII в. из Карабулака изготовлены из керамической массы с большим количеством известковых включений.

Вторым моментом, обуславливающим термостойкость котлов, является их форма. Ф. А. Бурнашева считает, что очертания сосудов должны быть плавными, а закругления проводиться большими радиусами, верхняя часть должна утолщаться. Толщина стенок котлов допускается в пределах 4—7 мм, а дна — 4—8 мм²⁷. Карабулакские и кувинские котлы вполне отвечают этим требованиям: наименьшая толщина стенок котлов в средней части тулова, она равна 0,4—0,5 мм. К венчику и дну они утолщаются и достигают 0,7—0,8 см.

Котлы из Кайрагача, Тагапа и Карабулака небольшого размера. При высоте 21—23 см они имеют диаметр устья 21—22 см, а диаметр тулова — 26—28 см. Видимо, они рассчитаны на приготовление пищи для небольшого коллектива из трех-пяти человек. Но отдельные экземпляры имеют большие размеры. Наибольший диаметр их равен 40—45 см.

Котлы по форме тулова и венчика могут быть разделены на три типа:

I тип — котлы сферической формы, слегка приплюснутые сверху, венчик не выражен, край его обрезан, диаметр устья 20—25 см (табл. XIV, 2—3);

II тип — сосуды с невысоким горлом, слегка расширяющимся и заканчивающимся утоньшенным венчиком. Горло резко переходит в широкое шаровидное тулово (табл. XIV, 1); на некоторых котлах есть дуговидные наделы, имитирующие ручки; на одном экземпляре из Кайрагача на ручке есть круглые ямки, сделанные вдавливанием пальцев по сырой глине (табл. XVI, 5);

III тип — котлы с шаровидным туловом и невысоким горлом (около 1 см), внутренний край венчика оттянут, образуя уступ для крышки.

Котлы первого типа обнаружены только в Карабулаке при раскопках замка. Только в Карабулаке найдены также фрагменты котлов третьего типа. Находки их единичны. Впоследствии котлы этого типа получают широкое распространение в средневековой посуде XI—XII вв. Котлы второго типа обнаружены при раскопках в Тагапе и Кайрагаче. В Исфанинской котловине их нет. Но зато аналогии им есть в материалах из Кувы. Котлы со сферическим туловом и расширяющимся кверху горлом И. Ахраров выделяет во второй тип и относит их к IX в.²⁴

К кухонным сосудам относятся, очевидно, сосуды баночной формы с носиком-сливом в верхней части сосуда. Единственный экземпляр сосудов этой группы найден при раскопках помещений верхнего горизонта на Актепе. Аналогий среди ферганского материала ему нет. В Пенджикенте сосуды с коротким рожном найдены в сооружениях верхнего горизонта. Там они имеют горшковидную форму (табл. XIII, рис. 1).

Кувшины. В среднеазиатских условиях при постоянном недостатке воды и постоянной потребности в ней большое значение приобретают сосуды для перевозки и хранения воды. Для хранения воды, очевидно, использовались хумы, описанные которых дано выше. Для перевозки воды нужны были более легкие сосуды и более удобные при транспортировке.

Кувшины представлены наибольшим количеством находок (после хумов). Формы их разнообразны точно так же, как разнообразно было их назначение. Большая часть кувшинов предназначалась для переноски и хранения воды. Но были и сосуды парадного назначения.

Различия в форме кувшинов дают возможность выделить одиннадцать типов посуды этой категории.

I тип — кувшины с очень узким горлом ($D=7$ см при высоте 5—6 см), резко переходящим в очень широкое тулово, наиболее широкая часть которого у большинства сосудов на середине высоты сосуда. Один сосуд этого типа имеет очень широкое дно, диаметр которого почти равен диаметру тулова (табл. XIX, 3). Основная масса кувшинов без ручек. Но есть один экземпляр с двумя ручками, прикрепленными к верхней части тулова (табл. XIX, 7).

II тип — небольшие кувшинчики с широким горлом, слегка расширенным в верхней части и резко переходящим в широкое тулово плавных очертаний. Ручка одним концом прикреплена к краю, другим — к тулову (табл. XX, 2, 3, 7).

III тип — небольшие широкогорлые кувшины с широким дном, диаметр которого почти равен диаметру тулова, наиболее широкая часть тулова на $\frac{1}{3}$ высоты от дна, венчики или слабо отогнуты, или имеют вид подтреугольного в сечении пояса. Ленточные ручки прикрепляются одним концом у основания горла, другим — к верхней части тулова.

IV тип — большие широкогорлые кувшины с ручками, прикрепляемыми к верхней части тулова, наиболее расширенного на середине высоты и имеющего плавные очертания (табл. XX, 1, 4, 5).

V тип — широкогорлые кувшины без ручек, горло высокое, плавно переходит в широкое тулово яйцевидной формы (табл. IX, 1-6, табл. XXI, 1-5).

VI тип — широкогорлые кувшины, имеющие шаровидное тулово. Край горла слегка отогнут. Прямоугольная в сечении ручка прикрепляется в верхней части тулова. Размеры сосуда: высота 25 см, высота горла 5 см, диаметр венчика 10 см, диаметр тулова 22 см (табл. XX, 8).

VII тип — широкогорлые кувшины с яйцевидным туловом. Венчик, опоясывающий горло, вогнут изнутри, а снаружи примят с боков, образуя треугольный слив. Ленточная ручка, изогнутая под прямым углом, прикрепляется одним концом к верхней части тулова, а другим — к горлу (под венчиком). Некоторые экземпляры имеют витую ручку (табл. XX, 6).

VIII тип — кувшины с цилиндрическим носиком-сливом, прикрепленным к плечикам сосуда на стороне, противоположной ручке. Эти сосуды имеют широкое горло, резко переходящее в тулово яйцевидной формы. Ленточные ручки прикрепляются к краю венчика сосуда одним концом, а другим — к верхней части тулова. Почти все кувшины этого типа украшены прочерченным орнаментом. Иногда — это простой линейно-волнистый орнамент, иногда он дополнен прочерченными завитками и веточками. В некоторых случаях отмечен штамп (табл. XXII, 1-5, 7, 8).

IX тип — кувшины с рожком; они имеют широкое грушевидное тулово, невысокое цилиндрическое горло. Рожок прикреплен к плечу, стоит почти вертикально и заканчивается раструбом, сплюснутым с боков. Внутренний край его приклепляется к венчику. Круглая или ленточная ручка, изогнутая под прямым углом, прикреплялась одним концом к верхней части горла, а другим — к плечу сосуда (табл. XXII, 6).

X тип — кувшины с высоким узким горлом, плавно расширяющимся кверху и переходящим в широкое тулово. Горло кувшинов расширялось кверху и заканчивалось треугольным сливом, край которого иногда обрван. Поверхность тщательно сглажена и слегка залощена. Верхняя часть тулова украшена резным орнаментом (табл. XXIII, рис. 3).

XI тип — кувшины без ручек имеют невысокое горло, расширенное кверху и заканчивающееся утолщенным, слегка отогнутым краем. Плавно расширяясь кверху, горло переходит в широкое яйцевидное тулово. В месте перехода от горла к тулову в одних случаях утолщенная нижняя часть горла образует небольшой уступчик, в других — невысокий валик опоясывает верхнюю часть тулова. Кувшины этой формы не получили

широкого распространения. Находки их отмечены в Карабулаке. В Кайрагаче кувшины этого типа обнаружены как на усадьбе, так и в могильнике, причем отдельные экземпляры имеют значительные размеры (табл. XXIV, 1-7). Кувшины этого типа найдены в погребениях Исфаринских могильников²⁹ и на поселении Туданкалон в Аптском районе Ленинабадской области (правый берег Сырдарьи, северо-западные предгорья Ферганы)³⁰. Нам представляется, что прототипом им послужили металлические широкогорлые кувшины, у которых уступ и валик на горле являются результатом сочленения двух полос металла. Серебряные кувшины сходной формы есть в сасанидском металле³¹. Сходство описанных кувшинов с металлическими сосудами можно обнаружить при сравнении их с золотыми сосудами из Копенского Чаатаса³².

VII тип кувшинов представлен находками из сооружений верхнего горизонта Тагапа и имеет весьма широкие аналогии. В Фергане они найдены в Куве³³, в Уструшане — в Мунчактепе³⁴ и Шахристане³⁵. С VII в. в Согде кувшины первого типа становятся ведущей формой посуды. Преобладают они и среди керамических находок Акбешима³⁶. Есть они также в Чапе, где найдены в Актепе близ Ташкента³⁷.

Кувшины X типа сходны с согдийскими столовыми узкогорлыми кувшинами VIII в., происхождение которых Б. И. Маршак ведет от металлических прототипов, в частности от серебряных кувшинов, найденных в разных районах Средней Азии и Приуралья. Большое количество кувшинов этого типа найдено в Кафыркале, где их подражание металлическим изделиям подчеркивается не только формой, но и слюдяной обсыпкой поверхности, придающей сосудам металлический блеск. В Согде подобные кувшины найдены также в Тали-Барзу³⁸ и Пенджикенте. За пределами Согды они есть в материалах из Ташкента³⁹. В Семиречье они найдены неоднократно. В частности, к этому типу относятся узкогорлые кувшины с изображением Будды на ручке из Сукулукского городища⁴⁰. Кувшины с низкими ручками найдены в Акбешиме.

Кувшины IV, VI и VIII типов находят аналогии среди керамики из района Ташкента и низовий Сырдарьи. В частности, при раскопках Актобе, в районе Чардаринского водохранилища, получен богатейший керамический комплекс, в котором значительное место принадлежит кувшинам с ручками, прикрепляющимися к тулову, и кувшинам с цилиндрическим носиком-сливом. Исследователи считают возможным датировать этот комплекс I—IV вв. н. э.⁴¹.

Эти кувшины, на мой взгляд, нельзя объединять в один тип с кувшинами из Согды, Ташкента и Семиречья, выделенными нами в IX тип и представлявшими собой дальнейшую эволюцию сосудов с рожком, но не единый с ними тип.

Кувшины IX типа имеют весьма широкие аналогии. В Фергане они найдены в Куве, на Чувтепе в Керкидонском оазисе⁴², в Уструшане — на городище Калаи-Какхаха в Шахристане⁴³. В Чапе кувшины со смятым рожком происходят из Актепе⁴⁴ и Мянг-Урюка⁴⁵. В Акбешиме кувшины со смятым сливом-рожком найдены в стратиграфическом раскопе на шахристане, буддийском храме и наусе⁴⁶. В Пенджикенте также найдены кувшины этого типа, но они отличаются от упомянутых. Ферганские кувшины расположенном носика-слива обнаруживают сходство не с согдийскими,

а с кувшинами из Чата, Семиречья, Уструшаны. Мне представляется, что кувшины этого типа, как и X типа, являются наиболее поздними из всех найденных в Юго-Западной Ферганае. Они могут быть датированы VIII—IX вв., и та ранняя дата (IV—VI вв.), которую им дают исследователи Шахристана, совершенно не обоснована. Весь комплекс, в котором найдены эти сосуды, может быть датирован не ранее VII в. ⁴⁷

Фляги. Эту категорию керамических изделий составляют сосуды полушарной или яйцевидной формы, имеющие один уплощенный бок. Фляги были удобны при транспортировке и предназначались для перевозки воды. Эти сосуды являются древней формой. Наиболее ранние среднеазиатские фляги происходят из Хорезма ⁴⁸, где они найдены в раннекангуйских памятниках. Большое количество фляг с одним уплощенным боком найдено в подбойпо-катакомбных захоронениях могильников Ташкентского оазиса ⁴⁹, Средней и Нижней Сырдарьи (Джеты-Асар-3, Шаушукумтобе ⁵⁰, Ширинсай ⁵¹), юго-западных предгорий Ферганы (Карамойнок, Кайрагач ⁵², Карабулак, Тураташ ⁵³ и могильники Исфаринского района ⁵⁴).

Большие сосуды с сильно выпуклым одним боком и плоским другим найдены также на поселении Актобе в районе Чардары ⁵⁵ и при раскопках на усадьбе Кайрагач.

Из усадьбы Кайрагач происходят семь фляг. У всех сосудов высокое цилиндрическое горло, завершающееся отогнутым подпрямоугольным в сечении венчиком, широким пояском, обрамляющим горло. Две большие фляги не имеют ручек. Корпус одной из них имеет округло-коническую форму с небольшим выступом в центре. Высота его равна диаметру плоского бока (размеры: диаметр уплощенного бока 26 см, высота тулова 27 см, высота горла 9 см, диаметр 112 см). Горло расположено рядом с уплощенным боком. Корпус украшен прочерченным орнаментом. Один орнаментальный пояс составляют группы параллельных волнистых линий, в центре фляги — круг, ограниченный парными линиями и рассеченный парными же линиями на четыре секции. Полосы, ограниченные линиями, заполнены вдавлениями, выполненными шестизубчатым штампом-гребенкой. В каждой из секций изображена идущая птица с тонким вытянутым клювом, выпуклой грудью и длинным слегка изогнутым телом. Изображение птиц заштриховано группами параллельных вдавлений, выполненных гребенкой (табл. XXV, 1).

Вторая фляга имеет корпус в форме полушария с небольшим выступом в центре. Диаметр плоского бока равен 27,5 см, высота корпуса 23 см. Цилиндрическое горло несколько смещено к продольной оси сосуда и сохранилось не полностью. Корпус фляги украшен прочерченным волнистым орнаментом, располагающимся концентрическими поясами, каждый из которых заключает по три или четыре линии (табл. XXV, 2).

Три фляги из Кайрагача имеют ручки. У одной из фляг ручки в виде конусовидных выступов с продольными отверстиями. Корпус сильно уплощенный, полушарный. Эта фляга сравнительно небольшого размера: диаметр плоского бока ее равен 15 см, высота корпуса 15 см. Цилиндрическое горло расположено по центру продольной оси сосуда. Диаметр его равен 4 см. Корпус рассечен правильными концентрическими кругами. Создается впечатление, что они проведены циркулем и имеют один центр.

Другая фляга также имеет уплощенно-шаровидный корпус. Горло ци-

линдрическое, широкое (диаметр его 6,5 см). Корпус на стороне, противоположной горлу, слегка уплощен. Две петлевидные ручки прикреплены по поперечному диаметру фляги. Отверстия у ручек поперечные. Уплощенный корпус фляги рассечен параллельными глубокими бороздками, образующими концентрические круги. Размеры фляги: диаметр 25 см, высота горла 5 см (табл. XXVI, I, 4).

Пятый сосуд — миниатюрная фляга с уплощенно-шаровидным корпусом и двумя ручками-выступами, расположенными по поперечной округлости сосуда. Фляга покрыта плотным красным ангобом.

Кайрагачские фляги типологически сближаются с подобными сосудами из Актобе-2, где они найдены в комплексе I—IV вв. н. э.⁵⁸ Сходную с кайрагачскими (но не идентичную) форму имеют некоторые фляги из исфаринских могильников (Ворух и Калантар-хона)⁵⁷.

В могильнике Кайрагач фляги найдены в захоронениях II, IV и VI групп. Они существенно отличаются от фляг, происходящих из усадьбы. С последними можно было бы сопоставить флягу из кургана 9 VI группы. Она уплощена, диаметр ее плоского бока почти равен продольному диаметру сосуда. Но она небольшого размера и покрыта плотным и блестящим красным ангобом (табл. XXVII, 6). Две другие фляги из курганов этой же группы имеют округлое уплощенное с боков тулово. Оба бока округлы. Аналогична ей небольшая фляга, также покрытая плотным красным ангобом (табл. XXVII, I, 4).

Фляги из курганов II и IV групп большого размера. Один бок у них уплощен, а другой очень выпуклый. Три фляги имеют яйцевидный корпус (табл. XXVII, 5, 10, 11). Широкие горла поставлены или вертикально или же наклонно по отношению к корпусу. Описанные фляги типологически близки к тем сосудам из исфаринских курганов, которые Б. А. Литвинский выделяет в типы 47 и 48⁵⁹. Фляги же из могильников Тураташ и Карабулак совершенно иных форм и пропорций⁶⁰.

Все перечисленные находки происходят с памятников первой половины I тысячелетия н. э. Они имели чисто утилитарное назначение. Фляги использовались для перевозки воды. Этим, собственно, и объясняется их форма: сосуды с плоским боком были удобны при транспортировке. Фляги в средневековых памятниках — не частая находка. В качестве примера назову фляги из Пенджикента, Варахши, Пайкенда, Мерва, Хорезма, Мунчактепе. Средневековые фляги отличаются от древних формой тулова и техникой формовки. Они имеют круглое сильно уплощенное с боков тулово, узкое горло, по сторонам которого располагаются ручки. Эти сосуды, конечно, ведут свое происхождение от древних сосудов. Но, очевидно, постепенно они утратили свое былое назначение, превратившись в декоративную столовую посуду.

Кружки. По форме тулова выделяются четыре типа кружек.

I тип — кружки с округлым биконическим корпусом и цилиндрическим горлом. Высота горла различна. Отдельные экземпляры имеют горло и корпус одинаковой высоты. На большую часть находок составляют сосуды с невысоким горлом, плавно переходящим в сильно расширенный корпус⁶⁰. Из Тураташского могильника происходят кружки с невысоким цилиндрическим горлом, резко переходящим в широкий усеченно-биконический корпус с хорошо выраженным ребром на середине высоты или в

пижней части корпуса⁶¹. Петлевидные ручки прикрепляются или в месте перехода от корпуса к горлу или же к горлу и краю сосуда. Ручки некоторых кружек увеичивают стилизованные изображения животных, чаще всего барана. Кружки I типа имеют хорошо выраженные поддоны с кольцевым вырезом или же конические ножки (табл. XXVIII, 8—9).

II тип — низкие кружки с округлым усеченно-биконическим корпусом и высоким сильно расширяющимся кверху бортиком. Дно со следами подрезки. Диаметр устья превышает диаметр корпуса. Кружки имели петлевидные ручки, прикреплявшиеся к корпусу сосуда. Эти кружки, как правило, тонкостенны, изготовлены из хорошо отмученной глины и имеют ровный розовато-желтый обжиг.

III тип — кружки цилиндрической формы, слегка расширенные в нижней части у дна. Петлевидная ручка прикрепляется в месте наибольшего расширения стенки. Эти кружки, как и сосуды предшествующего типа, тонкостенны и покрыты плотным ангобом.

IV тип — небольшие низкие сосуды с округлым корпусом усеченно-конической формы, расширяющимся кверху волнистым бортиком. Глубокие изгибы края бортика образуют четырехлепестковую и пятилепестковую розетку. Ручки прикрепляются на середине высоты корпуса.

Первые три типа кружек имеют широкие аналогии как в соседних районах Ферганы и Уструшаны, так и в более отдаленных районах. Кружки I типа, как указывалось, представлены большими сериями находок в материалах из ферганских курганов; их находили в могильниках в районе Исфары, в Карабулакском могильнике, в Тураташе. Они найдены также в Куве, в Чунтепе⁶², Гайраттепе в слое II строительного периода⁶³, в могильнике Шариясай⁶⁴. Наибольшее количество кружек этого типа происходит из памятников Западной и Юго-Восточной Ферганы, присырдарьинских районов Уструшаны. Б. И. Маршак обращал внимание на сходство кружек из этого района с глиняной посудой из степных районов Евразии. Он высказывал предположение, что в этом районе изготавливались металлические сосуды, которые независимо от тюркских могли вызывать подражание в соседнем Согде. Керамические согдийские кружки, которые Б. И. Маршак выделяет в I тип, воспроизводят тюркские серебряные сосуды⁶⁵.

Эта форма кружек не имеет прототипов в ранней согдийской керамике. Б. А. Литвинский считает, что форма кружек с цилиндрическим горлом и с округлым усеченно-биконическим корпусом выработалась «на территории Чача, Западной Ферганы и, может быть, Уструшаны»⁶⁶, а отсюда была перенесена в Согд, где и распространилась в VII в. В VIII в. кружки этого типа распространяются в районах согдийского влияния, в частности в Семиречье⁶⁷, в Чаче. Кружки из Актепе более похожи на согдийские, чем на местные кружки Джунской культуры⁶⁸.

Кружки II типа происходят из хорошо датированного слоя первой четверти VIII в. н. э. в Актепе близ Баткена. Слой, в котором они обнаружены, датирован согдийской монетой, чеканенной в 710 г. н. э. от имени ихшида Согда Тархуна. Эти кружки могут быть сопоставлены с одним красноангобированным сосудом из Гайраттепе⁶⁹. Других аналогий им я не знаю.

Кружки IV типа представлены одним небольшим фрагментом из верх-

него слоя поселения Тагоп. В Центральной Ферганае кружки этого типа находили неоднократно. Они найдены в раннесредневековых слоях Кувы⁷⁹, Чунтепе⁸¹ (последний памятник находится в Керкидонском оазисе, к югу от Кувы), а также в Касане и Ахсыкете⁸². В Уструшане их совсем нет. В Согде кружки с волнистым бортиком появляются в VI в., но широкое распространение их относится к VIII в.⁸³ Помимо Ферганы и Согды они найдены также в Семиречье, в I буддийском храме Акбешима⁸⁴. Их появление здесь следует связывать с согдийской колонизацией этой области и с тем воздействием, которое согдийцы оказали на развитие керамического ремесла. Происхождение этого типа кружек Б. И. Маршак связывает с металлическими прототипами. В частности, он обращает внимание на сходство согдийских кружек с серебряными ложчатыми чашами Ирана и считает, что прототипами кружек с волнистым краем послужили иранские чаши⁸⁵.

В Ферганае форма кружки с волнистым краем была создана также под согдийским влиянием. Но ферганские кружки отличаются от своих согдийских прототипов тем, что все они вылеплены из грубой глины.

Чаши. Каждый из обследованных памятников дал свой тип чаш, отличающийся от чаш других объектов формой корпуса и венчика. Эти различия позволяют выделить шесть типов чаш.

I тип — чаши с небольшим дном и усеченным коническим корпусом, отличающиеся друг от друга большим или меньшим расширением корпуса (табл. XXIX, 1, 3).

II тип — чаши, близкие к только что описанным. Отличие их заключается в том, что усеченно-конический корпус слегка округлый (табл. XXIX, 4—6).

III тип — небольшие чаши с округлым коническим корпусом с перегибом в месте перехода от корпуса к венчику; последний скруглен и слегка отогнут (табл. XXIX, 7, 8, 10).

IV тип — тонкостенные полусферические чаши. Одна из них серого обжига. Эти чаши имеют хорошо выраженный поддон с прогибом в центре (табл. XXIX, 15, 17).

V тип — чаши больших размеров (диаметр 16—20 см) округлых очертаний. Край утоньшен и слегка загнут вовнутрь сосуда (табл. XXIX, 18, 20).

VI тип — чаши больших размеров, имеют биконический округлый корпус, прямостоящий бортик с валиком посередине. Под валиком — глубокие круглые ямки, сделанные путем вдавления по сырой глине.

Все сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста. Поверхность чаш первых трех типов покрывает светло-красный ангоб. Чаши IV—VI типов покрыты красным ангобом с оранжевым оттенком.

К сожалению, из-за слабой изученности раннесредневековых памятников Ферганы не удалось сопоставить чаши из поселений обследованного района с сосудами этой группы из других районов Ферганы. Не представляется возможным выявить и их исходные формы.

Б. А. Литвинский полагает, что развитие чаш шло по линии уменьшения их высоты. Более поздние варианты приобретают желобок по бортику, их венчик отгибается наружу⁸⁶. Но на материалах поселений юго-западных предгорий Ферганы мне не удалось проследить эту линию развития.

Во всех обследованных памятниках все типы чаш сосуществуют. В Карабулакском замке низкие сферические чаши найдены в одном слое с большими, округло-биконическими чашами (тип V—VI)¹¹. Если мы обратимся к другому, относительно полно изученному памятнику в Центральной Ферганае — городищу Майдагете, то и здесь отметим то же явление¹². Материалы этого памятника считаю возможным датировать серединой I тысячелетия н. э. — VII в. В хорошо датированном слое Актепе первой четверти VIII в. найдены глубокие чаши усеченно-конической формы (типы I—II).

Кубки. Все четыре кубка происходят из усадьбы Кайрагач. Они имеют полые низкие поддоны конической формы. Но резервуары их различной формы, что позволяет выделить четыре типа кубков.

I тип — кубки с усеченно-коническим резервуаром, высокий бортик сильно расширяется кверху и имеет прямые стенки. В месте перехода от бортика к корпусу — глубокая бороздка. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 16 см, диаметр поддона 7 см (табл. XXX, 1).

II тип — кубки, близкие по форме первому типу, но невысокий бортик меньше отклонен наружу, корпус высокий, ребро на месте перехода от корпуса к бортику округлое. Ножка имеет вид хорошо выраженного корпуса. Высота сосуда 9,3 см, высота ножки 2,5 см, диаметр венчика 14 см, диаметр ножки у основания 5,3 см, диаметр ножки при переходе к резервуару 3,5 см (табл. XXX, 3).

III тип — кубки в виде глубокой чаши с высокими прямыми стенками, округлый корпус плавно переходит в невысокую коническую ножку. Высота сосуда равна 11 см, высота ножки 2,5 см. Диаметр устья 13 см. Диаметр ножки в месте перехода к корпусу 5,4 см. Диаметры ножки у основания 7 см (табл. XXX, 2).

IV тип — массивные толстостенные кубки с прямым несколько наклонным вовнутрь сосуда бортиком. Корпус округлый, имеет форму полусферы. Поддон невысокий, сильно расширяющийся книзу (табл. XXX, 4).

Кайрагачские кубки не имеют себе подобных среди сосудов этой категории из других памятников. Может быть, это можно объяснить локальной особенностью керамического комплекса. Но вполне допустима и другая причина, которая кроется в слабой изученности памятников середины I тысячелетия н. э.

Кайрагачские кубки происходят из хорошо стратифицированных слоев, что позволяет с уверенностью судить об их относительной хронологии. Наиболее ранним является кубок IV типа, что хорошо подтверждается стратиграфически: он найден на полу помещения нижнего строительного горизонта. Все остальные кубки одновременны, поскольку происходят из помещений одного строительного горизонта.

Миниатюрные сосуды

Эта группа керамических изделий представлена большими сериями находок как на поселениях, так и в курганных могильниках. Ее составляют горшочки и кувшинчики, значительная часть которых выполнена из тонкой пластичной глины. Но есть экземпляры, для изготовления которых применялась керамическая масса с большим количеством известковых

включений, использовавшаяся обычно для вылепливания кухонной посуды.

Горшочки представлены сосудами различной формы, что позволяет выделить три типа сосудов этой категории.

I тип — горшочки с туловом яйцевидной формы, наиболее расширенная его часть находится на середине высоты тулова. Невысокое горло слегка отогнуто, край утоньшен (табл. XXXI, 5).

II тип — небольшие горшочки с шаровидным туловом и уплощенным дном. Невысокое горло плавно переходит в тулово; его край скруглен и слегка отогнут. На середине высоты тулова сосуды имеют налепы. На одном сосудике конусовидные налепы расположены через каждый сантиметр и опоясывают все тулово (табл. XXXI, 10). На другом сосуде один цилиндрический налеп с вмятиной в центре наклеплен на тулово в наиболее широкой его части.

III тип — горшочки больших размеров, чем типов I и II; они имеют уплощенное дно, широкое приземистое тулово уплощенно-шаровидной формы, прямо стоящее горло со скругленным краем (табл. XXXI, 8, 9, 11).

Миски представлены сосудами двух типов.

I тип — сосуды с прямостоящими стенками и уплощенным дном, диаметр которого равен диаметру устья. На середине высоты стенок сосуда регулярно расположены конусовидные выступы (табл. XXXI, 2).

II тип представлен сосудами со слегка расширяющимся кверху бортиком, край которого утоньшен и скруглен. Корпус широкий усеченно-биконической формы с острым ребром на середине высоты. Именно здесь сосуды имеют налеп. В одном случае это часто расположенные конусовидные налепы, в другом — четыре плоских, симметрично по отношению друг к другу расположенных налепа подпрямоугольных очертаний (табл. XXXI, 3, 7).

Кувшинчики представлены сосудами гончарного производства, вылепленными из тонкой, хорошо отмученной глины, и легкими, качество формовки которых различно, отдельные экземпляры вылеплены очень тщательно, для изготовления их использована сравнительно эластичная керамическая масса. Другие вылеплены из очень грубого теста с большим количеством крупных включений, большей частью известковых. Сосуды асимметричны, поверхность неровная, плохо заглаженная.

Гончарные кувшинчики представлены сосудами четырех типов.

I тип — сосуды с высоким и широким горлом, утоньшенный край которых слегка отогнут. Горло в одних случаях плавно, в других резко переходит в широкое тулово шаровидной формы, наиболее расширенное на середине его высоты. Большая часть кувшинчиков покрыта светло-красным жидким ангобом (табл. XXXII, 1, 2). Из Кайрагача происходит один кувшинчик, поверхность которого покрывает плотный блестящий темно-красный ангоб. Этот сосуд имеет рифленую поверхность: глубокие поперечные бороздки пересекают поверхность сосуда сверху до дна (табл. XXXII, 3).

II тип — кувшинчики с биконическим туловом; ребро находится на середине высоты тулова, иногда оно хорошо выражено, но в отдельных случаях округлено. Сосуды покрывает плотный красный ангоб. Один сосуд этого типа покрыт плотным темно-красным с коричневым оттенком ангобом, покрыты только горло и нижняя часть тулова, верхняя же часть ту-

лова украшена росписью в виде заштрихованных треугольников. Роспись выполнена ангобной краской. Она повторяет рисунок процарапанного орнамента, нанесившегося на поверхность уже готового сосуда (табл. XXXII, 5). Сосуды с такой росписью в Фергане — редкая находка, но зато они отмечены в памятниках Ташкентского и Ангренского оазисов.

III тип — широкогорлые кувшины с округлым вытянутым корпусом. Высокое горло с утонченным и отогнутым краем плавно переходит в широкое тулово. Поверхность одного экземпляра покрывает плотный блестящий красный ангоб (табл. XXXII, 6).

IV тип — широкогорлые кувшины с ручками. Край горла утончен и слегка отогнут. Горло плавно переходит в тулово грушевидной формы, полуовальная в сечении ручка прикрепляется одним концом к краю сосуда, другим — к верхней, наиболее расширенной части тулова (табл. XXXII, 7).

Сосуды этой группы хорошо расчленяются стратиграфически все сосуды первых трех типов происходят из помещений верхнего строительного горизонта Кайрагача. Кувшин же IV типа найден в помещении нижнего горизонта этого памятника (он стоял в порожней нише).

Лепные кувшины также подразделяются на четыре типа.

I тип — кувшин с шаровидным туловом и прямостоящим горлом, имеющим утонченный край (табл. XXVIII, 1).

II тип — маленькие кувшинчики с туловом грушевидной формы, расширенным в нижней, придонной части (табл. XXVIII, рис. 3).

III тип — сосуды с низким горлом, край которого отогнут, и усеченно-биконическим туловом, наиболее расширенным на средние высоты тулова (табл. XXVIII, рис. 4).

IV тип — широкодонные кувшины с ручками. Они имеют широкое, слегка расширенное в верхней части горло, завершающееся небольшим утолщением. Ленточная ручка прикрепляется одним концом к краю сосуда, другим — к наиболее расширенной части тулова (табл. XXVIII, 6).

Как указывалось, миниатюрные сосуды являются частыми находками как на поселениях, так и в курганах Ферганы. Они найдены в Карабулакском могильнике⁷⁹, в Тураташе⁸⁰, в Исфаринских могильниках⁸¹, в Боркорбазе⁸², в поселениях Актепе и Кайрагач.

Б. А. Литвинский обратил внимание на сходство миниатюрных сосудов и обычных сосудов, использовавшихся ферганским населением. Он считает, что миниатюрные сосуды являются уменьшенными копиями больших⁸³.

По поводу назначения этой группы сосудов высказывались самые разные и противоречивые точки зрения. Одни исследователи считали их специально изготовленными для погребений, другие полагали, что эти сосуды имели хозяйственное назначение. С. С. Сорокин и Ю. Д. Баруздин обратили внимание на то обстоятельство, что миниатюрные сосуды в Боркорбазском и Карабулакском могильниках, как правило, находили в женских погребениях. В Боркорбазе им сопутствуют зеркала, косметические палочки-сурьматаш, графит, краски⁸⁴. В Карабулаке миниатюрные сосудики лежали в плетеных корзиночках вместе с другими принадлежностями туалета⁸⁵. Во Вревском могильнике, в одном из курганов, найден небольшой сосудик с беллами⁸⁶.

А. М. Беленицкий полагает, что пенджикентские миниатюрные сосуды служили для хранения приправ к пище или косметики⁸⁷. Б. А. Литвинский

не отрицает использования миниатюрных сосудиков для косметики, но считает, что основная их масса имела чисто утилитарное назначение и применялась в повседневном быту, в хозяйстве. Именно этим и объясняется тот факт, что их чаще всего находят в женских погребениях⁸⁸. Для обоснования своей точки зрения Б. А. Литвинский приводит очень интересные этнографические сведения, почерпнутые им в трудах И. И. Зарубина, М. С. Андреева, Е. М. Пещеровой, А. К. Писарчик. У таджиков Бабагага и долины Хуф миниатюрные сосуды, горшочки или чайники широко использовались для хранения масла и молока, а в самых маленьких готовили или разогревали пищу для детей⁸⁹.

В Кайрагаче различные миниатюрные сосуды найдены в жилых комнатах вместе с другими бытовыми сосудами. В одной из комнат вместе с миниатюрными горшочками найден туалетный набор, включавший сурьматаш и графит. Но эта находка отнюдь не определяет назначения этих сосудов. Думаю, что основная масса миниатюрных сосудов из Кайрагача имела чисто утилитарное назначение и использовалась в повседневном быту. Небольшие кувшинчики использовались, очевидно, для подачи пищи и питья к столу, а в небольших горшочках, сделанных из огнеупорной керамической массы и повторяющих форму больших котлов, пища разогревалась в очаге. Это подчеркивается тем, что поверхность горшочков покрыта толстым слоем вагара.

Сосуды специального назначения

Ритоны. Эта категория не представлена большими сериями находок. Из Ферганы происходят пять целых сосудов и два фрагмента, причем четыре целых ритона и один фрагмент происходят из Кайрагача. Пятый ритон найден в кургане 16 Тураташского могильника.

Парадное и ритуальное назначение этих сосудов подчеркивает тщательность формовки и отделки поверхности.

Ферганские находки позволяют выделить четыре типа сосудов этой категории. Они найдены в памятниках, хронологически близких и принадлежащих одной археологической культуре.

I тип — сосуды с широким воронкообразным горлом и сферо-коническим туловом, завершающимся высокой цилиндрической ножкой (сливом) со сквозным отверстием. Над ножкой-сливом — налепное изображение животного с длинными рогами. В одном случае они слегка изогнуты на середине высоты, в другом — абсолютно прямые. Глаза трактованы глубокими круглыми ямками, сделанными вдавлениями. Налеп, скорее всего, изображает голову косули или горного козла. Петлевидная ручка прикреплена одним концом к верхней части горла (под венчиком), другим — к тулову, на стороне, противоположной изображению животного (рис. 51). Размеры ритонов: 1) высота — 20,5 см, диаметр устья — 6 см, наибольший диаметр тулова — 9,4 см, высота ножки — 4,5 см, диаметр ножки (у основания) — 1,8 см, диаметр отверстия — 0,03 см; 2) сохранившаяся высота — 14 см, диаметр устья — 6,5 см, диаметр тулова — 8,7 см, диаметр ножки (в верхней части) — 2,3 см (рис. 52).

II тип — сосуд кольцевидной формы, изготовленный из круглой в сечении полой внутри трубы. Сосуд украшен орнаментом в виде поперечных

Рис. 51—54. Ритоны из Кайрагача

широких полос, нанесенных красным ангобом и чередующихся со светлыми неангобированными полосами. Ритон имел цилиндрическое горло, по сторонам от которого располагались ручки, видимо, увенчанные изображениями животных, может быть, птиц. В нижней части сосуда (по одной оси с горлом) находились два совершенно идентичных слива в виде голов быка (?) с круто изогнутыми рогами. Правый рог одного изображения смыкается с левым рогом другого, образуя сплошную дугу. Глаза имеют вид косо поставленных выпуклин, контур которых подчеркнут глубокой бороздкой. В центре каждой выпуклины — глубокое вдавление, имитирующее зрачок.

Слив, аналогичный только что описанным, был найден на горо-

днице Тагап, в слое с керамикой VI—VII вв. Он, видимо, принадлежал ритону (рис. 53).

III тип — кувшинообразные ритоны. Сосуд из могильника Тураташ имел невысокое и широкое горло с отогнутым краем, широкое тулово. В нижней части тулова, у дна, находились две выступающие за плоскость дна выпуклости со сквозными отверстиями. Две лепточные ручки прикреплены одним концом к венчику, другим — к верхней части тулова⁹⁰.

IV тип — ритоны с широким горлом и шаровидным туловом. На округлом дне симметрично по отношению друг к другу располагаются два слива в форме голов быка (рис. 54).

Из-за малочисленности находок нам не удалось наметить ареал ритонов, аналогичных кайрагачским, так как каждый из типов представлен единичными находками далеко не на каждом памятнике и не во всех районах. Так, ритоны, выделенные мною во II тип, не имеют себе подобных.

Два ритона, подобные ритонам I типа из Кайрагача, найдены на городище Киндыктепе, в Ташкентском оазисе⁹¹. Они так же, как и кайрагачские, имеют широкое воронкообразное горло и сфероконическое тулово, завершающееся прямой ножкой со сквозным отверстием. Петлеобразная ручка прикрепляется к краю сосуда и к тулову, верхнюю часть которого опоясывает широкий орнаментальный пояс, ограниченный двумя параллельными линиями и заключающий заштрихованные треугольники. Роспись выполнена темно-бурой краской.

Видимо, ритоны I типа могут быть сопоставлены с сосудом, хранящимся в музее Самарканда, имеющим шаровидный резервуар и ножку-слив, оформленную в виде головы барана с изогнутыми рогами и овальными выпуклыми глазами. На одной из сторон резервуара — реалистично выполненное скульптурное изображение женского лица⁹². Видимо, такому ритону принадлежал фрагмент слива, найденный Ю. Д. Варуадияным в Актепе. На нем было скульптурное изображение головы человека, а под ним — головы сайги⁹³. Из Рея происходит ритон сфероконической формы⁹⁴. Наибольшее сходство кайрагачские ритоны имеют с ритонами из Афганистана, найденным в могильнике Seqt-Abād. Этот ритон имеет широкое горло, сферо-конический резервуар, завершающийся слегка изогнутым сливом, над которым — налепное изображение головы быка. Р. Гиршман считает, что могильник принадлежал эфталтам⁹⁵.

Наиболее широкий круг аналогий — у ритонов III типа. Ритоны-кувшины с двумя ручками неоднократно находили на парфянских и сасанидских поселениях Ирана⁹⁶. При раскопках в Пасаргадах (Иран) найден ритон в форме высокогорлого двухручного кувшина, на дне которого — два цилиндрических слива. Над сливами — ветвистые рога какого-то животного⁹⁷. Этот ритон найден в слое с монетой Селевка I.

Ритон IV типа сопоставим только с одним сосудом, происходящим из кушанского слоя Беграма. Этот сосуд, как и кайрагачский, имеет шаровидное тулово, завершающееся широким горлом. На округлом дне симметрично по отношению друг к другу располагаются два слива в виде голов газелей⁹⁸.

Курильницы. Культурное назначение этих предметов подтверждается обстоятельствами находок. Курильницы, как правило, находят в культо-

вых помещений: четыре курильницы из Кайрагача происходят из храмового комплекса, где они найдены вместе с другими атрибутами культа — скульптурными изображениями божеств. В Балалыктепе большая курильница с полой ножкой, на которой есть налечное изображение женской головки (как полагает Л. И. Альбаум, божества), найдена в одном из помещений храма⁹⁹.

Курильницы на высоких ножках присутствуют также в росписях, изображающих культовые сцены, в Балалыктепе¹⁰⁰, Варахше¹⁰¹, Пенджикенте¹⁰².

Все кайрагачские курильницы имеют высокие цилиндрические ножки с плоским круглым основанием в виде диска. На середине высоты ножки — подтреугольный в сечении валик, в одном случае с насечками (рис. 55). Резервуары курильниц открытой полушарной формы. Резервуары трех курильниц увенчаны ступенчатыми выступами (рис. 56). Завершение резервуара четвертой курильницы неясно, так как край резервуара не сохранился. Все курильницы сформованы из очень грубой керамической массы. Поверхность одной из курильниц покрыта светлым красным

Рис. 55. Курильница из Кайрагача

Рис. 56. Курильница из Кайрагача

ангобом. Две другие покрывает коричнево-красный ангоб. Поверхность четвертой курильницы покрыта алебастром, поверх которого нанесена роспись краской, изображающая растительные побеги, аналогичные тем, которые открыты на стенах святилища.

Курильницы не принадлежат к числу частых и массовых находок. Но все же они неоднократно встречались в среднеазиатских памятниках. Правда, большая часть находок не связана так определенно, как кайрагачские курильницы, с культовыми помещениями. Но это не опровергает культового назначения этих предметов. Ведь далеко не во всех домах были культовые комнаты или комплексы, включавшие несколько комнат. Чаще всего в жилой комнате было определенное культовое место — ниша, где хранились реликвии и атрибуты культа: здесь же, видимо, стояли и курильницы.

Ареал находок весьма обширен. В Фергане, помимо Кайрагача, курильницы на высокой сплошной ножке найдены в слое первой половины I тысячелетия н. э. в Актепе. Она имела расширяющуюся книзу сплошную ножку с круглым в плане основанием. Верх ножки также расширен и имеет в продольном разрезе овальную форму, в центре этого расширения — цилиндрический стержень, на который насаживался резервуар (форма его неясна). Ножка покрыта орнаментом из глубоких бороздок, образующих елочку (рис. 57).

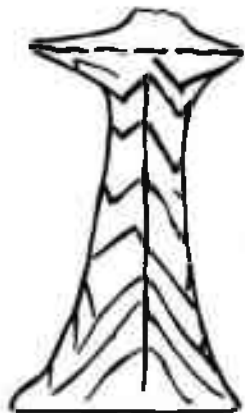

Рис. 57. Курильница из Актепе

Большое количество курильниц на полый конической ножке встречено при раскопках городища Хайрабадтепе¹⁰³ в слоях V—VI вв. н. э. В Пенджикенте¹⁰⁴ в слое V в. найдены курильницы на сплошной массивной ножке. Судя по одному экземпляру, они имели полусферические резервуары. Ножка одной курильницы — на коническом поддоне, у другой основание напоминает диск. Одна из курильниц имеет под резервуаром валик с глубокими вдавлениями.

В бассейне Сырдарьи и прилегающих районах курильницы на высоких ножках встречены неоднократно, в частности, они есть в коллекциях из Актобе¹⁰⁵. В Шаушукумском могильнике, в кургане 52, найдена курильница на цилиндрической ножке, на резервуаре которой — четыре продольных лалепа-валика. В Чач-Илакском бассейне курильницы найдены при раскопках городища Тункет¹⁰⁶.

В Приаралье курильницы на высоких ножках есть в коллекциях из Джетыгасара и характерны, как полагает Л. М. Левина, для второго этапа Джетыгасарской культуры¹⁰⁷. На Джетыгасаре 3 найдена курильница, резервуар которой оформлен конусовидными выступами. Есть такого рода находки и в так называемых болотных городищах Приаралья¹⁰⁸.

Датировка всех перечисленных находок не выходит за пределы V—VIII вв.

Кайрагачские курильницы сходны с большей частью перечисленных выше курильниц, они имеют сплошную цилиндрическую ножку и основание в виде диска. Но есть существенная деталь, которая отличает кайрагачские находки от всех известных курильниц. Как отмечалось, резервуары трех курильниц из Кайрагача увенчивались ступенчатыми выступами, имитирующими, на мой взгляд, хорошо известную по раскопкам в Ташкенте¹⁰⁹, Акбешиме¹¹⁰, Таразе¹¹¹ архитектурную деталь — так называемые зубчатые кирпичи. Эта деталь чрезвычайно важна, так как помогает в какой-то мере определить дату находок. Дело в том, что все зубчатые кирпичи происходят из памятников, хронологический диапазон которых весьма узок — VI—VIII вв., и если принять тезис о том, что прототипами ступенчатых выступов могли явиться зубчатые кирпичи, то и курильницы из Кайрагача следует датировать тем же временем, что и эти кирпичи, т. е. VI—VIII вв. н. э.

Очажные подставки

Эта группа керамических изделий представлена находками из Кайрагача. Она включает подставки трех типов.

I тип составляют подставки конусовидно-пирамидальной формы. Они имеют сквозное отверстие в нижней части, у основания. Именно в это отверстие вставляется вертел. Высота подставок 12—17 см. Диаметр плоского основания 10 см. Диаметр отверстия 1 см (табл. XXXIII, 2—5).

II тип — цилиндрические подставки. Отдельные экземпляры сильно расширяются к основаниям, имеющих вид дисковидных площадок. У других этот переход совершается плавно. Третьи же имеют вид цилиндрических столбиков без выраженных оснований. Отверстие для вертела находится на середине высоты подставки или смещено к одному из ее концов (табл. XXXIII, 1, 6, 7).

Размеры подставок: высота 8,5—9 см, диаметры оснований 8—8,5 см, диаметр отверстия 1,3—1,5 см.

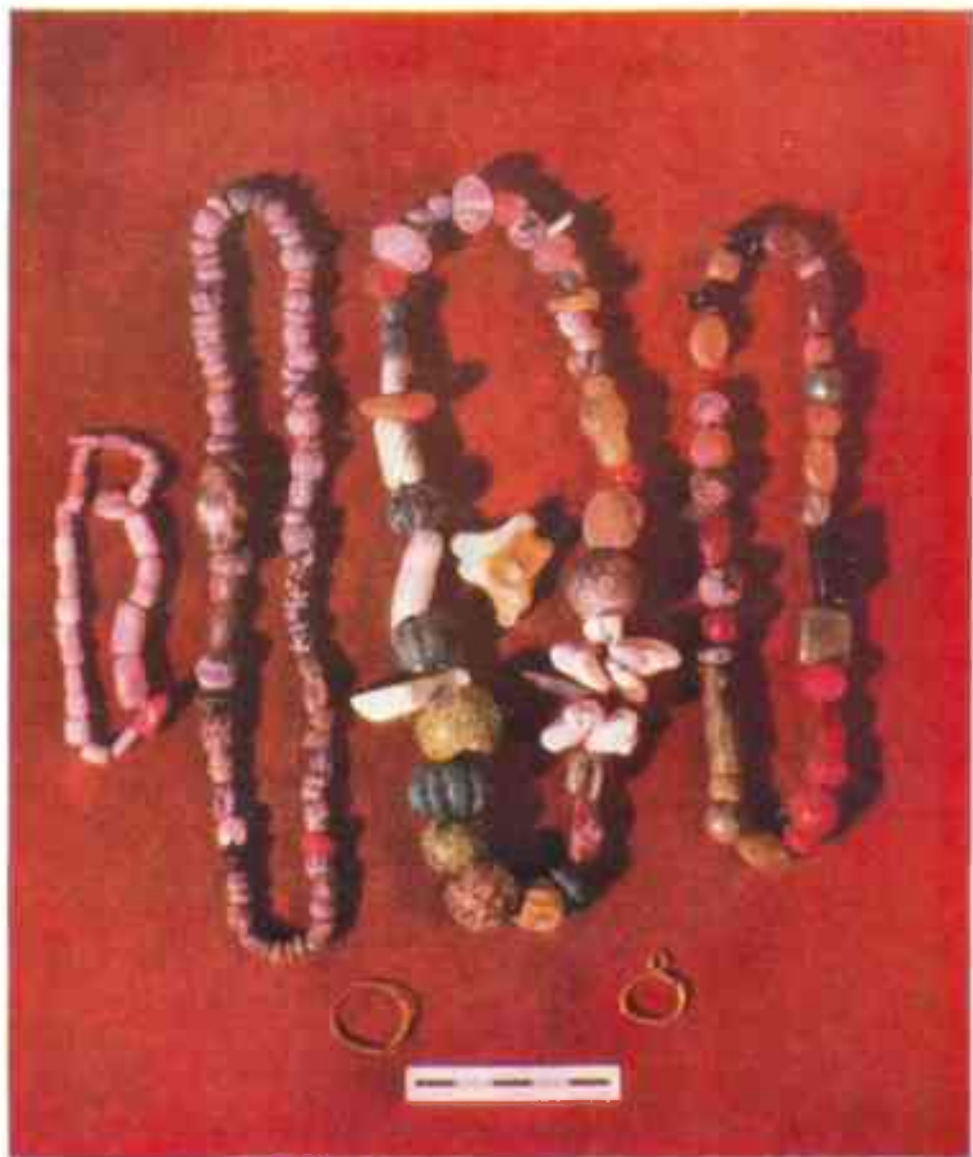
III тип — подставки удлиненной прямоугольной формы. Концы их завершаются конусовидными выступами разной высоты. Отверстие для вертела находится в торцовой стороне бруска (табл. XXXIII, 10, 11, 12), подставки часто украшены круглыми вдавлениями, расположенными по двум пересекающимся линиям.

Подставки этого типа являются, видимо, стилизованными изображениями животных. Подтверждением этому являются подставки, концы которых завершаются изображениями голов баранов с сильно утоньшенной и вытянутой мордой и рогами в виде сильно выступающих валиков, круто загнутых вниз. По верху бруска подставки — глубокие насечки. По середине боковой стороны — валики с насечками, изображающие, видимо, подогнутые ноги (табл. XXXIII, 9). У другой подставки (найден только фрагмент) рога переданы сильно выступающим и изогнутым валиком, образующим спираль (табл. XXXIII, 12).

Интересна стратиграфия кайрагачских находок. Все подставки I и II типов происходят из помещений верхнего строительного горизонта. Подставки третьего типа найдены в сооружениях всех периодов. Подставки же, увенчанные головами баранов, происходят из помещений нижнего строительного горизонта. Фрагмент подставки в виде головы барана про-

Рис. 37. Кайранич. Святялице
1 — алтарь; 2 — восточная рисишь

Рис. 58. Бусы из Тагоши

Рис. 59. Бусы из Кайрагачи

исходит из перемешанного слоя. Подставки I и II типов известны только по находкам в Кайрагаче. Ареал же подставок III типа в настоящее время довольно четко очерчивается. Все прямоугольные подставки происходят из района среднего течения Сырдарьи и связаны с памятниками Кауначинской культуры, причем подставки, увенчанные схематическими изображениями голов баранов, связаны с наиболее ранним ее периодом¹². Подставки этого типа найдены при раскопках Актобе I¹³, в слое, который авторы раскопок склонны датировать I—IV вв. н. э.

Предметы вооружения

Типология и хронология предметов вооружения являются одной из наименее разработанных областей среднеазиатской археологии. Объясняется это сравнительно небольшим количеством находок на поселениях и городищах и почти полным их отсутствием в погребениях. Не способствует изучению вооружения отсутствие сколько-нибудь полной его публикации.

Наконечники стрел. В Фергане только на двух из многих исследованных поселений обнаружены железные наконечники стрел. Очень незначительное количество их обнаружено в могильниках в Карабулаке, Боркорбаге.

Стрелы, найденные при раскопках в Кайрагаче, по форме боевой части могут быть разделены на три типа, каждый из которых включает несколько вариантов.

I тип представлен крупными трехлопастными наконечниками и включает четыре варианта.

Первый вариант представлен одним наконечником с тупоугольным основанием, найденным в помещении I строительного горизонта (табл. XXXIV, 1).

Второй вариант — наконечники с головкой ромбической формы. Длина граней верхней и нижней частей почти одинакова (табл. XXXIV, 2, 3, 5).

Третий вариант — наконечники с фигурным вырезом головки.

Четвертый вариант — наконечники с прямым основанием пера.

II тип — треугольные в сечении наконечники.

Первый вариант составляют наконечники бипирамидальной формы, сильно расширенной в верхней части около бойка и резко суживающейся к черенку (табл. XXXIV, 7—9).

Второй вариант составляют наконечники плавных очертаний и пирамидальной формы (табл. XXXIV, 10—21).

Третий вариант включает наконечники плавных пирамидальных очертаний, от наконечников второго варианта их отличает наличие муфточки, опоясывающей нижнюю часть головки (при переходе к черешку) (табл. XXXIV, 22, 23).

Тип III составляют наконечники квадратного сечения. При переходе к черешку сечение головки округлое, черешок округло-четыреугольного сечения (табл. XXXIV, 24—26).

Как указывалось, стрелы — не очень частая находка. Поэтому очень трудно проследить их эволюцию. Трехлопастные стрелы являются наиболее ранними из всех найденных. А. И. Тереножкин полагал, что крупные

трехлопастные наконечники стрел в Средней Азии появляются в первые века нашей эры. Они найдены в памятниках Каунчинской культуры и в Талибарзу в слоях I и II¹⁰⁴.

Эту же точку зрения А. И. Тереножкина разделяет С. С. Сорокин, подчеркивающий, что крупные трехлопастные наконечники стрел с треугольной формой пера становятся характерными в первые века н. э.¹⁰⁵ Б. А. Литвинский полагает, что трехлопастные стрелы с ромбической формой головки являются результатом эволюции наконечников от трехлопастных стрел с тупоугольным основанием пера¹⁰⁶. Дальнейшей эволюцией этих наконечников являются наконечники с фигурным вырезом. Это хорошо подтверждается стратиграфией находок. В частности, в Кайрагаче наконечники с тупоугольным и прямым основанием найдены в помещении нижнего горизонта. Наконечники же с ромбическим пером и пером с фигурным вырезом происходят из помещений IV и V периодов. Их эволюцию можно проследить на протяжении почти полутора тысяч лет. Развитие этой формы наконечников стрел шло по линии увеличения их размеров, что исследователи связывают с изменением доспеха¹⁰⁷. Наиболее ранними находками этого типа стрел являются наконечники из подбойно-катакомбных захоронений первых веков н. э.¹⁰⁸ На городище Куюктепе, в Центральной Ферганае, найдено 24 наконечника стрел разных типов¹⁰⁹. Хорошая стратиграфия памятника позволила Н. Г. Горбуновой создать относительную хронологию для стрел. Н. Г. Горбунова считает, что трехлопастные наконечники стрел связаны с наиболее ранними слоями поселения (Куюк I), отдельные экземпляры трехгранных стрел отмечены также в слое Куюк I. Во II период уже нет трехлопастных наконечников I типа, зато преобладают стрелы III типа и II (крупные трехлопастные с тупым основанием; двухъярусные наконечники бытуют только в III период).

В погребениях V и VI группы могильника Кайрагач найдены наконечники стрел. Все они трехлопастные с опущенными жальдами удлинённых пропорций (табл. XXXV, 1—6). На усадьбе таких наконечников нет. Там были трехлопастные стрелы с ромбическим пером и пулевидные трехгранные или квадратные в сечении. Такие наконечники помимо Кайрагача встречены в Карабулакском могильнике и в поселении Куюктепе (табл. XXXV, 7, 15, 17).

Пулевидные ромбические, трехгранные в сечении стрелы найдены также в Пенджикенте, в слое VII—VIII вв.; в замке на горе Муг¹¹⁰, в Семиречье, в тюркских захоронениях с конем (VI)¹¹¹. Наконечники этой формы найдены в слое X в. в I буддийском храме в Акбешиме¹¹². А. И. Тереножкин считает, что эти стрелы западного происхождения и склонен связывать их появление в Средней Азии с арабским владычеством¹¹³.

Другие исследователи, оспаривая точку зрения А. И. Тереножкина, считали их восточными и объясняли их проникновение в Среднюю Азию тюркским влиянием¹¹⁴. Найдены четырехгранные стрел на доарабских памятниках опровергают точку зрения А. И. Тереножкина. Но и второе предположение (о тюркском происхождении этой формы стрел) нельзя считать доказанным в связи с находками этих стрел в памятниках, предшествовавших распространению тюркского влияния в Средней Азии (Карабулакский могильник, Боркорбаз и др.)¹¹⁵.

Кайрагачские наконечники отличаются от только что перечисленных пропорциями. Все кайрагачские наконечники менее массивны и имеют удлиненные пропорции и более тонки в сечении.

Мечи. Ферганские мечи известны в основном по находкам в курганах. В частности, из Карабулакского могильника происходит один двулезвийный меч. Его длина равна 80 см. Длина рукоятки — 14 см. Перекрестие и навершие не сохранились. Лезвие меча плавно суживается к заостренному концу, ширина его 6 см. Сечение уплощенное, овальное. Меч найден в кургане 72.

В Кайрагаче два двулезвийных меча найдены в курганах VI группы. Перекрестия и навершия не сохранились.

Указанный двулезвийный меч найден на полу помещения 5 нижней площадки усадьбы. Его длина 54 см, ширина овального в сечении лезвия 3,6 см. Длина рукоятки 6 см. Перекрестие и навершие не сохранились. Рядом с мечом, на полу, обнаружен длинный железный предмет четырехугольного сечения. Весьма вероятно, что это — остатки сильно разрушенного меча.

Кинжалы. В Кайрагаче, в святилище, около постамента, найден один массивный однолезвийный кинжал. Длина его 17,5 см. Длинная конусовидная рукоятка плавно переходит в подтреугольное в сечении лезвие. Поскольку кинжал был найден в святилище, он, вполне вероятно, имел ритуальное назначение (табл. XXXVI, 1).

В могильнике Кайрагач кинжалы найдены в захоронениях на V и VI площадках. Все они двулезвийные. На своих поверхностях они сохранили остатки дерева, что свидетельствует о том, что кинжалы носили в деревянных ножнах (табл. XXXVI, 2—6).

Предметы быта

Ножи. По форме и характеру перехода от лезвия к рукоятке лезвия делятся на четыре типа.

I тип — ножи большие из слегка изогнутой пластины треугольного сечения (табл. XXXVII, 16, 17).

II тип — ножи с прямой спинкой, плавно переходящей в черешок (табл. XXXII, 1—5).

III тип — ножи прямые с прямой спинкой, образующей упор при переходе к черешку (табл. XXXVII, 7, 11).

IV тип — ножи серповидной формы из сильно изогнутой пластины. Лезвие плавно переходит в черешок. На одном из ножей видны заклепки, с помощью которых прикреплялась деревянная ручка (на рукоятках в некоторых случаях видны следы дерева). По характеру изгиба дуги ножи IV типа делятся на два варианта.

Первый вариант — ножи, имеющие наибольший изгиб посередине длины хорды (табл. XXXVII, 18).

Второй вариант — ножи с наибольшим изгибом около заостренного конца лезвия (табл. XXXVII, 6, 10, 14).

Ножи первых трех типов найдены при раскопках в Кайрагаче. IV тип представлен находками из Кайрагача и Тагата.

Лемех от плуга представлен единственной находкой из Кайрагача: он обнаружен на полу помещения верхнего строительного горизонта, и имеет рабочий край овальных очертаний (табл. XXXVIII, 3).

Топоры представлены одним целым экземпляром и несколькими сильно разрушенными. Топор проушной с округлым обушком, плавно переходящим к заостренному лезвию (табл. XXXVIII, 2). Топор, как и фрагменты других топоров, происходит из святилища.

Наковальня массивная, железная, с прямоугольной площадкой — рабочей поверхностью. Наковальня небольшая, видимо использовалась для изготовления небольших предметов (табл. XXXVIII, 1), принадлежит к числу уникальных находок, найдена в святилище усадьбы Кайрагач, где лежала за постаментом. Поскольку наковальня найдена в святилище и за постаментом, где стояли божества, ее можно рассматривать как предмет поклонения.

Помимо Кайрагача наковальни известны только в Пенджикенте¹⁰⁰.

Изделия из камня представлены в основном орудиями труда: зернотерками и жерновами.

Зернотерки найдены почти во всех помещениях усадьбы Кайрагач. Они сделаны из крупных речных галек и имеют ладьевидную форму. Длина большей части зернотерок 30—40 см, ширина — 15—20 см. Но отдельные экземпляры имеют размеры в 2,5—3 раза больше указанных. При раскопках найдены только нижние камни, а терочники, которыми растиралось зерно, не встречены ни разу (табл. XXXIX, 1, 2, 6, 7).

Жернова из крупного зернистого песчаника. Найдены как верхние, так и нижние камни жерновов. На верхних камнях, около края, есть небольшие углубления для ручки, с помощью которой вращался верхний камень жернова. Диаметры жерновов 30—40 см (табл. XXXIX, 3—5).

¹ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.

² Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.

³ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник. — Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук, 1961, т. 3, вып. 3; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена я Ляйляка. Фрунзе, 1962.

⁴ Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — ТХАЭЭ, 1959, т. 4, с. 232.

⁵ Маршак В. И. Керамика Согда V—VIII вв. как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамического комплекса): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965, с. 12.

⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 121; Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк..., с. 184—185.

⁷ Неразик Е. Е. Керамика Хорезма..., с. 260. Она же. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 126.

⁸ Маршак В. И. Керамика Согда V—VIII вв. как историко-культурный памятник, с. 22.

⁹ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк...

¹⁰ Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы хронологии Ферганской керамики с красным ангобом. — АСГЭ, 1971, вып. 13; Она же. Шурабашатская керамика в восточной Фергане. — АСГЭ, 1977, вып. 18; Она же. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры. — ТГЭ, 1979, т. 20.

¹¹ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники..., с. 100.

¹² Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. — КСИА, 1966, вып. 108.

¹³ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк..., с. 168, рис. 83.

- ¹⁴ Там же, с. 168, рис. 83; с. 169, рис. 84.
- ¹⁵ Фонды Ферганского музея.
- ¹⁶ *Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента.— Тр. Ин-та истории и археологии АН УССР, 1948, т. 1.
- ¹⁷ Фонды ЛОИА.
- ¹⁸ *Кыласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг.— Тр. КАЭЭ. М., 1958, т. 2.
- ¹⁹ *Негматов Н. Н. и др.* Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966, табл. XI, XII, рис. 8.
- ²⁰ *Распопова В. И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины: (по материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—54 гг.).— Тр. КАЭЭ. М., 1960, т. 4, с. 158.
- ²¹ *Брыкина Г. А.* Раскопки замка в Карабулаке... с. 122, рис. 46, 7.
- ²² *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники...
- ²³ *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М., 1956, с. 256.
- ²⁴ *Бурнашева Ф. А.* К вопросу использования химико-технологических методов при изучении керамики (котлов) средневековья.— ИМКУ, 1964, вып. 5, с. 170.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Азраров П.* Кухонная керамика Ферганы IX—X вв.— ИМКУ, 1966, вып. 7, с. 127.
- ²⁹ *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы, табл. 19, рис. 1.
- ³⁰ Раскопки Е. Д. Салтовской. Материал хранится в фондах ИИ АН ТаджССР. Пользуясь случаем, чтобы выразить Е. Д. Салтовской благодарность за представленную возможность ознакомиться с этим материалом.
- ³¹ *Орбели И., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.: Л., 1935, табл. 39—45.
- ³² *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан. 1948, с. 42, 44.
- ³³ Фонды Ферганского областного краеведческого музея.
- ³⁴ Фонды отдела Средней Азии Гос. Эрмитажа.
- ³⁵ *Негматов Н. Н. и др.* Средневековый Шахристан, табл. XIII, рис. 17.
- ³⁶ *Кыласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг.
- ³⁷ *Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента, с. 118.
- ³⁸ *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.— ТГЭ, 1961, т. 5, с. 189 и сл.
- ³⁹ *Тереножкин А. И.* Согд и Чач.— КСИИМК, вып. 33, рис. 69, XXI—8.
- ⁴⁰ *Бернштам А. И.* Буддийская терракота из Сукулук.— КСИИМК, вып. 14, с. 49 и сл.
- ⁴¹ *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Поселение Ак-тобе 2.— В кн.: Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, рис. 19.
- ⁴² *Горбунова Н. Г.* О раннесредневековой керамике Ферганы.— В кн.: УСА. Л., 1979, вып. 4, с. 67—71, рис. 22, 23.
- ⁴³ *Негматов Н. Н. и др.* Средневековый Шахристан, т. XIV, рис. 22.
- ⁴⁴ *Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента.
- ⁴⁵ *Буряков Ю. Ф.* Городище Минг-Урлюк.— Тр. САГУ, 1956, вып. 81, кн. 12, с. 126, рис. 5.
- ⁴⁶ *Кыласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг.
- ⁴⁷ *Негматов Н. Н., Пулатов У. П. и др.* Урта-курган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973, рис. 42, 2; *Пулатов У. П.* Чильхуджра. Душанбе, 1975, рис. 27, 3, 28, 1—3.
- ⁴⁸ *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ, 1959, т. 4, с. 99, рис. 12, 32, с. 105.
- ⁴⁹ *Воронец М. Э.* Археологические исследования 1937—1939 гг. в Узбекской ССР.— ВДИ, 1940, № 3/4, рис. 15.
- ⁵⁰ *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М., 1971, рис. 15, 115, 289, рис. 58, 27; также: Древности Чардары..., с. 210, табл. XII, 4.
- ⁵¹ *Гайдукевич В. Ф.* Могильник Ширинсай.— СА, 1952, № 16.
- ⁵² *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960, с. 98, рис. 55, с. 97, рис. 57.
- ⁵³ *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник.— Тр. ИИ АН КиргССР, 1957, вып. 3, с. 22; *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 81, табл. X.
- ⁵⁴ *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы, табл. 24, 25. В работе намечается ареал этой категории керамики, с. 136—138.
- ⁵⁵ *Древности Чардары*, с. 59, рис. 20, 41; с. 51, рис. 21, 35.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы, табл. 24, рис. 1—3, 5.

- ²⁹ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, с. 136—138, табл. 24.
- ³⁰ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники..., с. 81, табл. X.
- ³¹ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, табл. 2, 3.
- ³² Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники..., с. 81, табл. XI.
- ³³ Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы, рис. 22, 8, 7, рис. 23, 2.
- ³⁴ Козенкова В. И. Гайрат-тепе: К истории поселений Ферганы первой половины I тыс. н.э.—СА, 1964, № 3, с. 232, рис. 6, 5.
- ³⁵ Гайдукевич В. Ф. Могильник Ширинсай.
- ³⁶ Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., с. 180, 182, 181, 184, табл. 2.
- ³⁷ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, с. 111.
- ³⁸ Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, с. 147, рис. 2, 5.
- ³⁹ Тереножкин А. И. Согд и Чач, табл. 69, XXI, 1.
- ⁴⁰ Козенкова В. И. Гайрат-тепе.
- ⁴¹ Фонды Ферганского краеведческого музея.
- ⁴² Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы.—УСА, вып. 4, рис. 22, 6.
- ⁴³ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памир-Алая.—МИА, 1952, № 28, с. 103.
- ⁴⁴ Маршак Б. И. Влияние торевтики...
- ⁴⁵ Кыялисов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.
- ⁴⁶ Маршак Б. И. Влияние торевтики...
- ⁴⁷ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, с. 123.
- ⁴⁸ Брыкина Г. А. Раскопки замка в Карабулаке...
- ⁴⁹ Брыкина Г. А. Городище Майда-тепе.—КСИА, 1973, вып. 136, с. 120, рис. 45.
- ⁵⁰ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник.—ИООН АН КиргССР, 1961, т. 3, вып. 3, с. 54, табл. XIII.
- ⁵¹ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники..., с. 53, табл. X.
- ⁵² Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы.
- ⁵³ Сорокин С. С. Боркорбазский могильник.—ТГЭ, 1961, т. 5.
- ⁵⁴ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, с. 144.
- ⁵⁵ Сорокин С. С. Боркорбазский могильник, с. 147.
- ⁵⁶ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник, с. 54.
- ⁵⁷ Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г.—Тр. Музея истории народов Узбекистана, 1951, вып. 1.
- ⁵⁸ Белемцицкий А. М. Общие результаты раскопок древнего Пенджикента (1951—1953 гг.).—МИА, 1958, № 68, с. 131.
- ⁵⁹ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы, с. 147.
- ⁶⁰ Там же, с. 146—147.
- ⁶¹ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, с. 23, а также с. 83, табл. XIII, рис. 4.
- ⁶² Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 110, рис. 19.
- ⁶³ Хранится в Самаркандском музее, опубликован в кн.: *Albaum L. I., Brenfjes. Wächter des Goldes. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker vor dem Islam.* Berlin, 1972, S. 125.
- ⁶⁴ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, с. 56, рис. 11.
- ⁶⁵ *Ettinghausen R. Parthian and Sasanian pottery.*—SPA, Vol. II, p. 666, fig. 221.
- ⁶⁶ *Ghirshman R. Les Chionites-Heptalites.*—MDAFA, 1948, vol. 17, p. 5, fig. 21.
- ⁶⁷ *Ettinghausen R. Ibid.,* p. 660, fig. 220.
- ⁶⁸ *Excavation at Pasargadae.*—Iran, 1964, vol. 2, pl. 7—8.
- ⁶⁹ *Ghirshman R. Begram.*—MDAFA, 1948, vol. 15, t. XLI.
- ⁷⁰ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1980; *Ом же.* Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе.—КСИЭ, 1958, вып. 30, с. 74, рис. 1, с. 75, рис. 2.
- ⁷¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе.
- ⁷² Шишкин Б. А. Варахша, М., 1963; *Ом же.* Некоторые результаты работ на городище Варахша.—Тр. ИИ АН УССР, 1956, вып. 8, с. 19, рис. 10.
- ⁷³ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, т. 1, табл. VII, VIII.
- ⁷⁴ Альбаум Л. И. Некоторые культовые предметы..., с. 75, 77, рис. 4.
- ⁷⁵ Фонды Таджикской экспедиции. Шифр РП = 60
XII 11/6 № 34.
- ⁷⁶ Древности Чардары, рис. 22, 25.
- ⁷⁷ Фонды Музея истории народов Узбекистана.
- ⁷⁸ Лесина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи..., рис. 15, 187.

- ¹⁰⁸ Там же, с. 85, 81, рис. 20, 80, 84.
- ¹⁰⁹ *Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента (1940 г.); *Он же.* Согд и Чач, табл. 69, XXI, 18, с. 164, рис. 71, 2.
- ¹¹⁰ *Кызыласов Л. Р.* Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим.—СА, 1958, № 3; *Он же.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., с. 233.
- ¹¹¹ *Массон М. Е., Дуваченко Г. А.* Гумбез Манаса, М., 1950, с. 110.
- ¹¹² *Григорьев Г. В.* Каунчи-тепе. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
- ¹¹³ Древности Чардары, с. 63, рис. 27, 2.
- ¹¹⁴ *Тереножкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пенджикента.—Тр. ТАЭ, т. 1 (МИА, 1950, № 15, с. 192).
- ¹¹⁵ *Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника.—КСИИМК, 1956, 64, с. 11.
- ¹¹⁶ *Лигвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел.—СА, 1965, № 2, с. 17.
- ¹¹⁷ Там же, с. 14.
- ¹¹⁸ *Сорокин С. С.* Боркорбазский могильник, т. II, XV; *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник.—Изв. АН КиргССР, 1961, вып. 3.
- ¹¹⁹ *Горбунова Н. Г.* Керамика поселений первых веков н. э., с. 141—142.
- ¹²⁰ *Васильев А. И.* Согдийский замок на горе Муг.—В кн.: Согдийский сборник. М., 1934, с. 27.
- ¹²¹ *Бернштам А. В.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии. Фрунзе, 1943, с. 18.
- ¹²² *Кызыласов Л. Р.* Археологические исследования...
- ¹²³ *Тереножкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пенджикента, с. 92.
- ¹²⁴ *Ставиский Б. Я.* Раскопки жилой башни в кухендизе Пенджикентского владетеля.—МИА, 1950, № 15; *Рудо К. Г.* К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв.—В кн.: Сообщения республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР, 1952, т. 1.
- ¹²⁵ *Сорокин С. С.* Боркорбазский могильник; *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник.—Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1961, т. 3, рис. 12.
- ¹²⁶ *Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пенджикенте.—КСИИМК, 1954, вып. 55, с. 37; *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде Пенджикента.—МИА, 1958, № 66, с. 170; *Распопова В. И.* Квартал рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв.—СА, 1969, № 1, с. 170, рис. 2, 4.

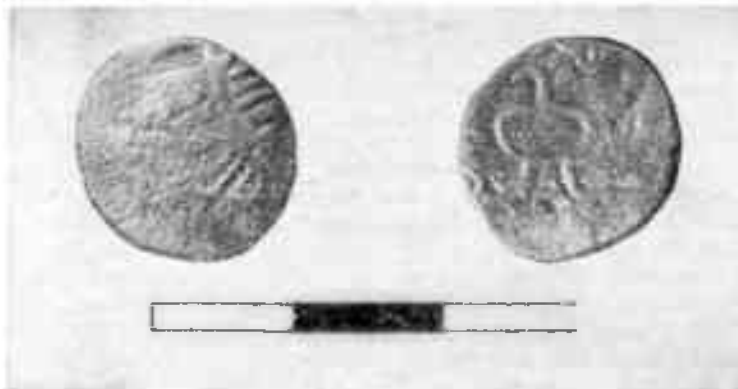
Глава III

Некоторые вопросы верований древних ферганцев в свете раскопок усадьбы Кайрагач и ферганских курганов

Проблема идеологии и культов древних ферганцев привлекала внимание исследователей неоднократно. Но до недавнего времени она ставилась в основном в связи с погребальным обрядом¹. Находки антропоморфных изображений в курганах, на поселениях и особенно в усадьбе Кайрагач и сопоставление их с обширными этнографическими материалами, в которых антропоморфным изображениям, связанным с погребальным обрядом, траурными церемониями, производственными культами и плодопоклонничеством, принадлежит значительное место, позволяют осветить новые аспекты этой проблемы.

В центре здания, в западном углу нижней площадки, открыты три комнаты, последовательно соединенные друг с другом дверными проемами и отличающиеся от остальных и планировкой, и характером находок. Именно с этими комнатами связаны наиболее интересные и крайне важные находки из Кайрагача, которые определили назначение этих комнат: они представляли собой домашний храм.

Первая комната имеет удлиненную прямоугольную форму. Ее стены покрыты саманной штукатуркой, а поверх штукатурки раскрашены. Краска производилась неоднократно. Открыты два ее слоя: нижний — выполнен черной краской, верхний — красной. Красная полоса тянется также по полу вдоль стен. Нижняя часть стен по всему периметру комнаты покрыта сплошь красной краской. Вдоль северо-восточной стены тянется широкая и высокая суфа, раскрашенная красной краской. В южном углу комнаты находился очаг, сооруженный на невысоком постаменте. В юго-западной стене была ниша полуовальной формы. В ней обнаружены семь антропоморфных статуэток. Одна из них глиняная, одна каменная, остальные — алебастровые. Комната имела две двери. Одна дверь, расположенная в восточной стене, соединяла храм с остальным комплексом усадьбы. Она вела во двор, в центре которого находился глубокий водоем. Другая дверь, находившаяся в западном углу, вела в большую, почти квадратную в плане комнату, площадью около 25 кв. м. Стены этой комнаты также покрыты саманной штукатуркой. Нижняя часть стен украшена росписью, выполненной красной краской. На южной стене роспись нанесена по алебастру, а на остальных — прямо по штукатурке. Она представляет собой бордюр из полуovalов, заполненных схематическими растительными побегами (рис. 37). Как штукатурка, так и роспись неоднократно подновлялись. На южной стене открыты несколько слоев росписи. Здесь декоративную панель, помимо растительных побегов, заполняют красные пятна, большая часть которых имеет форму трехлепестковой розетки.

Рис. 60. Монета из Кайрагача

Плоское перекрытие комнаты опиралось на четыре прямоугольные колонны, углубления от которых обнаружены в глинобитном полу.

Западный угол комнаты занимал невысокий глинобитный постамент, сплошь раскрашенный красной краской. Другой постамент (очевидно, главный) находился около юго-западной стены, в 20 см от нее. Вдоль южного его края тянется узкое возвышение, сохранившееся не полностью (рис. 38; 39). Стенки постамента покрывает штукатурка, поверх которой нанесена роспись в виде побегов, выполненная красной краской. В центре комнаты, перед постаментом, находился большой прямоугольный очаг. За постаментом, а также в южном углу комнаты и около юго-восточной ее стены обнаружены скульптуры, представляющие собой поясные изображения людей. Скульптуры стояли на постаменте, а при разрушении здания были сброшены с него и разбиты. В комнате найдены четыре фигуры.

Здесь же обнаружены три курильницы на высоких массивных ножках. На полу комнаты собраны бусы, в основном из розового коралла, украшавшие, видимо, скульптуры. Около постамента, в западном углу комнаты, была сделана интересная находка. Здесь обнаружена группа украшений, включавшая бусы из стекла, горного хрусталя, перламутра, бронзовые привески (рис. 58; 59). Судя по отпечаткам ткани, украшения лежали в мешочке; в этот же мешочек были положены сильно стертые каменные и стеклянные предметы и одна монета, видимо, чачского чекана. Эти находки, очевидно, нужно рассматривать как приношение богам (рис. 60).

В северо-западной стене комнаты находилась дверь, которая вела в узкое и длинное коридорообразное помещение, также входившее в храмовый комплекс. Эта комната сохранилась лучше других. Она имела массивные стены высотой до 3 м и была перекрыта двойным сводом. В тордовой северо-западной стене комнаты находилась полуовальная ниша, арка которой выложена из кирпичей, поставленных на торец; в первоначальный период комната имела здесь дверной проем, частично заложенный при перестройках. На стенах местами видны следы росписи. На полу, около ниши, лежала курильница, аналогичная обнаруженной в святилище.

В двух комнатах храма найдены 11 фигур, 12-я была обнаружена к северу от храма, среди развала керамики.

Все фигуры подчинены определенному канону. У всех статуй непомерно большие по сравнению с торсами головы с сильно скошенными лбами, что, может быть, свидетельствует о том, что прототипам этих изображений была свойственна деформация черепов. Все скульптуры имеют удлинённые миндалевидные глаза и длинные с горбинкой носы. Общей чертой всех фигур является схематичная трактовка торсов. Эта схематичность при очень тщательной моделировке лица может быть объяснена только одним обстоятельством: на скульптурах были одежды из тканей². При несомненном сходстве каждой фигуры со всеми остальными каждая имеет свои индивидуальные, лишь ей присущие черты и несомненное сходство со своим прототипом, что позволяет остановиться на описании каждой из скульптур.

Фигура 1 — большой алебастровый идол, обнаруженный в святилище. Голова его была отбита и лежала за постаментом. Торс же обнаружен в южном углу комнаты. Идол имеет непропорционально большую и массивную по отношению к торсу голову: при общей высоте фигуры 66,9 см, на голову приходится 20,4 см (без головного убора), что составляет более 1/3 от общей высоты фигуры. Голова сильно уплощена спереди и сзади. Верхняя ее часть имеет округлое очертание, лицо очень схематично. Широкие скулы резко переходят в подтреугольный подбородок. На щеках — полуовальные, четко очерченные красные пятна. Маленький рот имеет вид прямой бороздки. Нос сильно разрушен, но, видимо, он был прямой. От носа врзлет идут брови в виде валиков, подчеркнутых широкими черными полосами. Сильно выпуклые глаза имеют миндалевидную форму, окружены глубокой и широкой бороздкой и подчеркнуты черной краской, навесенной широкой полосой. Внешние уголки глаз слегка подняты вверх. На глазном яблоке — черное пятно, которое обозначает зрачок. Высокий и плоский лоб имеет подтреугольное очертание. Голову увенчивает высокий черный головной убор с плоским донцем, слегка суживающийся кверху и сплюснутый спереди и сзади. Очень короткая шея (высота ее 1,5 см) резко переходит в прямые плечи, заканчивающиеся конусовидными выступами — руками. Торс массивный, полуовальный в сечении. Небольшие выпуклины в верхней части торса обозначают грудь. Спина совершенно прямая.

Скульптура была двухслойная. Под схематичной личиной, напоминающей скорее маску, чем реальное лицо, скрыто довольно реалистично выполненное лицо с тонкими, хорошо проработанными чертами. Эта двухслойность скульптуры может быть объяснена, на мой взгляд, двумя причинами: 1) схематичная личина была маской, скрывающей лицо божества; 2) схематичная маска скрывает первоначальное лицо скульптуры в связи с ремонтом и подновлением старой, в какой-то мере разрушенной, но очень почитаемой фигуры. Оба эти предположения правомерны. Но ни одному из них пока еще нельзя отдать предпочтение (рис. 61, 6).

Фигура 2 — большой алебастровый идол, также обнаруженный в святилище. Голова была отбита и лежала в южном углу комнаты. Растрескавшийся торс — в юго-восточной части помещения. Вся фигура имеет вытянутые и изящные пропорции.

Удлиненная голова сильно уплощена спереди и сзади. Совершенно плоское лицо имеет вид четко очерченного овала. Затылок и темя сплошь покрыты черной краской, имитирующей волосы. На макушке — небольшой полушарный бугорок со сквозным отверстием. К нему, видимо, привязывалась коса. Лоб высокий и плоский, в верхней части его — дуговидная широкая красная полоса. Прямой и длинный нос с небольшой горбинкой посередине слегка расширяется книзу. Изогнутые дугой выпуклые брови отходят от носа и раскрашены черной краской. Глаза имеют вид сильно вытянутых овалов с заостренными концами. Веки обозначены узкими и высокими валиками, раскрашенные черной краской, а глазное яблоко — небольшой овальной выпуклиной с ямкой в центре. На обеих щеках — по три ямки, сделанные вдавлением палочкой по сырому алебастру. Они расположены так, что образуют треугольник. Видимо, в них вставлялись камни, имитировавшие татуировку, столь широко распространенную в древности. Маленький рот обозначен прямой бороздкой, рассекающей невысокий бугорок. Небольшие выступающие уши очень тщательно и реалистично вылеплены. В их мочках — небольшие сквозные дырочки того же диаметра, что и на щеках. В них, видимо, вставлялись серьги.

В строении лица ясно видна асимметрия: левая бровь поднята выше правой, левый глаз — выше правого и внешний угол его слегка поднят, тогда как правый глаз совершенно горизонтален; левое ухо значительно выше правого. Длинная шея резко переходит в слегка покатые плечи, заканчивающиеся конусовидными выступами. Торс почти на середине высоты сильно сужается, обозначая талию, и резко расширяется к бедрам, ширина которых равна ширине плеч (рис. 61, 11).

Фигура 3 алебастровая, высота 18,5 см. Найдена на полу, в восточной части святилища. Голова овальная с заостренным подбородком. Лицо плоское. Нос выступающий с горбинкой. Брови в виде прямых валиков отходят от носа. Глаза выпуклые, овальные. Рельефные изображения глаз и бровей подчеркнуты черной краской. Подбородок, щеки и лоб расписаны красной краской (на лбу и подбородке — широкие полосы, на щеках — полуовалы). Шея короткая. Торс конусовидный, утонченный книзу. Руки трактованы в виде небольших конусовидных выступов в верхней части торса (рис. 61, 5).

Фигура 4 глиняная. Найдена на полу между постаментом и южной стеной. Высота равна 16 см. Поверхность покрыта плотным слоем алебастра. Сильно уплощенная в верхней части голова откинута назад. Она увенчана девятью нерегулярно расположенными конусовидными выступами. Верхняя часть головы и затылок раскрашены черной краской. Лицо овальное, плоское. Подбородок округлый. Нос сильно выступающий, длинный с горбинкой. Брови имеют вид высоких валиков, расходящихся вразлет от носа. Косо поставленные глаза трактованы овальными валиками. Рельефные контуры глаз, зрачки и брови подчеркнуты черной краской. По углам глаз — красные пятна. Сильно вытянутый овал рассекает лоб поперек. По краю лба — красные круглые пятна. На щеках овальные пятна. Под носом и на подбородке — такие же красные пятна неопределенных очертаний. Торс цилиндрический. Руки трактованы небольшими конусовидными выступами (рис. 61, 10).

Рис. 61. Идолы из Кайрагача

Фигура 5 алебастровая. Голова слегка откинута назад и имеет яйцевидную форму. Подбородок округлый, с четко очерченным контуром. Нос прямой, длинный, сильно выступающий. Лицо имеет форму овала, расширенного в нижней (скуловой) части и вытянутого в верхней части. Темя и уплощенный затылок раскрашены черной краской. Лоб сильно скошен. Глаза углублены, трактованы невысокими валиками, окошуревшими бороздками, и покрыты черной краской. На щеках красные полуовалы. Красное пятно нанесено на подбородок, а лоб пересекает овал, нарисованный красной краской. Длинная шея хорошо выражена и резко переходит в торс прямоугольных очертаний (рис. 61, 8).

Фигура 6 маленькая алебастровая высотой 9,5 см. Торс цилиндрической формы, сильно сплюснутый спереди и сзади и утонченный книзу. От головы он отделен изогнутым валиком, подчеркнутым глубокими бороздками. Слегка сплюснутая голова имеет удлинненную форму. Нос прямой, очень узкий и длинный. От него вразлет расходятся рельефные слегка изогнутые брови. Сильно выпуклые глаза имеют миндалевидную форму. Голову облегает черный головной убор в виде шлема (рис. 61, 9).

Фигура 7 — небольшая алебастровая скульптура высотой 11,5 см. Имеет суживающийся книзу торс с уплощенным овальным основанием. Низ торса подчеркнут глубокой бороздкой. Спина уплощена. Грудь слегка выпуклая: высота шеи около 3 мм. Круглая голова сильно сплюснута спереди и сзади. Невысокий лоб подтреугольной формы сильно скошен и раскрашен красной краской, а темя и плоский затылок — черной. Нос прямой. Очень рельефные прямые валики бровей сильно подняты внешними концами вверх. Выпуклые глаза имеют миндалевидную форму. На подбородке и на щеках — красные пятна. Под глазами — очень невыразительные черные пятна (рис. 61, 9).

Фигура 8 алебастровая. Имеет высоту 14,5 см. Торс усеченно-конический, суживающийся книзу. Его основание слегка уплощено. Короткая шея имеет вид изогнутого желобка, отделяющего голову от торса. Голова округлых очертаний и сильно сплюснута спереди и сзади. Подбородок слегка заострен. Лоб сильно скошен. Нос прямой, сильно выступающий. От него расходятся очень рельефные брови. Косо поставленные глаза имеют вид овальных выпуклин. Рельефный рисунок лица подчеркнут росписью, выполненной черной краской. Черные полосы нанесены на щеки под глазами. Затылок также покрывает черная краска. На щеках и на подбородке — невыразительные красные пятна. Лоб пересекает красная полоса. Красные пятна нанесены в верхней части лба (рис. 61, 2).

Фигура 9 — небольшой алебастровый идол (высота — 14,5 см) с непропорциональной большой по отношению к торсу, уплощенной в верхней части яйцевидной головой. Овальное лицо несимметрично: левая сторона меньше правой и сильно скошена. Нос с горбинкой посередине, сильно выступает. Брови переданы рельефными валиками, отходящими от носа. Левая бровь более поднята, чем правая. Выпуклые глаза имеют целевидную форму. Над высоким и плоским лбом нависает невысокий выступ. Это, видимо, головной убор или прическа. Темя и плоский затылок раскрашены черной краской, рельефный рисунок лица также подчеркнут черной краской. Лоб пересекают две параллельные красные полосы. Красные полуовальные пятна нанесены на щеки (под глазами). На четко очерченном

прямоугольном подбородке — невыразительное красное пятно. Короткая шея резко переходит в подпрямоугольный торс, в верхней части которого небольшие конусовидные выступы, тракующие руки (рис. 61, 7).

Фигура 10 — идол каменный. Невысокий лоб окаймлен валиком, подчеркнутым неглубокой бороздкой. Голова сильно уплощена спереди и сзади. Высота фигуры 14 см. Плоское лицо имеет яйцевидную форму и слегка суживается к заостренному подбородку. Нос длинный, прямой, сильно выступающий. Прямые и очень рельефные брови отходят от носа. Глаза углублены. Глазницы подчеркнуты двумя изогнутыми и узкими валиками. Очень короткая шея плавно переходит в покатые плечи. Торс плоский, подпрямоугольной формы и подпрямоугольный в разрезе.

Каменная фигура была покрыта алебастром. Из алебастра были вылеплены прическа и уши, на которых имеются сквозные отверстия. Плоский затылок и виски раскрашены черной краской. На ушах красные пятна. Красные же полуовальные пятна нанесены на щеки (рис. 61, 1).

Фигура 11 — глиняный идол (сломан). Торс с плоской спиной сохранился плохо. Передняя же его часть слегка выпукла. В верхней части — конусовидные выступы, изображающие руки. Голова сильно уплощена в верхней части и откинута назад, лицо очень плоское, широкоскулое. Брови, глаза и нос имеют вид сильно выступающих валиков. Нос длинный с горбинкой посередине. Прямые брови идут вразлет от носа. Миндалевидной формы глаза сильно выпуклы. Правый глаз поставлен почти горизонтально, а левый — наклонно. Рельеф рисунка лица слегка сглажен алебастром, который покрывает всю фигуру. По алебастру нанесена роспись, затылок покрывает черная краска. Черной краской подчеркнуты глаза и брови. Плоский полукруглый лоб пересекает красная полоса. А по обеим сторонам лба — округлые красные пятна. На щеках — также овальные красные пятна, окаймленные красной полосой.

Фигура в первоначальном виде, вероятно, не была покрыта алебастром. Под отколовшимся алебастровым слоем над правым глазом открылась роспись красной краской. Затылок и темя были раскрашены черной краской (см. рис. 61, 4).

Фигура 12 — идол алебастровый, массивный. Высота 18 см. Торс цилиндрической формы. Диаметр плоского основания 8 см. Короткая шея плавно переходит в яйцевидной формы голову, скошенную в верхней части. Это создает впечатление, будто голова откинута назад. Лицо плавных овальных очертаний. Левая сторона его повреждена. Идол имел сильно выступающий с горбинкой нос. Миндалевидной формы глаза обозначены высокими валиками. Рельефными изогнутыми валиками трактованы и брови. Рельефный рисунок глаз и бровей подчеркнут черной краской. На щеке под глазом — красное пятно (рис. 62).

Нужно сказать, что археология Средней Азии дала не очень обширный материал для стилистических сопоставлений (рис. 63). Первая фигура из Ферганы была найдена при строительстве большого Ферганского канала³. Из Ферганы происходят еще четыре фигурки. Две из них были найдены в Ворухском могильнике⁴. Б. А. Литвинский сопоставил ворухских идоличков с алебастровыми фигурками из сарматских курганов Поволжья и Прикубанья. Третья фигурка найдена в кургане 19 Тураташского могильника в Южной Киргизии. Она была положена в погребение вместо покой-

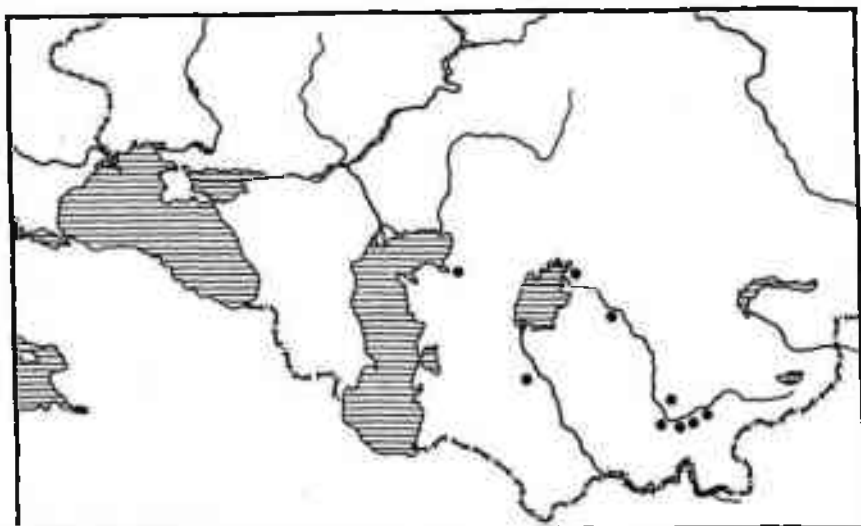
шка. Автор раскопок Ю. Д. Баруздин, как и Б. А. Литвинский, сравнивал тураташскую находку с алебастровыми идольчиками из сарматских курганов⁸. Самой восточной находкой из Ферганы является схематичная фигурка, найденная на поверхности городища Шурабашат⁹.

В настоящее время круг находок, аналогичных кайрагачским идолам, значительно расширился. Они были обнаружены как в поселениях, так и в могильниках. В относительной близости от Кайрагача, в городище Мунчактепе (Фархадстрой), найдена очень схематичная алебастровая фигурка⁷. На городище Уратюбе найдены две алебастровые фигурки⁸. Маленькая алебастровая фигурка найдена в одном из помещений Гардани Хисор⁹. Небольшая алебастровая фигурка происходит из городища Холикназар¹⁰. Три фигурки обнаружены на городищах в районе Чардары. Одна из них, изображающая сидящую женщину, найдена в городище Актобе II¹¹. Две другие происходят из разновременных слоев городища Актобе I¹². Маленькие, очень схематичные алебастровые идольчики найдены в помещениях Большого

Рис. 62. Идол из Кайрагача

Рис. 63. Карта находок идолов в Средней Азии

дома Асара 3¹³. Самыми западными находками в Средней Азии являются три алебастровых идольчика из каменного склепа могильника Джанак и других могильников в Закаспии¹⁴ и большая раскрашенная фигура из урочища Шах-Сенем (Левобережье Амударьи)¹⁵. Самыми южными являются находки, обнаруженные на городище в Южном Таджикистане и на городище Дильберджин в Северном Афганистане¹⁶.

Из перечня памятников видно, что большая часть известных в настоящее время алебастровых идолов происходит с памятников, расположенных в бассейне Сырдарьи или в близлежащих районах.

Как видим, ареал антропоморфных изображений, сходных с кайрагачскими, весьма обширен, но скульптуры из Кайрагача пока уникальны по ситуации, в которой они обнаружены. Кайрагачские статуи являются первыми среднеазиатскими находками, происходящими из помещений, явно предназначенных для совершения религиозных обрядов и являвшихся домашним храмом или молельней.

Б. А. Литвинский в связи с находками идольчиков из Ворука писал: эта находка «является очень важным звеном в цепи антропоморфных изображений, связанных с погребальным культом»¹⁷.

Находки же скульптур в поселениях показывают, что они не только связаны с погребальным культом, но характеризуют и другие стороны мировоззрения древнего населения. В погребальном же обряде, как показали находки в ферганских курганах (Ворухском и Тураташском), скульптуры играли, видимо, различную роль. В Ворухском могильнике в обоих случаях идолы обнаружены в женских захоронениях. Они положены в погребения молодых женщин и лежали у ног погребенных: в кургане 3 за пределами гроба¹⁸, в кургане 51 — около бедра правой ноги¹⁹.

В кургане 19 Тураташского могильника очень схематичная статуэтка из алебастрового бруска была помещена в подбой вместо покойника. Ее сопровождал обширный погребальный инвентарь — пять сосудов, глиняное прясло, бусы, бронзовое зеркало²⁰. Курган является, по мнению автора раскопок Ю. Д. Баруздица, кенотафом и сооружен в память о погибшем вдали от родины человеке. В этом же могильнике открыты еще несколько подобных курганов с большим количеством сосудов. Курган 19 отличается от них присутствием в нем антропоморфной статуэтки; видимо, курган был сооружен в память наиболее почитаемых членов коллектива.

Для понимания и объяснения назначения антропоморфных фигурок, явно отличавшихся от традиционных среднеазиатских терракот, очень важны сведения этнографии — там антропоморфным изображениям, связанным с погребальным обрядом и траурными церемониями, принадлежит значительное место. В этнографии известны также антропоморфные изображения, связанные с производственными культурами, а также с идолопоклонничеством, имевшим место в верованиях среднеазиатских народов.

Таджики верхнего Зеравшана, жившие в кишлаках Урмитан и Мадрушкан, ставили на свежую могилу траурный знак в виде песта с привязанным к нему куском материи²¹.

В Мадрушкане пест улепчивался куклой в виде мужчины или женщины (в зависимости от пола погребенного). Платье куклы делалось из одежды покойного, волосы на женское изображение — из волос умершей женщины. Часто куклу сажали на деревянную лошадь, в руку куклы вкладывали

вали нагайку. Лицо ее было обращено на дорогу. Такие куклы ставили матери или сестры умерших на могилы юношей и девушек или нерожавших женщин²².

Подобный обычай был хорошо известен кафирам Гиндукуша: через год после смерти взрослого кафира на его могиле полагалось воздвигнуть изображение в его память. Фигуру вырезали из дерева, лицо раскрашивали, глаза, рот и нос отмечали инкрустацией из камней. Изображение мужчин — с чалмой на голове. На женских изображениях — рогатый головной убор. При фигуре были луки и стрелы, а иногда — фитильные ружья²³.

В Средней Азии обычай ставить куклы на могилах не был распространен. Он отмечен только в одном кишлаке верхнего Зеравшана. Но надмогильные схематичные антропоморфные изображения отмечались неоднократно. К ним относятся фергобольные надмогильные камни в Южной Туркмении, описанные М. Е. Массоном²⁴, реальные дощечки, палки, прутья, одетые в матерчатые колпачки, ставившиеся возле могильных плит в Бахарденском и Каахкинском районах Южной Туркмении²⁵. Этнографы полагают, что подобные надмогильники могли рассматриваться как изображения покойного, ставившиеся в память об умершем, или же как его спутник или оберег²⁶.

Вторая группа антропоморфных изображений связана с траурными церемониями и помпальным культом. Изображения этой группы делались на определенное время, ограниченное помпальным циклом. Изготовление их связано с анимистическими представлениями, с верой в душу, продолжающую жить и после смерти человека.

В 1928 г. М. С. Андреевым у ферганских киргизов, живших в районе Касапа, был отмечен обычай воспроизводить изображение умершего, в котором, по представлениям киргизов, находилась душа умершего. Это изображение, называемое «тул», делалось из вертикально поставленной подушки, одетой в одежды умершего²⁷ или же имело деревянный остов²⁸. Изображение ставили в углу и отгораживали занавеской. «Тул» находился в юрте в течение года, до больших поминок, являясь своего рода заместителем умершего. После трезны деревянные части его сжигали вместе с траурной одеждой вдовы²⁹. Тяньшаньские киргизы во время трезны сажали на двух или трех коней некие подобия человека в одеждах покойного. Коня стояли около юрты до конца аша (трезны). Их охранял специально выделенный человек. Обычай делать «тул» отмечен С. М. Абрамзонем в нескольких районах в Киргизии³⁰. Он существовал также и у казахов³¹. У других народов Средней Азии он не отмечен ни разу, но зато был широко распространен у народов Сибири. Этот обычай существовал у нанайцев и гольдов, изготовлявших куклу «фаня», одетую в одежды покойного и являющуюся, по их представлениям, вместилищем тени и астральной души покойного. «Фаня» хранилась в доме в течение трех лет в определенном, отведенном для нее месте. Ей оказывали внимание, какое обычно проявляется к живому человеку. Ее кормили и поили, с ней разговаривали. Через три года совершался обряд «касатаури», при котором делали другую куклу — «мугде», также одетую в одежды покойного. Считалось, что в нее при помощи действий шамана вселялась душа покойного. «Мугде» бросали в костер, где она должна была частично обгореть³².

Северные остяки по истечении определенного срока изображение по-

койного хоронили или помещали в специальный домик; обские угры через 40 или 50 дней (в зависимости от положения умершего) выносили изображение покойного на окраину села, где для него строился шалашик. Куклу сжигали вместе с шалашиком. У сосвинских манси и хантов, живших на Оби, ниже Иртыша, изображения умерших хранились в доме. У манси они передавались по женской линии, у хантов — по мужской. Манси в случае смерти последней представительницы семьи хоронили изображение вместе с ней³³.

Об изображении умерших у тюркских народов, живших на Черном Иртыше, писал в свое время Н. Ф. Катанов, отмечавший, что изображения из дерева и камня делались только в том случае, если покойник при жизни пользовался уважением³⁴.

Некоторые исследователи склонны сравнивать обычай делать «тул» с существовавшим у осетин обрядом «сидения мертвых»³⁵, суть которого состояла в том, что на шестой неделе великого поста вдова в присутствии родственников сооружала изображение покойного мужа из деревянной крестовины, облаченной в одежды покойного. Изображение покойного ставилось на видное место, а вокруг него садились родственники. После совершения обряда поминания гости оставались сидеть всю ночь³⁶.

Общим в этом обряде осетин и в киргизском обряде «тул» является изготовление изображения покойного. В основе обоих обрядов лежат анимистические представления о том, что в изображение вселяется душа покойного. Однако осетинский обряд связан не с траурными церемониями, а с поминальным обрядом, совершаемым в определенный день года.

В связи с находками в ферганских курганах для нас большой интерес представляет третья группа антропоморфных изображений, также известных в этнографии среднеазиатских народов и непосредственно связанных с погребальным обрядом, в котором они играли двойную роль.

В одних случаях куклы выполняли роль спутников погребенного. Их клали под саван покойного в том случае, если при обмывании тело было мягким. Это было признаком того, что умерший нуждается в спутнике и может призвать к себе кого-нибудь из оставшихся в живых. Этот обычай бытовал у узбеков Ташкента и был описан А. Л. Троицкой во время экспедиции в 1928 г.³⁷

30 лет спустя аналогичный обычай отмечен Т. Баялиевой у южных киргизов в сел. Охна и в местности Кызылбулак (юг Ошской области). Здесь также под саван покойника в том случае, если у него остались подвижными суставы и шея, клали изображение человека, которое называлось «куурчак», что значит «кукла». Деревянные части куклы заворачивали в ту же ткань, из которой делали саван. Куклу клали в саван. При этом, обращаясь к умершему, говорили: «Это твой спутник». Как и узбеки, киргизы совершали этот обряд для того, чтобы умерший «не повлек за собой в качестве спутника» кого-нибудь из членов семьи. Кукла, таким образом, заменяла человека, спутника покойного³⁸.

Обычай класть в погребение в качестве спутника антропоморфные изображения прослежен с глубокой древности. В частности, схематичные изображения людей из алебаstra и глины найдены на памятниках крито-микенской культуры³⁹, в могильниках VII—VI тысячелетий до н. э. в Двуречье⁴⁰, в могильниках энеолита и эпохи бронзы Южной Туркме-

нии⁴¹. В савроматских погребениях Поволжья схематичные алебастровые фигурки иногда сопровождают детские захоронения.

В Средней Азии этот обычай не имеет непрерывной традиции. По крайней мере, эта непрерывность не подтверждается археологическими материалами. У сибирских народов традиция помещать в погребение антропоморфные изображения прослежена на протяжении тысячелетий — с неолита до современности.

Ученые дают различные объяснения этому обычаю.

Одни считают, что статуэтки помещали в мужские погребения в качестве спутников для удовлетворения сексуальных потребностей погребенных⁴². Другие (В. М. Массон и В. И. Сарияниди) видят в статуэтках олицетворения семейных божеств и полагают, что они сопровождают наиболее влиятельных и почитаемых членов коллектива⁴³. В самом деле, обе статуэтки из Алтындене обнаружены при наиболее богатых погребениях. В одном случае, по мнению исследователей, погребенный являлся главой семьи и хранителем культовых традиций, в другом — жрицей⁴⁴.

В Китае в древности существовал обычай захоронения с покойником его жен, рабов, жертвенных животных. Но начиная с эпохи Хань, все реальные спутники заменялись их изображениями. Малая пластика, таким образом, связана с обычаем помещать в могилу изображения всего того, что окружало погребенного при жизни и ему принадлежало⁴⁵.

В этнографии хантов находит Л. Р. Кызласов объяснение обычая древних таштыкцев класть в могилу куклу из кожи, одетую в платье из шелка⁴⁶. У хантов существовало представление о тройственности человеческого «я», состоявшего из тела, души и тени. После смерти человека тело погребалось в могилу, высвободившаяся из него душа, считали они, переселялась в младенца, родившегося в том же роде. Тень же, по их убеждениям, продолжала жить в подземном царстве, где начинала новую жизнь. Она появлялась там младенцем и должна была расти. Кукла (шопгот) являлась вместилищем тени покойного. Она делалась для того, чтобы помочь тени погребенного расти. Ее делали сначала маленькой, а потом увеличивали в размере. О кукле заботились, одевали и кормили. А через год хоронили в той же могиле, что и покойного. Тень, таким образом, вновь объединялась с телом.

Стратиграфические наблюдения, проведенные Л. Р. Кызласовым над материалами Оглахтинского могильника, привели его к мысли о том, что сначала погребали покойника, а затем в могилу клали куклу (в таштыкских могилах куклы лежали поверх костяков). Вполне вероятно, что таштыкцы, как и ханты, делали это по истечении какого-то времени⁴⁷. Л. Р. Кызласов считает, таким образом, что оглахтинские куклы служили вместилищем тени покойного. Поэтому вряд ли можно согласиться с сопоставлениями этих находок с киргизскими погребальными куклами, которые проводит С. М. Абрамазон⁴⁸. Было бы более уместным сравнение таштыкских кукол с китайской погребальной скульптурой, выполнявшей роль спутника покойного в загробном мире.

В киргизском эпосе «Манас» находит объяснение другая группа антропоморфных изображений. Речь идет о статуэтке, обнаруженной в кургане 19 Тураташского могильника и положенной в погребение вместо покойника. Из эпоса известно, что жена Манаса Конакай построила ему

мавзолее еще при его жизни. Но, когда Манас умер, Конакей, опасаясь врагов, которые могли осквернить могилу, похоронила его в пещере, поставив у входа подпорку с изображением Манаса. В мавзолее же положила его изображение, обернутое в белый войлок. Изображение, таким образом, выступает в роли заместителя умершего⁴⁹.

Как видим, антропоморфные изображения играли различную роль в погребальном обряде и траурных церемониях и характеризовали различные стороны мировоззрения древнего населения Средней Азии. Но независимо от того, какова была их роль, все они связаны с анимистическими представлениями, с верой в то, что в изображение вселяется душа умершего или его спутника, с заботой о жизни умершего «на том свете», что, в свою очередь, связано с культом предков.

Находки скульптур, происходящие из поселений, имеют более обширный ареал для сопоставлений и отождествлений. В Средней Азии в середине I тысячелетия н. э. существовал ряд культов, атрибутами которых были антропоморфные изображения. Это — идолопоклонничество, астральные культы, культ предков и связанные с последним профессиональные культы.

Идолопоклонничество было широко распространено в Средней Азии. Об этом свидетельствуют и письменные источники, и археологические находки. Исследователи (А. М. Белелицкий и Б. Я. Ставиский) считают его предшествующим и антагонистичным культу огня. Это подтверждается исторической традицией. Так, в «Шахнаме» описывается принятие Виштанасом зороастризма и строительство храма огня: «Идолы в капище они сожгли, вместо идолов огонь они зажгли»⁵⁰. В перечне грехов, приводимых в зороастрийской литературе, наиболее отвратительным является поклонение идолу.

В Китайских хрониках Тангу и Вэйшу приводятся сведения об идолах. «В... Западном Цао на северо-восток, минуя город Юй-ди, есть храм духу Дэси. Жители поклоняются ему. В этом храме есть золотая утварь с надписью, что сия утварь пожалована сыном Неба из династии Хань⁵¹». Хроника Вэйшу (VI в.) дает более полные и конкретные сведения об идоле и об обряде, который совершался в храме: «В сим владении (Цао) есть дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от западного моря на восток. Он представлен в образе золотого истукапа в 15 футов в объеме с соразмерной вышиной. Ежедневно в жертву ему закалывают пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов. Число жертвующих иногда простирается до тысячи человек и не могут съесть всего»⁵². Для нас в этом сообщении китайской хроники ценны два обстоятельства. Первое — в нем дается представление об облике идола — божество Дэси имело антропоморфный вид. Второе — в хронике указано место, где находился храм, — владение Западное Цао: «Это древняя кангюйская земля»⁵³, т. е. область, расположенная в непосредственной близости от района, откуда происходят кайрагачские скульптуры, и находившаяся в постоянном и тесном культурном общении с Западной Ферганой.

Идолопоклонничество в Средней Азии имело, видимо, длительную и стойкую традицию. Отдельные случаи идолопоклонничества отмечены этнографами и у современных народов Средней Азии. Наиболее многочисленные сведения о нем мы находим у арабских историков и геогра-

фов. Из их сообщений следует, что арабы сталкивались с идолопоклонничеством повсеместно. Во всех областях и городах, куда они приходили, они отмечали как отдельные культовые места, так и обширные капища-храмы, в которых были сосредоточены огромные богатства. Белазори писал, что арабы вывезли из Буттема, горной области в верховьях Зеравшана, добычу, включавшую и золотых идолов. По словам Табари, при покорении Самарканда Кутейба приказал сжечь там множество храмов. На пепелище главного самаркандского храма собрали 50 тыс. мискалей золотых гвоздей. Все драгоценности из храмов Кутейба роздал войску. Одному рабу был отдан идол, в котором помимо драгоценностей было 2½ тыс. золотников серебра⁵⁴. В Рамитане, небольшом городке в окрестностях Бухары, был храм идолов, атрибуты которого были привезены из Китая китайской принцессой, выданной замуж за одного из бухарских владетелей⁵⁵. В Пайкенде арабы нашли серебряного идола, который весил 400 мискалей⁵⁶. В Пайкендском же храме было множество серебряных чаш, драгоценностей. Табари же сообщает об одном Хутгальском правителе, бежавшем в Фергану, а оттуда — в Уструшану, куда он вывез изображения, и установил их там.

В Уструшане идолопоклонничество было распространено весьма широко. Сам правитель области Ал-Афшин Хайдар, по словам Ал-Масуди, «был мусульманином лишь по виду». На самом же деле он «придерживался веры своих отцов». На процессе Ал-Афшину в числе других было предъявлено обвинение в идолопоклонничестве. В связи с этим на процессе выступили два согдийца, жестоко избитые по приказу Ал-Афшиина за то, что они напали на храм, где были идолы, выбросили их и храм превратили в мечеть⁵⁷.

По словам Наршахи, в Бухаре на дверях домов и замков были вырезаны изображения идолов, на каждом доме — свой идол. Храм находился в арке, впоследствии на его месте была построена мечеть. На базаре Мах, который находился на берегу реки, два раза в год (по одному дню) продавали идолов. Торговля велась по повелению царя и проходила весьма оживленно, оборот одного дня составлял более 50 тыс. дирхемов. А подготовка к торгу шла в течение года, когда плотники и скульпторы изготовляли идолов и в назначенный день доставляли их на базар. «Каждый, кто потерял или сломал своего идола, или у кого он пришел в ветхость, все приходили в день торга и покупали себе новых идолов, а старых выбрасывали»⁵⁸. Каждый покупал себе идола и уносил в свой дом. Из этого замечания Наршахи следует, что каждый член коллектива имел своего личного, лишь ему принадлежащего идола. Оно особенно важно в связи с находками маленьких идолов в Кайрагаче, являвшихся, очевидно, личными божествами-оберегами отдельных членов коллектива. Кайрагачские фигурки хранились, видимо, дома в специальных нишах. Бронзовые же статуэтки, неоднократно находимые в курганах и на поселениях, предназначались для постоянного ношения⁵⁹.

Рукопись Зия-ал-кулуб, составленная около 1603 г. Мухамедом Явзом, является наиболее поздним историческим свидетельством об идолопоклонничестве у киргизов. Рукопись посвящена житию известного среднеазиатского шейха Ходжи Исхака, подолгу жившего среди киргизов и обратившего в мусульманство около 180 тыс. кафи́ров и идолопоклон-

ников⁶⁰. Ходжа Исхак разбил 18 языческих киргизских капищ, которые названы в рукописи «бутхона». Эти капища находились в районе Кашгара и Самарканда. В рукописи описываются главное капище и главный идол («бут») киргизов, сделанный из серебра. Идол имел свое имя. Он назывался «Таебийа ил джахар» и висел на дереве, а вокруг него — множество (до 2 тыс.) небольших идолов, вытесанных из дерева и камня. Ритуал поклонения идолу сопровождался общей трапезой верующих и кормлением идола: «(они) подошли к дереву и отвесили поклон в его сторону; поставили сосуд и все склонились перед деревом»⁶¹. Затем «сосуд с мясом поместили перед этим большим идолом и делали ему знаки: отведая этой еды. Затем сосуд с мясом отодвинули подальше. Один кусок мяса вложили в левую руку идола, другой — в правую, а третий кусок (раскрошивши) разбросали в воздухе»⁶².

Обращает внимание сходство ритуала поклонения киргизскому идолу и духу Дэси (см. выше). В обоих случаях поклонение божествам сопровождалось жертвоприношением, коллективной трапезой (поелось то, что приносилось в жертву) и кормлением божества. Видимо, этот ритуал был широко распространен в древности и имел стойкую традицию. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что он имел место в XVII в. Современная этнография свидетельствует о том, что и после принятия ислама в религиозных воззрениях народов Средней Азии сохранились многочисленные элементы древнейших верований. До недавнего времени существовало множество обрядов и поверий, которые, несомненно, являются реликтами доисламских верований. Истоки их следует искать в глубокой древности⁶³.

К их числу относится фетишизм, поклонения деревьям и всевозможным изображениям. Все эти обряды совершались тайно очень ограниченными и замкнутыми коллективами, объединенными в секты. Одну из них, а именно секту идолопоклонников, в 1921 г. наблюдал М. С. Андреев у арабов, живших в районе Каттакургана. Местные жители, по словам М. С. Андреева, говоря об идолопоклонниках, употребляли выражение «куурчак касыгыч пидилер» («они прибегают к куклам или уповают на кукол»). Только наиболее ревностные мусульмане употребляли слово «бут» — идол⁶⁴. Идолов было два: мужской идол — Ирдаванк — и женский — супруга Ирдаванка, имевшая несколько имен: Бегит-биби, Бибиш-Ай, Биби-Айша. Оба идола сделаны из дерева и одеты в одежды из белой ткани. На голове у Ирдаванка — белая чалма, а у его супруги Биби-Айши — волосы, поверх которых надета тибетейка. Биби-Айша имеет множество разнообразных украшений.

Идолы хранятся отдельно в разных кишлаках и в одних и тех же семьях на протяжении многих поколений. Хранятся настолько долго, что никто из информаторов не помнит, когда и кем они были сделаны. Биби-Айша имеет отдельную комнату в глубине дома, где стоит в особой нише.

Идолы являлись покровителями и исцелителями. К ним обращались в случае личной болезни или болезни близких родственников⁶⁵. Чаще всего к идолам обращаются женщины, а наибольшей популярностью у них пользуется Биби-Айша. М. С. Андреев писал также, что идолопоклонниками были таджики, жившие в районе Джизака, на северных склонах Нуратских гор. Как и арабы, они почитали идолов тайно⁶⁶.

С семейным культом связаны небольшие фигурки из олова или свинца, иногда из серебра, одетые в красные и синие тряпки. Эти фигурки бытовали у киргизов и ферганских таджиков⁶⁷. «Кут» считался счастьем дома, а семья, обладавшая им, должна иметь много скота и много детей⁶⁸. Таджикки изготовляли «кут» при поселении в новом доме. «Кут» бережно хранился в семье, а новое изображение делалось только в том случае, если старое по каким-то обстоятельствам нельзя было перенести в новый дом или оно исчезло⁶⁹. Вспомним в связи с этим, что в средневековой Бухаре новый идол покупался только в том случае, если старый был утерян или пришел в негодность⁷⁰. Киргизы прибегали к помощи «кута» в случае болезней скота. В этом случае фигурку обмывали водой, а затем этой же водой окропляли скот⁷¹. «Кут» хранился в укромном месте дома, а хранительницей его была старшая в семье женщина⁷².

Этнографы полагают, что истоки обычая иметь семейный оберег следует искать в глубокой древности. А то обстоятельство, что хранительницей «кута» была женщина, заставляет видеть в этом обычае отголоски верований материнского родового строя⁷³.

В науке нет пока единого мнения по поводу того, каких богов олицетворяли идолы, о которых есть сообщения в китайских хрониках и о которых так много писали арабские авторы.

Мусульмане-арабы могли называть идолами любые изображения, в том числе и изображения божеств буддийского пантеона. Так, В. В. Бартольд отмечал, что арабы называли здание Наубехар на окраине Балха то постройкой идолопоклонников, то домом огня, в то время как из описания Сюань-Цзана, посетившего Балх около 630 г., следовало, что эта постройка была буддийским монастырем. Он называет ее «новой сангарамой»⁷⁴.

В. В. Бартольд, разбирая в одной из работ рассказ Наршахи об идолопоклонниках Бухары и о доме идолов, привезенном в Райтан китайской принцессой, высказывает предположение, что этот дом идолов, «по всей вероятности, буддийский храм»⁷⁵. Но сам же В. В. Бартольд указывал, что «остаётся ещё спорным, действительно ли упоминаемые в Туркестане дома идолов... принадлежали буддистам и вообще незороастрийцам»⁷⁶. Так же осторожно высказываются Т. И. Зеймаль и Б. А. Лятовский по поводу отождествления идолов с буддийскими божествами. Они пишут, в частности: «Вопрос в том, к какой религии относились те или иные из этих идолов, не может быть решен с достоверностью, но представляется вероятным, что среди них были буддийские божества»⁷⁷.

Но не во всех областях роль буддизма была одинаковой. Наиболее сильными его позиции сохранялись в южных районах: в Бактрии — Тохаристане. В Согде, Фергане и Семиречье он утратил свое влияние задолго до прихода арабов; буддийские монастыри и храмы были разрушены, а буддизм практически забыт местным населением. Сюань-цзан, посетивший Среднюю Азию за 100 лет до прихода арабов, писал, что в стране Кан царь и народ не верят в буддизм и почитают ооупь. Здесь есть здания двух монастырей, но в них нет монахов. И если приезжающие монахи пытались в них останавливаться, их выгоняли горящими головнями. В конце первой четверти VIII в. в Самарканде, как писал Хой Чао, был один монастырь с одним монахом. Видно, к этим сведениям китайских путешественников-буддистов нужно относиться со вниманием и считать их до-

словенными. И если буддийские монастыри были разрушены более чем за столетие до арабского нашествия, то едва ли арабы могли извлечь из них такие колоссальные богатства, о которых писали Белазори, Табари и другие авторы.

Видно, когда арабы писали об идолах, они имели в виду вполне конкретные изображения, отличающиеся от изображений божеств буддийского, христианского и других пантеонов. В этом убеждает то обстоятельство, что во всех арабских источниках от X в. до XVI в. идолы называются одинаково: «бут». Точно так же называют идолов современные арабы⁷⁸. При этом с идолами связываются вполне определенные понятия. Как показали исследования М. С. Андреева, С. И. Абрамзона, Т. Баялиевой, у арабов из Катта-Кургана и у киргизов идолы «бут» или «кут» являются покровителями отдельных коллективов — целых общин или отдельных семей. Видимо, средневековые храмы идолов нужно связывать с местными узколокальными верованиями. Именно в них стояли изображения божеств-идолов, являвшихся объектами поклонения.

Из-за схематичной трактовки торсов кайрагачские скульптуры имеют очень архаичный вид. Это наводит на мысль о том, что и истоки культа, атрибутами которого они являются, следует искать в глубокой древности. В самом деле, в стилистическом отношении кайрагачские фигуры больше всего похожи на анаусские статуэтки⁷⁹, на фигурки из неолитических памятников Греции, Крита⁸⁰ и Двуречья⁸¹, где они найдены как в захоронениях, так и в жилищах. Исследователи указывали на различие фигурок, находимых в погребениях и на поселениях. В первом случае фигурки изготовлялись из камня или известняка, во втором — из глины⁸².

Чайльд считал, что мелкая пластика связана с интимными культовыми отправлениями. Каждый житель имел свою статуэтку и, может быть, даже не одну. В Шумере, как полагал Крамер, каждый город, каждое поле и хозяйство имели свое персональное божество. Были также божества — покровители отдельных ремесел и орудий труда: мотыги, плуга и др.⁸³.

На поселениях статуэтки, олицетворявшие личных богов-покровителей, находились в жилых комнатах, где хранились в специальных нишах. В Южной Туркмении, как полагает В. М. Массон, были и общинные святилища, которые занимали в поселке центральное место. Именно в них, по мнению В. М. Массона, находились культовые скульптуры⁸⁴.

Култ божеств — покровителей дома хорошо известен по материалам Авесты: в Авесте фигурируют духи дома и семьи, умершие родичи — «нманья», которые и после смерти заботятся о благополучии семьи. В Авесте упоминаются также и духи рода и племени. В. А. Лявниц сопоставляет «нманья» с авестийскими фравашами — ангелами-хранителями и одновременно душами всего сущего. Он полагает, что «нманья» изображались в виде идолов, которых ставили в доме, и сравнивает этих идолов с теми, которых продавали на базаре Мах в Бухаре⁸⁵. Еще раньше К. А. Инностранцев связывал бухарский обычай продавать идолов с культом фравашей⁸⁶.

По Авесте, фраваша — это могущественные духи умерших предков. Авеста рисует их образ в виде сидящих в торжественном молчании величественных существ женского пола. Согласно Авесте, десять дней перед

Новым годом совершались поклонения и жертвоприношения фравашам. Эти дни фравашаши проводили в родных селениях и требовали к себе внимания.

Ю. А. Рапопорт сопоставляет хорезмийские статуарные оссуарии с образами авестийских фравашей. Он полагает также, что статуарные оссуарии почитались как фравашаши умерших праведных предков⁸⁷.

В науке неоднократно обращалось внимание на связь культа фравашей и культа предков. Так, А. О. Маковельский писал, что фравашаши «являлись обожествленными душами умерших предков, которые почитались потомками, получали от них жертвоприношения, и в свою очередь помогали потомкам»⁸⁸.

Ю. А. Рапопорт обращает внимание на сходство обрядов, которыми сопровождалась годичные праздники в честь предков и празднества в честь фравашей. Он отмечает, что праздники в честь предков восходят «к древнему культу фравашей»⁸⁹.

Более осторожно высказывается по этому поводу Г. П. Снесарев. Он пишет, то ареал культа предков, равно как и хронологический его диапазон, значительно шире культа авестийских фравашей. Это не дает возможности ставить знак равенства между этими двумя культурами. Но все же, по мнению Г. П. Снесарева, несомненно, что сохранению в Средней Азии «этого стадийного явления зороастризм с его учением о фравашаши способствовал немало»⁹⁰.

Культ предков был широко распространен у современных народов Средней Азии. Он пронизывал все сферы деятельности как скотоводческого, так и земледельческого населения. По данным этнографии, характерной чертой культа предков является помощь умерших оставшимся в живых родичам. Без поклонения духам предков, без совета с ними не совершалось ни одно сколько-нибудь серьезное дело в семье. Перед вступлением в брак невесты шли на кладбище, чтобы поклониться могилам предков. Перед вселением в новый дом нужна была санкция предков. Первым блюдом, которое готовилось на новом очаге в доме, был боурсак, предназначенный для предков («чтобы арвохи — предки — почувствовали его запах»). У узбеков Хорезма духи умерших имели один собирательный образ — «ата-бобо», что значит «предок»⁹¹.

У киргизов дух умерших предков также имел собирательный образ. Это — Арвак. По давности существования и по важности он стоит на первом месте. Арвак для киргизов был грозной нравственной силой⁹². По представлениям народов Средней Азии считалось, что в определенные дни недели духи предков посещают дома своих родичей. Это совершается обычно в ночь с четверга на пятницу или же в канун больших мусульманских праздников (Курбан или Рамазан). В эти дни в домах проводилась уборка, готовилась праздничная еда (чаще всего жарился боурсак), зажигался свет, открывались настеж ворота и двери⁹³. В честь духов предков с целью умилостивить их зажигались пимеки — палочки, обернутые ватой и смоченные маслом. Пимеки втыкали в очаг и при этом говорили, какому предку они предназначены. Пимеки зажигали также и на могилах близких родственников и на особо почитаемых мазарах⁹⁴. С заботой о духах умерших и поклонением им был связан обычай еженедельных приношений на могилы еды и даже денег⁹⁵.

Днем поминовения умерших и поклонения их духам был Науруз — Новый год, широко отмечавшийся всеми народами Средней Азии. Этот праздник совпадал с днем весеннего равноденствия, с днем зимнего поворота солнца на весну. Он отмечался в Средней Азии с древнейших времен как народный праздник весны. С ним связаны широко распространенные у народов Востока представления об умирающей и воскресающей природе. Характер обрядов, которые совершались в этот день узбеками и таджиками, показывает, как полагал М. А. Андреев, что Науруз — «скорее праздник мертвых»⁹⁶. В этот день также готовилась специальная еда для духов предков, каждая трапеза сопровождалась молитвами в честь умерших. Совершались поклонения могилам, сопровождавшиеся приношениями еды.

Как полагает Ю. А. Рапопорт, жертвоприношения предкам «должны были содействовать оживлению природы, укрепить слабые силы воскресающей земли, обеспечить плодородие в течение всего года»⁹⁷. В то же время представления об умирающей и воскресающей природе связаны с представлениями о судьбе предков, которые именно в эти дни нуждаются в заботе живущих⁹⁸.

Об обрядах поклонения предкам, совершавшихся хорезмийцами и согдийцами, писал Бируни, обративший внимание на сходство этих обрядов у обоих народов. Он отмечал, что хорезмийские и согдийские обряды идентичны тем, которые совершаются персами. У персов в дни Фервердаджана, которые совпадают с началом Нового года и приходом весны, люди ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки — на крыши домов. «Они утверждали, будто души умерших выходят в эти дни из места награды и наказания, приходят и всасывают силу кушаний и впитывают их вкус. [Домокозьяева] окуривают свои дома девясилом, чтобы мертвые могли наслаждаться его запахом. Утверждают также, что души мертвых посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах, хотя [люди] их не видят»⁹⁹. Согдийцы совершают поклонение своим предкам в месяце (х-ш-в-м). В конце этого месяца, писал Бируни, «жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки, как делают персы в Фервардаджане»¹⁰⁰.

Хорезмийцы поклоняются своим предкам «в последние пять дней Испендермаджи и пять дней, которые за ним следуют». В эти дни «хорезмийцы делают то же, что делают жители Фарса в дни Фервердаджана, — они кладут пищу для духов умерших»¹⁰¹. В Бухаре поклонение духам предков совершалось на могиле Сиявуша¹⁰². Сиявуш, таким образом, здесь являлся как бы обобщенным образом всех умерших предков. Обряд поклонения ему совершался также в предновогодние дни и первые дни нового года, что указывает, по мнению исследователей, на связь культа Сиявуша с представлениями об умирающей и воскресающей природе¹⁰³.

В религиозных представлениях тюркских народов культ предков имел большое значение, причем большое место в нем принадлежало поминальным обрядам в честь умерших предков. Огузы почитали своих предков по мужской линии, считавшихся покровителями рода и семьи. В честь душ предков приносили жертвы, часть жертвенной пищи закапывалась при этом в землю. Могилы родовых старейшин огузы чтут, как святые¹⁰⁴.

В честь усопших тюрки ставили памятники. Исследования, проведенные в Южной Сибири, Туве и Монголии, привели ученых к заключению о

том, что эти памятники ставились не на самой могиле, а в некотором отдалении от нее в сооружении, возводившемся для празднования поминок¹⁰⁸.

Это сооружение представляло собой здание из сырцового кирпича с крышей или же оградкой из камней. В здании или оградке ставили изображения покойного. Именно об этих сооружениях писалось в Суйшу — китайской хронике VII в.: «В здании, построенном при могиле, ставят нарицательный облик покойника и описание сражений, в которых он находился при жизни»¹⁰⁹. В Центральной Азии и Южной Сибири жертвенно-поминальные сооружения имеют длительную традицию. В Туве они отмечены уже во II в. до н. э.¹⁰⁷ Видимо, такие поминальные сооружения были и в Средней Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные каменные изваяния тюркского времени, обнаруженные в Семиречье, на Тянь-Шане, в Восточной Фергане — в районах первоначального расселения тюркских племен в Средней Азии.

Приношения предкам тюрки совершали ежегодно. Хан «ежегодно со своими вельможами приносит жертву в пещере предков»¹¹⁰. Или же «ежегодно посылал важного сановника приносить жертву предкам в той пещере, где они из рода в род обитали»¹⁰⁹. В этих пещерах могли стоять изображения предков. Во всяком случае находки стел более раннего времени, происходящие из пещер, известны. Так, одна таштыкская стела обнаружена в пещере на левом берегу р. Няни. Л. Р. Кызласов полагает, что эта находка лишней раз подтверждает тот факт, что изображения предков ставили в особых святилищах, являвшихся храмами предков¹¹⁰.

Большую роль в воззрениях китайцев играло поклонение духам умерших предков. Ритуал поклонения был разработан весьма детально¹¹¹. Поклонение совершалось в домашнем храме, который ставили на восток от дома. По мнению Георгиевского, храмы предков ведут начало от примогильных построек, которые с древнейших времен сооружали, чтобы служить местом жертвоприношения усопшим. Весь ритуал, который совершался в храмах, первоначально совершался у самих могил¹¹².

В Ивнском Китае существовал обычай изготовлять куклу — «чун», что означает двойник. «Чун» как вместилище души покойного держали в доме до похорон, а потом помещали в домашний храм, где перед ним совершались поклонения¹¹³. Впоследствии вместо «чун» — двойника стали изготовлять куклы души — «хунь бо». В домашних храмах ставили статуи, которые в хрониках называют словом «сяп», что в буквальном смысле означает «подобие». Но истинный смысл этого слова «кумир». Начиная с XII в. изображения предков в храмах заменяются табличками с именами предков, перед которыми совершается тот же обряд, что и перед статуями.

Среднеазиатские храмы предков и обряды, совершавшиеся в них, хорошо известны по китайским хроникам. В Кушанни храм предков «располагался по восточную сторону города». Он представлял собой «двухэтажное здание. На северной его стене красками изображены древние императоры среднего царства, на восточной — тукюеские ханы и индийские владетели, на западной — владетели босысские и фолинские. Владетель, учинив поклонение перед ними, уходит»¹¹⁴. В области Кап (так китайцы называли Согд), «в резиденции есть храм предков, в котором приносят жертвы в шестой луне. Прочие владетели приезжают помогать в жертвоприношениях»¹¹⁵.

На основании сопоставлений данных палеоэтнографии, письменных сведений с данными современной этнографии становится очевидным, что обряды, связанные с культом предков, ведут начало от поклонения останкам умершего. Первоначально эти обряды, сопровождавшиеся жертвоприношениями, совершались непосредственно на кладбище, в наусах. Анализируя оссуарные находки Хорезма, Ю. А. Рапопорт приходит к выводу о том, что оссуарии с костями в течение какого-то срока (не более года) до захоронения их в землю или переноса в наусы, хранились «в домах тех, кто наследовал умершему, или же в специальных постройках, принадлежащих общине, где перед ними совершались обряды поклонения»¹¹⁶. К аналогичному выводу еще раньше пришли исследователи Пенджикентского пригорода¹¹⁷.

Впоследствии обряды поклонения предкам были перенесены в специальные сооружения, где останки умерших заменялись их изображениями¹¹⁸. Именно такими храмами были сооружения в Кушании и Кане, о которых писали китайские авторы.

А. М. Мандельштам на основании того, что день приношений в Самаркандский храм совпадал с днем поминовения усопших, полагает, что сам храм был царской усыпальницей правящей династии Самарканда и вместе с тем центром династийного культа¹¹⁹. В связи с этим уместно вспомнить, что в области Ши (район Ташкента) в храме предков объектом почитания являлась урна с прахом. «По юго-восточную сторону резиденции есть здание, посреди которого поставлено седалище. В 6-е число первой луны ставят на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетеля, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляют жертвенное (мясо). По окончании обряда владетель с супругою отходит в особливую ставку. Вельможи и прочие по порядку садятся, и по окончании стола расходятся»¹²⁰.

Не очень пространные, но выразительные сведения китайских хроник хорошо дополняются археологическими данными. Совокупность этих данных дает возможность воссоздать в общих чертах картину духовной жизни древнего населения Средней Азии.

В Ташкенте при раскопках Актеле открыты сооружения, состоящие из платформ и постаментов, окруженные стенами с пирами. В культовом назначении этих сооружений исследователи не сомневаются. Они сопоставляют их с храмами, описанными в китайской хронике. М. И. Филанович полагает, что в здании совершались обряды, связанные с культом предков¹²¹.

В центре композиции Бартымского блюда — прямоугольный ларец, пирамидальная крышка которого увенчана шаром и полумесяцем. Ларец покоился на двух львах, которые, по мнению Ю. А. Рапопорта, могли быть ножками трона. Анализируя изображение на блюде, Ю. А. Рапопорт пришел к выводу о том, что ларец являлся оссуарием; это подтверждается самой его формой. Кроме того, ларец увенчан теми же символами, которые часто бывают на оссуариях (полумесяц и шар)¹²². Сопоставляя сюжет изображения на блюде и описание обряда поклонения перед урной с пеплом во владении Ши, Ю. А. Рапопорт приходит к выводу, что обряд поклонения останкам умерших предков был широко распространен в Средней

Азии¹²⁵. В самом деле, об обряде, совершаемом во владении Ши, сообщают китайские хроники. Хорезмийская же принадлежность блюда с изображением оссуария подтверждается надписью, которая, по мнению В. А. Лившица, хорезмийская. Значит, блюдо иллюстрирует обряд, совершавшийся в Хорезме. В Согде, как показали раскопки пенджикентского некрополя, обряды поклонения совершались в наусах.

Своеобразным династийным храмом царских предков был зал царей, открытый в Топрак-Кале. Здесь, как полагал С. П. Толстов, находилась «портретная галерея династии хорезмийских сивяшидов». «Сидящие огромные статуи изображали царей, а окружающие их — членов семей, богов-покровителей»¹²⁶. Статуи Нисы, по мнению Г. А. Пугаченковой, олицетворяли «или богов, или обожествленных предков аршакидского дома, а квадратный зал, где они стояли со времени младших аршакидов, стал залом обожествленных царских предков»¹²⁷. С династийным культом Г. А. Пугаченкова связывает скульптуры из Халчаяна и Дальверзина. А царская резиденция в Халчаяне, где стояли скульптурные изображения царских предков из рода Герая, являлась домом обожествленных предков¹²⁸.

В Шахристанском дворце, который, по мнению Н. Н. Негматова, был резиденцией уструшанских афшинов, местом поклонения династийным предкам является малый зал дворца. На западной стене его изображен, как полагает Н. Н. Негматов, предок уструшанской династии¹²⁷.

В классовых обществах Востока царской власти всегда придавался божественный характер. Культ правителей переплетался с заупокойным культом царских предков, который имел общегосударственное распространение. Но в упорядоченный религиозный институт культ правителя и его предков перерос только в эллинистических государствах Птолемеев и Селевкидов. Именно к этому времени относится возведение первых общегосударственных храмов предков. Один из них, построенный по указу Антиоха I на вершине горы Немруддаг, представлял собой грандиозное святилище, посвященное культу богов, царских предков и самого царя. В святилище находились огромные статуи, изображавшие сиикретические эллинистические иранские божества и огромные каменные стелы с барельефными изображениями царских предков по отцовской и материнской линиям¹²⁹.

В Иране культ царских предков приобретает форму государственной религии только при Сасанидах. В надписи Шапура I на Каабе Зороастра сообщается об учреждении именных жертвоприношений «для душ и имени его родичей». В список включены три его предка, начиная с Сасана (т. е. отец, дед и прадед)¹³⁰.

Выше речь шла о династийном культе, о культе царских предков. Но обряды поклонения предкам совершались в каждом доме, в каждой семье. Культовые постройки были обязательной принадлежностью дома. Они, как правило, находились на втором этаже или рядом с интимными покоями¹³¹. Домашние храмы и молебни имели различную структуру, что, видимо, обусловлено значимостью культа и социальным положением домовладельца. Они могли включать одну или несколько комнат. Но в большинстве построек были выделены культовые места в жилых комнатах. Г. А. Пугаченкова отмечает их наличие в жилых комнатах Дальверзина. Они имели вид ниш с прямоугольными оградками, заполненными землей. В нишах хранились атрибуты культа¹³². В богатых домах Пенджикента хорошо выделя-

ются канеллы, в которых были алтари и изображения почитаемых предков хозяина дома¹³³.

В Кайрагачском комплексе обряды поклонения совершались в двух комнатах. Главные обряды совершались в святилище перед постаментом у южной стены, где стояли большие статуи, являвшиеся объектами поклонения всего коллектива, и в первой проходной комнате перед нишей, где лежали маленькие скульптуры, принадлежавшие отдельным представителям общины или семьи и являвшиеся олицетворением их личных покровителей и оберегов.

Обряд сопровождался приношениями (около постамента в западном углу комнаты лежал мешочек с украшениями и монетами) и возжиганием огня в курильницах. В святилище найдены три курильницы на высоких ножках, четвертая курильница найдена в соседней комнате, где она лежала на полу перед нишей около западной стены.

У современных народов Средней Азии курение благовонных трав и возжигание огня в честь духов предков — неотъемлемая деталь обряда, совершаемого в ночь под Новый год и на следующий вечер. Таджики Каратегина и Дарваза зажигали три светильника и ставили их в доме около почетного столба¹³⁴. Узбеки Ташкента также зажигали светильники — пимеки в честь духов предков и ставили их в очаг группами, каждую группу — в честь определенного предка. Пимеки зажигали на могилах, на особо почитаемых мазарах, под священными деревьями. Цель этих возжиганий — умноствление духов предков¹³⁵.

Связь культа предков с профессиональными культурами несомненна. В культе бесчисленных мусульманских святых особое место занимают отраслевые святые — основатели и покровители определенных занятий и ремесел. Происхождение ремесел в представлениях современных народов Средней Азии связывается с действиями сверхъестественных сил. А в роли их основателей чаще всего выступают мусульманские святые¹³⁶.

Духи умерших мастеров были окружены заботой и вниманием. В их честь приносились жертвы, читались молитвы. Ни один сколько-нибудь сложный производственный процесс не обходился без обращения к духам мастеров. Как и у современных народов, в древности ремесло в семье было наследственным. Поэтому поклонение духам предков приняло форму семейно-родового культа предков. Занятие профессией отца «было моральной и религиозной обязанностью сына». Профессию отцов и дедов нельзя было «оставить на дороге». Заниматься ею было долгом перед духами предков, имевших ту же профессию. Это рассматривалось так же, как «служение самому патрону ремесла»¹³⁷.

Г. П. Снесарев, устанавливая связь между духами умерших мастеров и духами предков, обращает внимание на тот факт, что и к духам мастеров и к духам предков применялся один и тот же термин — «арях», в честь тех и других совершались одинаковые обряды¹³⁸. Исследователям удалось установить, что образы патронов-покровителей профессий имеют очень древние корни (так, покровитель мясников «Джонмарди-кассоб» сопоставляется с Гайомардом из зороастрийских источников¹³⁹). В женских ремеслах — гончарстве, ткачестве — глубокие корни культа патронов-покровителей и их языческая сущность прослеживаются лучше всего¹⁴⁰.

Е. М. Пещерова отмечала, что процесс изготовления сосудов, их обжиг

у горных таджиков сопровождался сложными магическими действиями. Наиболее сложным в гончарстве был обжиг сосудов, когда гончары были всецело во власти стихии и зависели от капризов огня, и именно при обжиге, чтобы оградить себя от всяческих случайностей, гончары старались прибегнуть к помощи сверхъестественных сил. Перед тем как приступить к обжигу, женщины-гончары делали две куклы (по одной версии — это две женщины, по другой — женщина и мужчина). Кукол сажали недалеко от места обжига посуды. Их кормили из специальной игрушечной посуды и разговаривали с ними. После завершения обжига и обряда, которым он сопровождался, кукол прятали в доме в укромном месте. Перед каждым обжигом делали новые куклы, а когда их набиралось много, их хоронили на кладбище¹⁴². О назначении кукол нет пока единого мнения. По одним сведениям, они служили для отвращения дурного глаза, по другим — изображали пиров гончаров, присутствующих на празднестве. Думаю, что вторая версия наиболее вероятна.

Как и у современных народов, в древности, видимо, наиболее почитаемой профессией была профессия кузнеца. Истоки культа кузнеца следует искать в глубокой древности; поклонение кузнечному ремеслу, видимо, связано с культом огня, с его могущественной силой.

Очень интересные сведения о культе первого кузнеца в Шугнани приводит М. И. Зарубин. «Даже место, где была кузница, почитается: несколько лет работал кузнец в Поршнине в одном месте, затем перешел на другое; старое место работы окружили оградой, и поныне оно почитается, как мазар. Из орудий кузнечного ремесла особенно почитается наковальня: pulk'zir (камень, на котором куют большие куски железа, большая каменная наковальня) и zah'din (небольшая железная наковальня, вбитая в большой деревянный обрубок): всякий, приближаясь к ним, совершает зират»¹⁴³.

В этой связи большой интерес представляет находка в святилище Кайрагача двух предметов, совершенно очевидно связанных с производственными процессами: около постамента найдены большой проушный топор и небольшая железная наковальня. Эти находки, на мой взгляд, проливают свет на характер культа, атрибутами которого являются скульптуры. Весьма вероятно, что они олицетворяли родоначальников, патронов профессии кузнецов.

Особенно важно было заручиться расположением предков-покровителей в сельскохозяйственной деятельности, где все зависело от «милостей» суровой природы Средней Азии.

Анализируя Авесту, Ю. А. Рапопорт пришел к выводу, что первоначально фраваша — духи предков — выступают как покровители пастушеского хозяйства. Но с развитием земледелия обряды в честь умерших стали важной частью аграрного культа¹⁴⁴. О связи поклонения духам предков с земледельческими культами свидетельствует также и тот факт, что ритуал совершался дважды в году — весной и осенью, т. е. тогда, когда природа особенно пугдается в поддержке и покровительстве предков. Рапопорт полагает, что «водружение урны на троне должно было символизировать воскрешение умерших, как бы воцарение обожествленных предков»¹⁴⁵.

Именно в канун Нового года совершались наиболее ответственные

приношения духам предков как древними, так и современными народами Средней Азии. Благо и счастье в наступающем году зависит, по их мнению, от того, насколько духи предков будут умиловлены. В обрядах современных земледельческих народов Средней Азии большое место принадлежит культу божества — покровителя земледелия, научившего людей обрабатывать землю, давшего им земледельческие орудия. Этот покровитель выступает в образе старца «бобон-Дехкон» — «деда земледельца». Перед началом пахоты в честь «деда-земледельца» самый старей и уважаемый житель селения читал молитву⁴⁴. В горных районах (в частности, в Каратегине и Дарвазе) посевы производились под дождь, и урожай всецело зависел от количества выпавших осадков. Поэтому началу сева предшествовал магический обряд вызывающий дождя. В верховьях Вахша атрибутом обряда являлась кукла в виде старухи «ашаглон», одетая в женское платье. Куклу сажали на козленка и возили по кишлаку, останавливаясь около каждого дома участников процессии, ей преподносили пшено, муку, молоко, соль и обливали водой. Из собранных продуктов около почитаемого мазара приготавливали еду, которую съедали все участники процессии. Во время хождения по кишлаку исполнялась обрядовая песня, которая называлась «ашаглон». Характерно, что в этой песне с просьбой о испослании дождя обращаются не к богу, а к старухе «ашаглон»⁴⁵. М. Р. Рахимов предполагает, что «ашаглон» изображает древнее божество, скорее всего Ардвисуру-Анахиту, имеющую отношение к воде.

Сложными магическими обрядами сопровождался сбор урожая и складывание хлеба в копны. Когда все убрано и гумно подметено, хозяин делает из метлы куклу, которая участвует в общей трапезе⁴⁶.

С культом предков связаны культы плодородия, способствующие развитию воспроизводящей силы природы. Одним из них был фаллический культ, широко распространенный у многих народов с древнейших времен. Он имел место и в верованиях древних фергайцев. Дело в том, что в одной из комнат усадьбы Кайрагач обнаружены фаллосы из необожженной глины. Они были аккуратно сложены в небольшую овальную ямку, вырытую в суфе. Атрибутами фаллического культа исследователи считают статузки и наделенные изображения на сосудах с подчеркнутыми признаками пола⁴⁷. Фаллос — символ производящей силы природы. А совершение обрядов, связанных с фаллическим культом и часто сопровождавшихся аротическими действиями, имело цель обеспечить плодородие полей и связанное с ним материальное благополучие коллектива.

Л. М. Левина, анализируя находки среднеазиатских алебастровых идолов из присырдарьинских памятников, приходит к выводу о том, что все они происходят из памятников кочевых или полукочевых племен⁴⁸. Отсюда должен быть сделан вывод, что и сами идолы являются атрибутами кочевнических культов. Но находки алебастровых идолов на поселениях ставят под сомнение этот вывод. В настоящее время большая часть находок происходит из поселений и городищ. Простой их перечень показывает, что эти памятники были оставлены оседлым, земледельческим населением. На поселениях статуи находились в помещениях, явно связанных с отправлением культовых обрядов. Большая индивидуальность каждого изображения заставляет думать, что статуэтки связаны с очень ограниченными, узколокальными культами. Наиболее древние находки подобных

скульптур на обширнейших пространствах Евразии происходят из памятников, оставленных оседло-земледельческим населением. Здесь уместнее было бы говорить о том, что земледельческому и кочевническому населению были свойственны одинаковые культы с идентичными атрибутами.

- ¹ См., в частности: *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 51—62; *Литвинский Б. А.* Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии.— ИАН ТаджССР. ООИ, 1968, вып. 3(53), с. 42—51; *Литвинский Б. А.* Кайгуйско-сарматский фари. Душанбе, 1968.
- ² Скульптуры из дерева, одетые в одежды из ткани, были широко распространены у народов Сибири. См.: *Литский А. Н.* Некоторые вопросы тагтыгской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н.э.—IV в. н.э.).— В кн.: Краеведческий сборник № 1. Хакасский музей краеведения. Абакан, 1958; *Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских укров.— Тр. ИЭ АН СССР, Нов. сер., 1959, т. 2.
- ³ *Обалдуева Г. Г.* Отчет о работе 1-го отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.— ТИИА АН УзССР, 1951, вып. 4, с. 24, т. X, рис. 2.
- ⁴ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 51—62; *Литвинский Б. А.* Исследования могильников Исфаринского района в 1958 г.— АРТ, 1961, вып. 6 (1958), с. 71, рис. 51.
- ⁵ *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткопа и Ляйляка. Фрунзе, 1962, с. 27, рис. 7.
- ⁶ *Заднепровский Ю. А.* Разведки в раскопки Южнокиргизского отряда Киргваской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.— Тр. АН ТаджССР, 1956, т. 38, с. 121; *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г.— Тр. КАЗЭ, 1960, т. 4, с. 201—202, рис. 32.
- ⁷ *Кабанов С. К.* Археологические находки на Фархадстрое.— Изв. АН УзССР, 1948, № 5, с. 75, 65, рис. 3.
- ⁸ *Ранов В. А., Салтовская Е. Д.* О работах Уратубинского отряда в 1959 г.— АРТ, 1961, вып. 7 (1959), с. 121, рис. 102; *Негматов Н. Н.* Уструшанский компонент среднеазиатской культуры раннего средневековья.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Душанбе, 1977.
- ⁹ *Якубов Ю.* Поселение Гардана-Хисор.— АО 1974 г. М., 1975, с. 548.
- ¹⁰ *Исаков А. И.* Работы Косатарошского отряда.— АО 1975 г. М., 1976, с. 565.
- ¹¹ *Вайнберг Б. В., Левина Л. М.* Поселение Ак-Тобе 2 (I в. н.э.— начало IV в. н.э.).— В кн.: Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 63, рис. 27, 1.
- ¹² *Мерциев М. С.* Городище Ак-Тобе 1 (IV—XIII вв. н.э.).— В кн.: Древности Чардары, с. 125, 126, рис. 6; с. 130, рис. 11.
- ¹³ *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ, 1958, т. II, рис. 114, 5, 9, 10; *Левина Л. М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетыясарской культуре.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- ¹⁴ Находки не опубликованы. О них мне сообщил автор раскопок А. М. Мандельштам, которому, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность. См. отчет А. М. Мандельштама в архиве ЛОИА.
- ¹⁵ *Рапопорт Ю. А.* Находки на городище Шах-Сием в 1952 г.— ТХАЭЭ, 1958, т. II, рис. 6.
- ¹⁶ *Кружаликова И. Т.* Идолы из Дильберджица.— В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 87, рис. 1.
- ¹⁷ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 62.
- ¹⁸ Там же, с. 29, рис. 9.
- ¹⁹ *Литвинский Б. А.* Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г., с. 69, рис. 6.
- ²⁰ *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 26, 27, рис. 7.
- ²¹ *Троицкая А. Л.* Некоторые старинные обычаи и поверья таджиков долины верхнего Зеравшана.— В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии, 1971, с. 241 (Тр. ИЭ АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 47).
- ²² *Троицкая А. Л.* Некоторые старинные обычаи и поверья..., с. 241.
- ²³ *Робертсон Р. С.* Кафиры Гиндукуша (извлечения). Ташкент, 1906.
- ²⁴ *Массон М. Е.* О происхождении неко-

- торых каменных надгробий Южного Туркменистана.— Материалы ЮТАКЭ, 1949, вып. 1.
- ²³ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк..., с. 57.
- ²⁴ Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи и поверья...
- ²⁵ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Каспийский район (Северная Фергана).— В кн.: Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. 1929, т. 1, с. 116.
- ²⁶ Абрамзон С. М. «Туль» как пережиток анимизма у киргизов.— В кн.: «Белес» С. Е. Малову. Фрулае, 1946, с. 56; *Он же*. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 28.
- ²⁷ Абрамзон С. М. «Туль» как пережиток...; *Он же*. Киргизы..., с. 328; *Баялиева Т.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969.
- ²⁸ Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 329.
- ²⁹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832, ч. 3, с. 110; *Поганин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883, вып. 4, с. 699.
- ³⁰ Липский А. Н. Некоторые вопросы таптынской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н.э.—IV в. н.э.).
- ³¹ Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров.— В кн.: Об. музея антропологии и этнографии. Л., 1971, т. 27; *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров.— Там же.
- ³² Катанов Н. Ф. О погребальном обряде у тюркских племен Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до наших дней.— ИОАИЭ, 1894, вып. 2, с. 21.
- ³³ Абрамзон С. М. Киргизы...
- ³⁴ Миллер В. Осетинские этюды, 1881. Ч. 1; 1882. Ч. 2; 1887. Ч. 3.
- ³⁵ Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи и поверья..., с. 241.
- ³⁶ Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 330—331.
- ³⁷ Тигров В. С. Неолит Греции: Первоэтиология и хронология. М., 1969, с. 46, рис. 16.
- ³⁸ Антонова Е. В. Антропоморфная пластика древней Месопотамии: Культура Джармо и Хассуна (конец VII—VI тысячелетие до н.э.).— СА, 1972, № 2; *Она же*. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
- ³⁹ Массон В. М., Сарьяниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 84.
- ⁴⁰ Legrain L. Terracottes from Nippur. Philadelphia, 1930, p. 67.
- ⁴¹ Массон В. М., Сарьяниди В. И. Среднеазиатская терракота..., с. 84.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Гауцарева О., Денике Б. Краткая история искусства Китая. М., 1948.
- ⁴⁴ Кыласов Л. Р. Таптынская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 101 и сл.
- ⁴⁵ Кыласов Л. Р. Таптынская эпоха...
- ⁴⁶ Абрамзон С. М. Киргизы..., с. 331.
- ⁴⁷ Там же, с. 329.
- ⁴⁸ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культуры Согда: (По материалам Пенджикентских храмов).— В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- ⁴⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 2, с. 313.
- ⁵⁰ Там же, с. 275.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Вяткин В. Л. Кандия Малая: Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1903. Вып. 8.
- ⁵³ Наршахи. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Негматов Н. Н. Усрушана в борьбе с арабским нашествием (конец VII—первая половина IX вв.).— Изв. ООН АН ТаджССР, 1954, вып. 5.
- ⁵⁶ Наршахи. История Бухары, с. 30—31.
- ⁵⁷ Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях...; *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 27, рис. 5; *A. Stein.* Innermost Asia, vol. VII. Oxford, 1928, t. 39. Обычай ношения антропоморфных фигурок в качестве амулетов имеет очень древнюю традицию. Миняторные каменные статуэтки с отверстиями для подвешивания найдены на трипольских поселениях.
- ⁵⁸ По мнению А. А. Семеновна, автор жития Мухамед Яваз был успешном шейха Ходжи Исхака и, весьма вероятно, был очевидцем многих событий, которые описываются в житии. См.: *З. Н. Ворожейкина.* Доисламские верования киргизов в XVI в. (по рукописи Зия ал-Кулуб).— В кн.: Вопросы филологии в истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1981.
- ⁵⁹ Ворожейкина З. Н. Доисламские верования киргизов в XVI в. ...
- ⁶⁰ Там же.

- ⁶³ *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 19, 20; *Басилов В. Н.* Культ святых в Исламе. М., 1970.
- ⁶⁴ *Андреев М. С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.— *Изв. ТОРГО*, 1925, т. 17.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Андреев М. С.* Поездка летом 1928 г. ...
- ⁶⁸ *Юдашкин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 452.
- ⁶⁹ *Андреев М. С.* Поездка летом 1928 г. ..., с. 113.
- ⁷⁰ *Наршахи.* История Бухары, с. 30—31.
- ⁷¹ *Юдашкин К. К.* Киргизско-русский словарь; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 312.
- ⁷² *Андреев М. С.* Поездка летом 1928 г. ...
- ⁷³ *Балаыева Т.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов.
- ⁷⁴ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— *Соч.* М., 1982, т. 2, ч. 1, с. 214.
- ⁷⁵ Там же, с. 213.
- ⁷⁶ Там же, с. 214.
- ⁷⁷ *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджиная-тепе. М., 1971, с. 128.
- ⁷⁸ *Андреев М. С.* Некоторые результаты...
- ⁷⁹ *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы.
- ⁸⁰ *Титов В. Н.* Неолит Греции...
- ⁸¹ *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев...
- ⁸² *Антонова Е. В.* Антропоморфная пластика древней Месопотамии, с. 29.
- ⁸³ *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965, с. 101.
- ⁸⁴ *Массон В. М.* О культе жепского божества у анауских племен.— *КСИИМК*, 1959, вып. 73, с. 16.
- ⁸⁵ *Лившиц В. А.* Общество Авесты.— *ИТН*, 1963, т. 1, с. 140.
- ⁸⁶ *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках.— *ЖМНП*, 1909, март, с. 110.
- ⁸⁷ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 81.
- ⁸⁸ *Маковельский А. О.* Авеста. Баку, 1960, с. 121.
- ⁸⁹ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии..., с. 121.
- ⁹⁰ *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований..., с. 120.
- ⁹¹ Там же, с. 120.
- ⁹² *Поярков Ф.* Из области киргизских верований: Этнографическое обозрение. М., 1891, № 4.
- ⁹³ *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований..., с. 111.
- ⁹⁴ *Андреев М. С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции...
- ⁹⁵ *Эсбергенов Х. Е.* К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпков: (На материалах погребальной обрядности); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963, с. 113—114.
- ⁹⁶ *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970, с. 161.
- ⁹⁷ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии..., с. 115.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ *Бирюки Абурейхан.* Памятники минартинских поколений: *Соч.* Ташкент, 1967, т. 1, с. 236.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 255.
- ¹⁰¹ Там же, с. 258.
- ¹⁰² *Наршахи.* История Бухары, с. 33.
- ¹⁰³ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 204; *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии...
- ¹⁰⁴ *Агаджанов С. Г.* Огузские племена Средней Азии (IX—XIII вв.: Историко-этнографический очерк).— В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, вып. 10, с. 182—183.
- ¹⁰⁵ *Радлов В. В., Мелиоранский Г. М.* Древнетюркские памятники в Кашо-Цайдаме. СПб., 1897.
- ¹⁰⁶ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1, с. 230.
- ¹⁰⁷ *Кыласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 31.
- ¹⁰⁸ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1, с. 230.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 279.
- ¹¹⁰ *Кыласов Л. Р.* Таштыкские каменные изваяния с изобразением людей.— *КСИА*, 1955, вып. 60, с. 142.
- ¹¹¹ *Георгиевский С.* Принципы жизни Китая. СПб., 1888; *Бичурин Н. Я.* Китай в гражданском и нравственном отношении. СПб., 1848, ч. 4.
- ¹¹² *Георгиевский С.* Принципы жизни Китая.
- ¹¹³ Там же, с. 71.
- ¹¹⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 2, с. 315.
- ¹¹⁵ Там же, т. 1, с. 281.
- ¹¹⁶ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии..., с. 112—113.
- ¹¹⁷ *Большаков О. Г., Незмагов Я. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.— *Тр. ТАЗ*, 1958, т. 3, № 66, с. 171, 191—192.
- ¹¹⁸ Вполне вероятно, что в массу, из которой изготовлялось изображение, подмешивали пепел сожженного умерше-

- го. Так, во всяком случае, постунали урэнхайцы. См.: Катанов Н. Ф. О погребальном обряде...
- ¹¹⁸ Мандельштам А. М. Средняя Азия в VI—VII вв. н. э.— ИТН. М., 1964, т. 2, с. 86—87.
- ¹¹⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 272—273.
- ¹²⁰ Филанович М. И. Раннесредневековые памятники на территории Ташкента.— В кн.: Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с. 135—136; Она же. Археологические исследования Ташкента в 1971 г. Пленум ИА АН СССР: Тез. докл. М., 1972, с. 289.
- ¹²¹ Рапопорт Ю. А. Об изображении на Бартыском блюде, найденном в 1951 г.— СА, 1962, № 2, с. 50; Он же. Из истории религии..., с. 113—114.
- ¹²² Рапопорт Ю. А. Из истории религии..., с. 114.
- ¹²³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948, с. 186.
- ¹²⁴ Пугаченко Г. А. Пути развития архитектуры Туркменистана поры рабовладения к феодализму. М., 1958, с. 92—93.
- ¹²⁵ Пугаченко Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 215.
- ¹²⁶ Назматов Н. Н., Соколовский В. М. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшипов Уструшаны.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977, с. 152—153.
- ¹²⁷ Саркисян Г. Х. Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении.— ВДИ, 1966, № 2.
- ¹²⁸ Перизанян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране.— ВДИ, 1968, № 3, с. 35.
- ¹²⁹ Располова В. П. Типы строений и социальная дифференциация горожан Пенджикента.— В кн.: Древний город Средней Азии. Л., 1973; Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.
- ¹³⁰ Пугаченко Г. А. Культура бактрийских городов в свете исследований в Южном Узбекистане: (Доклад, прочитанный на пленуме ИА АН СССР 27 апреля 1972 г.); Пугаченко Г. А. Бактрийский жилой дом: (К вопросу об архитектурной типологии).— В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 39.
- ¹³¹ Белецкий А. М., Маршак В. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- ¹³² Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции.— ИООН АН ТаджССР, 1958, вып. 10/11.
- ¹³³ Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции...
- ¹³⁴ Сузарева О. А. К вопросу о генеалогии профессиональных культов у таджиков и узбеков.— Тр. АН ТаджССР, 1960, т. 120, с. 196; Басилов В. Н. Культ святых в исламе.
- ¹³⁵ Сузарева О. А. К вопросу о генеалогии профессиональных культов..., с. 200.
- ¹³⁶ Сивасарев Г. Н. Реликты домусульманских верований..., с. 121.
- ¹³⁷ Сузарева О. А. К вопросу о генеалогии профессиональных культов..., с. 198.
- ¹³⁸ Там же; Толстов С. П. Среднеазиатский религиозный синкретизм.— В кн.: Религия народов СССР. М., 1931, т. 1.
- ¹³⁹ Лещерова Е. М. Гонимое производство у горных таджиков. Ташкент, 1929; Толстов С. П. Среднеазиатский религиозный синкретизм.
- ¹⁴⁰ Зарубин Н. И. Сказание о первом кузнце в Шугиане.— Изв. АН СССР. Сер. 6, 1928, № 9, с. 1165—1167.
- ¹⁴¹ Рапопорт Ю. А. Из истории религии...
- ¹⁴² Рапопорт Ю. А. Об изображении на Бартыском блюде..., с. 53; Он же. Из истории религии...
- ¹⁴³ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970, с. 62.
- ¹⁴⁴ Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции, с. 79.
- ¹⁴⁵ Толстов С. П. Среднеазиатский религиозный синкретизм..., с. 261; Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба.
- ¹⁴⁶ Массон В. М., Сарияниди В. Н. Среднеазиатские терракоты; Левина А. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетысарской культуре, с. 177.
- ¹⁴⁷ Левина А. М. Керамика с Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971.

Некоторые вопросы этнической истории Ферганы

Этнической истории Ферганы посвящены специальные статьи Ю. А. Заднепровского¹ и Б. А. Литвинского². К этой проблеме неоднократно обращался во многих своих работах А. Н. Бернштам³. Антропологический материал, количество которого за последние годы значительно возросло благодаря раскопкам могильников, стал предметом исследований В. В. Гинзбурга, Т. П. Кияткиной, В. Я. Зезенковой. К нему обращались Г. Ф. Дебед, Н. Н. Миклашевская, И. В. Перевозчиков, Т. Ходжайов.

В силу своего географического положения Фергана была важным узлом этногенетических процессов. Через нее с древнейших времен пролегли торговые караванные пути. Она была важнейшим транзитом в международной торговле между Западом и Востоком. Через Фергану неоднократно прокатывались разноэтнические и разноязычные волны завоевателей. Все это не могло не отразиться на сложении культуры области и не сказаться на сложности протекавших здесь этногенетических процессов.

Изучение этнической истории Ферганы сопряжено с большими трудностями. Они обусловлены прежде всего слабостью источниковедческой базы. Письменные источники весьма скупо, но очень выразительно характеризуют население Ферганы и сопредельных стран. Так, в китайских хрониках только трижды говорится об облике среднеазиатских народов.

Чжан Цянь в конце II в. до н. э. писал: «От Давани на западе до Аньси хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходятся и в разговорах понимают друг друга. Жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды...»⁴ Хроника Цяньхяньшу почти дословно повторяет характеристику среднеазиатских народов⁵. Из хроники Цяньшу (История Цзяньской династии) также следует, что жители Давани — Ферганы «с глубокими глазами, многие (носят) бороду»⁶.

Таким образом, китайские хроники свидетельствуют об европеоидности древних ферганцев. Глубокие глаза и густые бороды, не свойственные монголоидам Центральной Азии, характеризуют европеоидное население.

Антропологические материалы также свидетельствуют о принадлежности ферганского населения к европеоидной расе. Однако большие хронологические лакуны, имеющиеся в этих материалах, не позволяют раскрыть достаточно полно динамику этногенетических процессов, протекавших в области. Наибольшее количество антропологических материалов происходит в настоящее время из могильников первой половины I тысячелетия н. э. Но из-за неравномерной изученности этой обширной области мы не располагаем материалом, который помог бы провести сопо-

ставление синхронных антропологических групп из различных районов и выявить особенности каждой из них.

Сейчас можно наметить четыре этапа в формировании антропологического типа населения древней и раннесредневековой Ферганы.

I этап — конец II тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия до н. э.: антропологический материал незначительный, он представлен черепами из поселений Чуст, Дальверзин и из могильника Вуадиль. Земледельческое население в основном принадлежало к восточносредиземноморскому типу европеоидной расы. Но в результате перемещения кочевых племен из северных степных районов на юг начал распространяться андроновский тип европеоидной расы⁷. Видимо, в этот период уже начинается метисация этих двух типов, что прослеживается на одном черепе из Дальверзина и черепа из Вуадильского могильника⁸.

II этап — середина I тысячелетия до н. э. — конец I тысячелетия н. э. На основании анализа материалов из Актамского могильника В. В. Гинзбург пришел к заключению, что население Ферганы этого периода принадлежало к мезобрахикранному типу европеоидной расы. В Актамской серии есть и долихокранные черепа⁹. В середине I тысячелетия до н. э., по словам В. В. Гинзбурга, «в Фергане уже был хорошо выражен тип среднеазиатского междуречья»¹⁰, характеризующийся брахикранией и сложившийся в результате брахикефализации местного долихокранного населения, принадлежащего к средиземноморской расе, грацилизации европеоидного андроновского типа и последующего их смешения¹¹. Формирование типа среднеазиатского междуречья еще не закончилось. Население в Фергане было смешанным и принадлежало к разным типам европеоидной расы. Об этом свидетельствует присутствие в одной синхронной группе (в частности, актамской) как мезобрахикранных, так и долихокранных черепов¹². Такая смешанность населения отмечается в Фергане и в более позднее время.

III этап — самый конец I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия до н. э. (до подчинения Ферганы Западнотюркскому каганату). Население Ферганы, по заключению антропологов, в этот период принадлежало к «европеоидному типу Среднеазиатского междуречья в его более древнем варианте». Строение черепа мезобрахикранное, в некоторых случаях прослеживается монголоидная примесь.

IV этап — с начала VII в. Фергана входит в состав Западнотюркского каганата. В нее переселяется значительное количество тюрков. Начинается интенсивная монголизация местного европеоидного типа.

Материал, который явился предметом для изучения антропогенеза в Фергане в первой половине I тысячелетия н. э., происходит из захоронений, открытых в различных районах области. Наиболее полно изученными являются могильники в Западной Фергане и в юго-западных и южных ее предгорьях, где открыты захоронения в грунтовых могиллах, подбоях, катакомбах и в наземных сооружениях муглонов¹³. Важны также материалы из Тянь-Шаия и Алайской долины, областей, находившихся в тесном хозяйственном и культурном общении с Ферганой¹⁴. Антропологические материалы из этих районов изучали В. В. Гинзбург¹⁵, В. Я. Зеленкова¹⁶, Т. П. Княткина¹⁷, Н. Н. Миклашевская¹⁸, И. В. Перевозчиков¹⁹. В связи с проблемой происхождения узбекского и киргизского народов к этим ма-

терналам неоднократно обращались Л. В. Ошанин²⁰, Г. Ф. Дебец²¹, Т. П. Кияткина. Последняя, исследовавшая большую серию черепов из исфаринских могильников, отмечает, что население, оставившее эти могильники, принадлежало к двум типам европеоидной расы — мезокранному и брахикранному, причем, мужчины принадлежали к первому типу, женщины — ко второму. Два черепа из могильника Калантархона отличаются от остальных по морфологическим признакам. Они очень массивны, долихокранны и принадлежат к протосредиземноморской расе²².

На исфаринских черепах отмечена кольцевая и конусовидная деформация. Сопоставление исфаринских черепов с черепами из других памятников первой половины I тысячелетия н. э. привело Т. П. Кияткину к заключению о том, что исфаринская серия отличается от синхронных серий из других памятников большей европеоидностью. В ней, как полагает исследовательница, нет явной монголоидной примеси. Т. П. Кияткина приходит к совершенно правильному заключению о том, что нельзя устанавливать связь между типом погребения (подбой или катакомба) и антропологическим типом²³. В погребениях одного и того же типа могли быть захоронены представители разных этнических групп, в то же самое время в погребениях разных типов хоронили людей одной и той же этнической группы. Этот интересный и очень важный момент, отмеченный Т. П. Кияткиной в материалах из Исфаринских могильников, хорошо прослеживается и в других районах Ферганы.

Череп, исследованный Т. П. Кияткиной, происходит из обширных могильников, насчитывающих до 100 и более курганов. Такие могильники могли существовать довольно долго — до 200—300 лет. За это время происходила эволюция культуры, изменялся погребальный обряд. Вполне вероятно, могло происходить и изменение антропологического типа.

Автор раскопок, Б. А. Литвинский, датировал исфаринские курганы широко: от I по VII в. н. э., но при этом он определяет возможные хронологические рамки каждого из могильников.

Б. А. Литвинский полагает, что могильник Калантархона, откуда происходят черепа протосредиземноморской расы, — один из самых ранних среди могильников Исфаринской долины. Наиболее ранние погребения в этом могильнике датируются I—II вв. н. э., но основная масса — II—IV вв. н. э.²⁴

Очень важны черепа из могильников Кара-Мойнок, на правом берегу р. Кара-Мойнок, и Кайрагач, в долине р. Ходжа-Бакырган²⁵. Из первого могильника, где открыты захоронения в подбое, происходят два черепа, обнаруженные в одном и том же кургане (№ 3). Оба погребенных принадлежали к разным типам европеоидной расы, мужской череп — к средиземноморскому типу, женский — к переходному от средиземноморского типа к типу среднеазиатского междуречья²⁶.

В Кайрагаче в настоящее время открыто 54 кургана с захоронениями в катакомбах (10 — в 1958 г. Ю. А. Заднепровским, 44 — в 1977—1980 — мною)²⁷. В. В. Гинабург, изучивший один череп из кургана 9, открытого Ю. А. Заднепровским, пришел к заключению, что погребенный в этом кургане принадлежал к европеоидной расе (тип переходный от андроновского к типу среднеазиатского междуречья)²⁸.

Три черепа из катакомб, раскопанных в 1977 г., также принадлежат

к европеоидной расе²⁹. Череп из кургана 8 принадлежал мужчине зрелого возраста. Он имеет признаки, характерные для черепов представитель расы среднеазиатского междуречья, но в то же время он отличается очень большим продольным диаметром и средним поперечным диаметром. Эти признаки свидетельствуют о его долихокрании, характерной для черепов средиземноморской расы. Значит, череп из кургана 8 может быть охарактеризован как переходный от средиземноморского к типу среднеазиатского междуречья, поскольку он сочетает в себе признаки обоих типов.

Череп из кургана 7 принадлежал женщине зрелого возраста. Лицевая часть неширокая, среднепрофилированная в горизонтальной плоскости, с нерезко выступающим носом, высоким переносьем и низкими орбитами. Эти важные диагностические признаки позволяют отнести череп из кургана 7 к типу среднеазиатского междуречья.

Череп из кургана 2 принадлежал женщине в возрасте 17—25 лет. Он брахикранной формы с покатым лбом и сглаженным надпереносьем и надбровными дугами. По основным диагностическим признакам череп относится к типу среднеазиатского междуречья.

В западной части Ферганской долины, в районе Беговата, в 1943 г. В. Ф. Гайдукевичем был раскопан Ширинсайский могильник. В нем открыты захоронения в подбоях и катакомбах, датируемые II—IV вв. н. э.³⁰ Исследовавший антропологический материал из Ширинсая М. М. Герасимов отмечал чрезвычайно смешанный состав погребенных. По его заключению, здесь захоронены представители европеоидного и урало-алтайского типов, а на одном черепе прослеживаются элементы европеоидного и дравидоидного признаков. Тип среднеазиатского междуречья, как полагал М. М. Герасимов, в Ширинсаяе отсутствовал³¹. Т. П. Кияткина, проанализировавшая черепа из Ширинсая, пришла к совершенно иному заключению: она считает, что ширинсайская серия может быть отнесена к переходному типу от андронского и средиземноморского к типу среднеазиатского междуречья со следами монголоидной примеси³².

Об антропологическом типе уструшапцев, помимо Ширинсая, можно будет судить и по материалам Куркятских склепов, открытых в Северном Таджикистане и датированных III—VIII вв. н. э. В двух склепах обнаружены останки более чем 400 человек. Предварительный анализ антропологического материала привел Т. П. Кияткину к заключению о расовой и этнической разнородности погребенных. В серии — большое количество деформированных черепов³³.

В раннесредневековый период, т. е. в VII—VIII вв., городское население Уструшаны, судя по находкам в замке Калаи Кахкаха II в Шахристане, было европеоидным и принадлежало к типу среднеазиатского междуречья «в его чистом виде, не смешанным с другими антропологическими типами»³⁴.

Из Северной Ферганы происходят черепа, обнаруженные в катакомбных захоронениях могильника Гурмирон и мугхона в Богджеае.

Все восемь черепов из Гурмирона принадлежат к европеоидной расе и представляют переходные формы от андронского типа к типу среднеазиатского междуречья. Один череп принадлежал к средиземноморскому типу. На трех черепах отмечена прижизненная деформация двух типов:

лобно-затылочная круговая (курган 7) и теменно-затылочная (курган 22). В. В. Гинабург полагал, что могильник принадлежал местному ферганскому населению.

В. Я. Зезенкова, изучившая два черепа из мугхона в Бодждае, относит их к европеоидному типу среднеазиатского междуречья и сопоставляет с черепами из Гурмирона³⁵.

Раскопки последних лет, проводившиеся в Юго-Восточной и Северной Ферганае, существенно пополнили антропологические материалы. Изучавший их Т. К. Ходжайов отмечает, что население Ферганы принадлежало в основном к мезобрахикранному типу среднеазиатского междуречья. На юге и западе долины встречаются отдельные представители долихокранного средиземноморского типа, а у жителей Юго-Восточной Ферганы, как полагает Т. К. Ходжайов, отмечена незначительная монголоидная примесь. В Северной Ферганае она более существенна. В антропологическом материале явно прослеживается связь населения этого района с населением районов Ташкента и Тянь-Шаня³⁶.

Для этногенетических процессов в Ферганае большое значение имели контакты ферганцев с населением Тянь-Шаня и Алая. В. В. Гинзбург, исследовавший черепа из захоронений I—IV вв. в Тянь-Шане и Алае, пришел к заключению, что основой антропологического типа населения этих областей является европеоидный расовый тип. В нем присутствуют переходные черты от андроновского типа к типу среднеазиатского междуречья. Кроме того, в обеих областях отмечаются также черты средиземноморского типа. На усуньских черепах Тянь-Шаня и Алая прослеживается монголоидная примесь, причем в женских черепах она выражена ярче, чем в мужских.

Антропологи полагают, что усунь Тянь-Шаня и Алая мало отличаются от усуней Семиречья, но у последних монголоидная примесь выражена более четко, чем у усуней Тянь-Шаня. Антропологический тип семиреченских усуней сложился не позже III в. до н. э. Основу его составляет андроновский тип европеоидной расы с небольшой монголоидной примесью. История усуней охватывает значительный отрезок времени — почти целое тысячелетие. Сравнительный анализ черепов, относившихся к различным периодам, привел О. Исмагулова к заключению о том, что антропологический тип семиреченских усуней на протяжении всего этого времени не претерпел существенных изменений³⁷.

Палеоантропологические материалы из разных районов Ферганы свидетельствуют о том, что в I тысячелетии н. э. население этой области было смешанным. Б. А. Литвинский считает, что можно говорить о четырех расовых типах, существовавших в Ферганае: 1) мезобрахикранное население, принадлежавшее к типу среднеазиатского междуречья; 2) долихокранные европеоиды — средиземноморский тип, этот тип иногда смешивался с предыдущим; 3) оба европеоидных типа с признаками монголоидности; 4) одиночные представители других антропологических типов³⁸.

Судя по данным палеоантропологии, среди ферганского населения в раннее средневековье, как и в предшествующий период, преобладали представители первого типа. Второй и третий типы составляли весьма незначительную часть населения (от 5 до 10% каждый).

Проникновение центральноазиатских монголоидных элементов в Среднюю Азию и Казахстан начинается еще в середине I тысячелетия до н. э. Череп с монголоидной примесью обнаружены в сакских могильниках Приаралья и Восточного Казахстана. Т. А. Трофимова отмечает значительную монголоидную примесь у приаральских саков, погребенных в могильниках Уйгарак и Тагискен. По ее мнению, население Приаралья в сакское время представляло собой смешанную популяцию, состоящую из европеоидного андроновского типа и значительной примеси монголоидных форм центральноазиатского происхождения³⁹. А. Н. Бернштам также полагал, что центрально-азиатские племена оказывали влияние на этнические процессы в Средней Азии с середины I тысячелетия до н. э.⁴⁰ По заключению антропологов, смешение европеоидного населения с монголоидами в сакское время носило механический, а не генетический характер⁴¹.

В 1938—1939 гг. А. Н. Бернштам открыл в Кенкольском могильнике в Таласе захоронения в катакомбах, в которых были погребены люди с деформированными черепами и хорошо выраженными монголоидными признаками⁴². Анализ вещественного материала (деревянный гроб, ткани, деревянная посуда) и сопоставление его с аналогичными вещами гунвских захоронений в Монголии привели А. Н. Бернштама к заключению о том, что могильник оставлен пришлым монголоидным народом, которому был свойствен обычай деформировать головы и который хоронил своих покойников в катакомбах. Таким народом, по мнению А. Н. Бернштама, могли быть гунны. Вместе с тем А. Н. Бернштам отмечал, что в материальной культуре населения, оставившего могильник, наряду с чуждыми элементами явно видны «следы ассимиляции с культурными явлениями среднеазиатского происхождения»⁴³, что свидетельствует о смешении пришлого населения с местным.

Кенкольский могильник стал своего рода эталоном. Со времени его открытия все среднеазиатские захоронения в подбоях и катакомбах безусловно связывались с гуннами, которые якобы принесли в Среднюю Азию новый тип погребальных сооружений и обычай искусственной деформации черепов.

По мнению исследователей, расовый тип захороненных в Кенкольском могильнике характеризуется ослабленной монголоидностью и стоит обособленно. Он не подходит ни к центральноазиатскому, ни к южносибирскому типам. Наиболее близок он к уйгурскому типу Восточного Туркестана⁴⁴.

Г. Ф. Дебед считал, что антропологический материал из Кенкола не подтверждает и не отрицает гуннской принадлежности населения, оставившего могильник, поскольку нет еще достоверных данных о расовом типе самих гуннов⁴⁵. Он полагал, однако, что кенкольцы не более монголоидны, чем усунь Семиречья, которые уже на ранних этапах своей истории представляли собой сложившийся этнический тип, сочетавший в основном европеоидные признаки с незначительной монголоидной примесью.

И. Н. Миклашевская, использовавшая новые материалы из Кенкола и сопоставившая их с уже известными, пришла к заключению, что население, оставившее Кенкольский могильник, относилось к европеоидному типу с монголоидными признаками. Усунь и кенкольцы, как полагает И. Н. Миклашевская, были близки в расовом отношении, по у последних

монголоидные особенности выражены сильнее⁴⁸. Население Галаса было близко в антропологическом отношении к населению Тянь-Шаня и Алая⁴⁹.

Такие авторитетные ученые, как В. В. Гинабург и И. В. Перевозчиков, полагают, что этнический тип народа, оставившего Кепкольский могильник, сложился задолго до прихода его в Среднюю Азию. Для образования устойчивого метисированного типа, в котором европеидные черты все-таки преобладают, нужно длительное время и длительные контакты между европеидным и монголоидным населением. Приобрести европеидные признаки при движении на запад гунны не могли, так как те 150 лет, которые длился их поход из Центральной Азии к границам Средней Азии, — слишком короткий срок для сложения устойчивого метисированного типа. Не мог этот тип сложиться и при смешении гуннов с местным европеидным населением, так как для сложения метисированного типа, в котором преобладают европеидные черты, не было времени⁴⁸.

И. В. Перевозчиков совершенно справедливо полагает, что широкое распространение населения кенкольского типа, его единообразие в антропологическом отношении и равномерная монголоидная примесь не могут быть объяснены случайным проникновением отдельных монголоидов⁴⁸. Речь может идти о массовых переселениях. В свое время Е. В. Жиров и В. В. Гинзбург, ссылаясь на Бартуца, отмечали отличие антропологического типа гуннов, пришедших в Западную Европу, от тех монголизированных народов, которые стали известны благодаря раскопкам подбойно-катакомбных захоронений⁵⁰. Первые имели ярко выраженные монголоидные черты и принадлежали к тому типу, который сохранился у тунгусов Прибайкалья, видимо, являющихся потомками древнего монголоидного населения.

Антропологический тип «кенкольцев», явно отличающийся от типа, к которому принадлежали гунны, «свои первоначальные и наиболее важные этапы этногенеза прошел в районе, где с I тысячелетия н. э. протекал процесс смешения европеоидов и монголоидов»⁵¹. Таким районом, как полагает И. В. Перевозчиков, мог быть Восточный Туркестан, где европеоидное население, близкое по типу к населению среднеазиатского междуречья, жило в близком соседстве с монголоидным населением. Таким народом могли быть юэчжи, расселившиеся в Восточном Туркестане вплоть до провинции Ганьсу. Именно здесь европеиды-юэчжи могли приобрести монголоидные черты. Здесь они жили в непосредственном соседстве с хунну. Последние неоднократно предпринимали походы против юэчжи и наносили им сокрушительные удары. Одно из поражений юэчжи завершилось их уходом на запад. Это произошло в середине II в. до н. э.

Источники довольно подробно освещают большие перемещения кочевых племен, происходивших в евразийских степях. В китайских хрониках так пишется о передвижении юэчжи: «Первоначально Большой юэчжи находился между (хребтом) Цилянь и (городом) Дуньхуаном, и, будучи разбитым сюнну, переселился на запад, затем подчинился (государству) Дася и учредил стоянку на реке Гуй в качестве ставка»⁵².

«Большие юэчжи поселились на землях царя Сэ (сакского). Потом Усуньский Гувьмо напал и разбил Большие юэчжи. Большие юэчжи переселились на запад и подчинили Дася. И усуньский Гувьмо поселился там (то есть где жили ранее Большие юэчжи — на землях царя Сэ). По-

этому усуньский народ имел сакскую примесь, а также примесь Больших юэчжи»⁵³.

«Когда (юэчжи) были разбиты сюнну, то далеко ушли, прошли на запад от Давань, напали на Дахя и подчинили эту область». «Итак, юэчжи удалился на запад, перешел через Давань, напал на Дахя»⁵⁴.

Для нас в этих сообщениях важны два момента. Первый. Большие юэчжи жили на сакских землях и усунни имели сакскую примесь и примесь юэчжи. И второй. Большие юэчжи в своем движении на запад прошли через Фергану. Вполне вероятно, что какая-то часть юэчжи осела в Фергане. Становится понятным источник монголоидной примеси у населения Ферганы, Семиречья и Таласа. Европейские юэчжи получали монголоидные элементы в степях Восточного Туркестана, где они соседствовали с монголоидными хунну. Придя в Среднюю Азию и растворившись в родственном в расовом отношении населении, юэчжи могли в значительной степени утратить монголоидную примесь. И. В. Перевозчиков полагает, что та незначительная монголоидная примесь, которой обладали юэчжи, могла исчезнуть в многочисленном массиве европейского населения и сохранилась только в изолированных горных районах Тянь-Шаня и Алая⁵⁵. Все это хорошо подтверждается палеоантропологическими данными, которые приведены мною выше.

С конца I тысячелетия до н. э. в Средней Азии наряду с грунтовыми широко распространяются захоронения в подбоях и катакомбах. Это дало повод для суждения о том, что распространение новых типов захоронений связано с притоком большого количества иноэтнического населения, в частности гуппов. Так ли это? И так ли безусловна связь между типом захоронения и этническим типом погребенных?

Исследования показали, что захоронения в подбоях и катакомбах преобладают в Западной Фергане, в то же время монголоидность населения уменьшается с востока на запад.

Уже отмечалось, что нельзя проводить прямую связь между типом захоронения и расовым типом погребенного. В самом деле, в могильнике Курган в Алайской долине, в грунтовой яме, был погребен мужчина, принадлежащий к южносибирскому типу. В другом кургане этого могильника (19) в подбое погребена женщина европейского типа.

Сопоставление всех данных по палеоантропологии не дает основания говорить о том, что население Ферганы в I тысячелетии н. э. сильно отличалось от населения предшествующего периода. Поэтому нельзя утверждать, что племена, «оставившие подбойные и катакомбные захоронения, принадлежали к особой этнической группе»⁵⁶.

С первых веков н. э. в Средней Азии начинает распространяться обычай искусственной прижизненной деформации головы. Поскольку распространение этого обычая совпало по времени с широким распространением захоронений в подбоях и катакомбах, его также считали принесенным в Среднюю Азию гуннами.

Один из первых исследователей деформированных черепов, Е. В. Жиров, писал, что «наличней материал свидетельствует о продвижении этого обычая с востока на запад»⁵⁷. Точку зрения этого автора разделяют также В. В. Гинзбург и Т. К. Ходжайов⁵⁸.

В докладе, прочитанном на конференции по античной культуре Сред-

ней Азии в Самарканде в 1979 г., Т. К. Ходжайов, отмечая ранние находки деформированных черепов из разных районов Средней Азии, высказал предположение о том, что, может быть, можно связывать происхождение этого обычая со Средней Азией⁵⁹. Но в вышедшей недавно книге Т. К. Ходжайов возвращается к своей старой точке зрения о том, что «обычай преднамеренной деформации головы восточного, а не местного, среднеазиатского, происхождения»⁶⁰.

В настоящее время накоплен значительный антропологический материал, который не позволяет, на мой взгляд, устанавливать прямую связь между большими перемещениями народов (с востока на запад) и распространением обычая искусственной деформации.

Обычай деформировать головы имеет в Средней Азии давнюю традицию. Деформированные черепа обнаружены в Мерве (V—IV вв. до н. э.), Чирикрате (IV—III вв. до н. э.)⁶¹, в сакских могильниках Казахстана. В Фергане деформированный череп обнаружен в кургане 38 Актамского могильника. Он принадлежал женщине, черепная коробка которой имеет копусовидную форму. Череп из Актама является одной из самых древних находок деформированных черепов в Средней Азии⁶². Он датируется серединой I тысячелетия до н. э.

Количество находок деформированных черепов, относящихся к последующему периоду, значительно возрастает. Однако все же нельзя говорить о том, что этот обычай распространяется широко и повсеместно. Выделяются отдельные компактные группы населения, у которых деформация черепов практиковалась широко, к примеру, Хорезм и его северная периферия. Здесь деформация черепов в первой половине I тысячелетия распространяется широко и имеет длительную традицию. Она отмечена в краниологическом материале и в памятниках изобразительного искусства⁶³.

В Фергане же, судя по антропологическим находкам, этот обычай не был массовым. Так, в Гурмиронском могильнике было три деформированных черепа⁶⁴, в Восточной Фергане и Алае — по одному черепу в каждом могильнике. Т. П. Кияткина отмечает, что население, похороненное в Исфаринских могильниках, подвергалось искусственной деформации, но, к сожалению, не указывает, какое количество черепов из 40, ею изученных, было деформировано⁶⁵.

Черепы из Кайрагачского могильника не были деформированы. Но из усадьбы, открытой мною в Кайрагаче, происходят находки, которые позволяют судить о том, что населению Западной Ферганы был известен этот обычай, и оно его практиковало.

Мне уже приходилось отмечать находки в кайрагачском комплексе скульптур, являвшихся олицетворением почитаемых предков. Поскольку скульптуры связаны с культом предков, они олицетворяют совершенно конкретных людей и при большом сходстве каждой из скульптур со всеми остальными каждая из них имеет свои индивидуальные, лишь ей присущие черты. Скульптор, создававший фигуры, стремился к передаче этнического типа и портретного сходства каждой скульптуры с ее прототипом. Видимо, скульптуры из Кайрагача довольно точно передавали физический тип населения Западной Ферганы.

Все фигуры подчинены определенному канону. У всех статуй непомерно большие по сравнению с торсами головы со скошенными лбами, что,

видимо, свидетельствует о том, что прототипам этих изображений была свойственна деформация черепов. Все скульптуры имеют удлинённые миндалевидные глаза и длинные, сильно выступающие с горбинкой носы. Это даёт возможность судить о том, что скульптуры передают облик людей, принадлежавших к европеоидной расе. Но в строении лица скульптур есть некоторые различия, что свидетельствует о принадлежности их к двум различным типам европеоидной расы. Пять скульптур изображают широколицых людей, принадлежавших, видимо, к типу среднеазиатского междуречья (рис. 61, 1, 4, 5, 9). Семь других скульптур передают облик узколицых и длинноголовых людей средиземноморского типа (рис. 61, 3, 7, 8, 10, 11).

Из Кайрагача происходит ещё одна находка, которая также позволяет судить об облике населения района.

На полу в одном из помещений усадьбы найден кувшин с носиком. На его тулове изображено лицо человека. Изображение выполнено острым предметом по сырой глине. На сосуде изображён мужчина с крупными чертами лица. У него большой, сильно выступающий с горбинкой нос, массивный, тяжёлый, выступающий вперед подбородок, большой рот, растянутый в улыбке, глаз большой, миндалевидной формы. Лоб сильно скошен, из-за чего теменная часть черепа имеет почти конусовидную форму. На голове — шлемовидный головной убор. Мне представляется, что мастеру, оставившему изображение на сосуде, был известен канон, которому подчинены изображения на монетах: изображение головы правителя строго в профиль и поворот головы направо. Но на сосуде изображён какой-то реальный человек, а не царская особа, срисованная с монеты. Изображение на сосуде, как и скульптуре, передаёт облик человека европеоидной расы с кольцевой деформацией черепа (рис. 64; 65).

Та информация, которую дают антропоморфные изображения об этническом типе населения, очень хорошо согласуется с заключениями антропологов о черепях из Кайрагача. В Кайрагачском могильнике погребены представители двух типов европеоидной расы — средиземноморского и типа среднеазиатского междуречья. Фигуры, найденные в святилище, совершенно отчетливо передают облик представителей этих двух типов.

В святилище вместе со скульптурами найдена одна монета. На ее аверсе — изображение головы правителя, повернутое вправо. По заключению специалистов, монета принадлежит чачскому чекану. Изображение сильно стёрто, но все же даёт возможность предположить, что на монете изображён человек с деформированной головой (см. рис. 60).

Памятники изобразительного искусства неоднократно становились источником для суждения об этнической принадлежности оставившего их населения. А. М. Мандельштам, занимавшийся проблемой сложения таджикской народности, писал в свое время, что при выявлении отдельных этнических компонентов, принимавших участие в формировании таджикской народности, существенную роль могут играть терракоты, передающие антропологический тип населения. Хорошо датированные предметы позволяют проследить появление определенных антропологических типов. А. М. Мандельштам выделяет четыре разряда терракот, каждый из которых относится к определенному историческому этапу⁶⁶.

А. М. Беленицкий полагает, что настенная живопись Пенджикента бла-

годаря реалистическому характеру является источником для суждения об этническом составе населения. Он считает, что в росписях присутствуют представители трех этнических групп — согдийской, тюркской и кушано-эфталитской⁶⁷. Именно к этому, третьему типу принадлежали представители согдийской династии. Принадлежность согдийских правителей к кушано-эфталитскому этническому типу подтверждается письменными источниками, которые свидетельствуют о том, что согдийская династия ведет свое происхождение от юзджей-кушан и эфталитов⁶⁸. На связь с последними указывает и форма крылатой короны на голове правителя, изображенного на сцене торжественного приема (Пенджикент, объект VI, здание III, северная стена)⁶⁹.

Блестящий материал для суждения об антропологическом типе в этнической принадлежности дает живопись Афрасиаба. По мнению ее исследователя Л. И. Альбаума, среди персонажей, изображенных на стенах здания, четко выделяются представители двух антропологических типов: европеоидного и монголоидного⁷⁰.

На северной стене парадного зала среди изображений послов, приносящих дары самаркандскому правителю, есть группа, включающая людей с красными и белыми лицами. В. А. Лившиц высказал предположение о том,

Рис. 64. Сосуд с изображением лица человека

Рис. 65. Изображение лица человека

что здесь изображены «красные» и «белые» хионы. Последние известны по письменным источникам как белые гунны, или афталиты.

В V в. н. э. афталиты, объединившие под своей властью обширные территории в Средней Азии, Афганистане и Индии, сыграли огромную роль в истории этих областей.

Китайские авторы считали афталитов племенами, родственными юэчжам: «Дом Идань есть отрасль Большого юэчжи» или «Идань есть отрасль Большого юэчжи»⁷¹.

Известны сообщения и об этническом типе афталитов. Прокопий Кессарийский, в частности, писал: «Хотя афталиты — народ хуннского племени, но они не смешаны с известными там хуннами, из всех хуннов они не безобразны лицом и белы телом»⁷².

Афталитам была известна деформация черепов. «Иданьцам мужского пола также сдавливают голову, чтобы сделать ее плоской»⁷³.

Более поздние арабские авторы свидетельствовали о широком распространении афталитов в Мавераннахре. Арабы называли афталитов хайталами. Мукадасс именует эту область Хайтальской стороной. Якут конкретизировал сообщение Мукадасса. Он писал: «Хайтал — название области Мавераннахра, а это Бухара, Самарканд, Ходжент и (то), что между ними».

С. П. Толстов полагал, что дельты Сырдарьи и Амударьи были центром варварского государства хионитов-афталитов, сложившегося на древнем сакском субстрате. Он отмечал, что в антропологическом типе афталитов отмечается сильная монголоидная примесь. С. П. Толстов дал целому ряду памятников этническую атрибуцию, связав их с афталитами. Он считал, что афталитами были оставлены захоронения в Кангакале и Куня-Уазе. В черепах захороненных прослеживается и деформация, близкая к типу, представленному на афталитских монетах⁷⁴.

Т. А. Трофимова, исследовавшая антропологический материал из Хорезма и сопредельных областей, также отмечала сходство в типе деформации черепов из указанных памятников и деформации, известной по изображениям правителей на афталитских монетах⁷⁵.

А. И. Бернштам считал, что в этногенезе афталитов значительное место принадлежало центральноазиатским элементам. Он писал: «Скрещенье центральноазиатских элементов с местными сакскими на почве Припамирья дало афталитскую среду». Скрещенье «гуннов с массагето-аланской средой Яксарта также породило племя „белых гуннов“ как разновидность афталитов»⁷⁶.

В источниках нет прямых указаний на связь афталитов с Ферганой. Но сопоставление ряда косвенных данных дает возможность предположить, что какая-то часть афталитских племен жила в Фергане.

В хронике Бейши об афталитах говорится следующее: «Умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанную могилу»⁷⁷. В другом китайском источнике — Лян шу — говорится о том, что у афталитов существовал обычай класть покойника в деревянный гроб.

Еще К. И. Иностранцев в начале века обратил внимание на это сообщение китайской хроники. Он сопоставил каменные склепы, о которых говорится в китайской хронике, с мугхона, открытыми в Северной Фергане⁷⁸.

Китайская хроника довольно точно передает сведения о погребальных сооружениях в Средней Азии в середине I тысячелетия н. э. Помимо мугхона в Фергане открыты захоронения под курганами, в которых покойники часто лежат в деревянных гробах. Гробы из арчи открыты в Карабулаке⁷⁹, в Исфаринских могильниках⁸⁰. Остатки деревянного гроба были отмечены Ю. А. Заднепровским и мною в катакомбных захоронениях в Кайрагаче⁸¹.

Е. Е. Неразик обратила внимание на тот факт, что Фергана является единственной областью в Средней Азии, где одновременно сосуществуют два типа погребальных сооружений, свойственных эфталтам: наземные склепы и катакомбы и подбой, в которых покойники лежат в деревянных гробах⁸².

Обратим внимание еще на одну деталь погребального обряда. У эфталитов существовал обычай делать погребальную скульптуру. Человеческие изображения часто были в натуральную величину. Они олицетворяли умершего и часто заменяли его на погребальных церемониях, если человек погиб или умер вдали от родных мест. Погребальные скульптуры описаны Аммианом Марцелином в рассказе о похоронах хионитского царевича. Погребальные скульптуры найдены пока только в двух пунктах — в Хорезме и Фергане. В Хорезме, в Кангакале и на Куня-Уазе, открыты погребальные камеры, в которых находились коллективные захоронения. Здесь же находилась объемная скульптура, сделанная из алебаstra и глины и представлявшая собой изображения людей. Исследователи считают, что эти памятники принадлежали хионитам. Они прослеживают черты сходства в погребальном ритуале, выявленном в Кангакале и Куня-Уазе, с ритуалом погребений в склепах Минусинской котловины⁸³.

В ферганских курганах трижды находили антропоморфные фигурки из алебаstra. В Тураташском могильнике небольшая фигурка была положена в курган вместо погребенного⁸⁴. В Ворухском в обоих случаях скульптуры сопровождали погребенных⁸⁵. Фигурки из Ферганских могильников стилистически сходны с теми, которые обнаружены при раскопках в Кайрагаче. Сопоставляя все эти сведения, можно предположить, что Фергана была областью, население которой приняло участие в этногенезе эфталитов.

Б. А. Литвинский полагает, что с Ферганой была связана одна группа эфталитов — «красных хионов». Используя сведения Бахман-Яшта и Хотано-сакской поэмы XII., где в числе других народов упоминаются хионы, хафтгалы, враждовавшие с Ираном и угрожавшие Хотану, Б. А. Литвинский высказал предположение о том, что хионы могли жить в горных районах восточной части Средней Азии: именно в предгорьях Ферганы⁸⁶. В первом источнике они называются горными народами. Вспомним о существовании у эфталитов обычая деформировать голову у находки деформированных черепов в Ферганских курганах.

Как уже писалось, события середины I тысячелетия н. э. имеют большое значение в истории современных народов Средней Азии. Именно с этого времени особенно усиливается монголизация физического типа и тюркизация по языку европеоидного ираноязычного населения.

А. Н. Бернштам полагал, что центральноазиатские племена оказывали влияние на этнические процессы в Средней Азии еще с середины I тыся-

челетия до н. э. Гуннское вторжение ускорило этот процесс, но не оказало решающего воздействия на монголизацию антропологического типа Средней Азии⁸⁷. Практически этот процесс начался позже, когда значительная территория Средней Азии оказалась под властью тюркских каганатов.

На основании анализа антропологического материала В. В. Гинзбург пришел к заключению о том, что в середине I тысячелетия н. э. монголоидный элемент в Фергане играл незначительную роль в антропологическом составе населения⁸⁸.

Ю. А. Заднепровский, располагая очень незначительным палеоантропологическим материалом, писал о том, что в Фергане в первой половине I тысячелетия н. э. шла широкая монголизация и тюркизация языка⁸⁹. Исследования в области палеоантропологии не подтвердили утверждения Ю. А. Заднепровского.

С. Г. Кляшторный считал, что в середине первого тысячелетия н. э. под влиянием «усилившейся инфильтрации тюркоязычных племен с востока» европеоидное население Средней Азии начинает менять свой этнический облик⁹⁰. Главная и решающая роль в этом процессе принадлежит тюркам. По мнению А. Н. Бернштама, главным «ускорителем» тюркизации земледельческого населения Средней Азии явились политическая власть западнотюркского каганата, объединившего под своей эгидой обширные территории, и приток тюркского населения в города. Первоначальными районами расселения тюркских племен в Средней Азии были Семиречье и Тянь-Шань. Здесь тюрки встретились с кочевниками-усуями. Общество социально-экономического уклада способствовали быстрой взаимной ассимиляции аборигенов и пришельцев. Богатые земледельческие и ремесленные районы привлекали внимание тюрков, и вот в середине VI в., разгромив эфталитов, тюрки подчиняют своей власти огромные территории. Западной границей их владений становится Амударья. «Успех тюркского влияния в Средней Азии, — пишет А. Н. Бернштам, — был обеспечен тогда, когда в города проникла тюркская среда. Последнее в Семиречье началось при карлуках и стало господствующим при караханидах. В Мавераннахре этот процесс начался при караханидах и максимального успеха достиг при тимуридах»⁹¹.

Но этот процесс протекал в разных районах различно. С VI в. до н. э. доля монголоидного элемента в Фергане увеличивается не только в долине, но и в горных районах. В горных же районах Согда и Уструшаны этот процесс шел гораздо медленнее, а некоторые районы не затронул совсем. Н. Н. Негматов вслед за А. Ю. Якубовским отмечает, что в горных районах Уструшаны до позднего средневековья отсутствует тюркоязычный элемент. «Обитатели малодоступных долин и ущелий высокогорных районов жили в условиях сравнительно большей изоляции. В горных районах и глухих теснинах население в раннее средневековье почти не соприкасалось с пришлыми элементами. Это способствовало тому, что население горных районов сохраняло расовую и языковую чистоту»⁹².

В равнинной же Уструшане этнический процесс был более сложным. Здесь население с древнейших времен постоянно смешивалось с населением иных расовых и языковых групп. Тем не менее Н. Н. Негматов отмечает, что проникновение сюда кочевого тюркоязычного населения было

незначительным. Он считает, что горная и равнинная Уструшана (присырдарьинские ее районы) были едины как в культурном, так и в этническом отношении⁹³. При этом он совершенно необоснованно игнорирует явные различия в материальной культуре этих областей и смешанность населения в присырдарьинском районе, что хорошо подтверждается данными антропологии (см. выше). Негматов полагает, что в XI—XII вв. в Уструшане еще не произошло сильной тюркизации населения по языку и монголизации в антропологическом плане.

Б. А. Литвинский и Ю. А. Заднепровский считают, что в I тысячелетии до н. э. в Фергане существовала ферганская народность. Ю. А. Заднепровский полагает, что она сложилась уже в первые века н. э.⁹⁴ Б. А. Литвинский же пишет: о ферганской народности как о сложившейся этнической общности можно судить начиная с V—VII вв. н. э.⁹⁵ В формировании этой народности принимали участие европеоидные племена, жившие как в долине, так и в предгорной части Ферганы. В результате длительного общения племен, принимавших участие в формировании ферганской народности, в области сложилась своеобразная культура, которая, на мой взгляд, может быть показателем сложившейся этнической общности. Другим показателем этой общности, как полагают этнографы, является язык⁹⁶.

В сообщении Чжан Цзя указывается на различие языков в областях, лежащих к западу от Давани (Ферганы), но он все же подчеркивает, что народы этих областей «взаимно понимают речь друг друга»⁹⁷. Видимо, речь идет о различных диалектах одного и того же языка.

В. В. Бартольд считал, что почти в каждой области говорили на своем языке. Он привел сообщение Макдиси, который писал, что у согдийцев есть свой язык, на него похожи языки бухарских руставов. Они очень различны, но их там понимают. Бартольд сделал вывод о существовании в Бухаре нескольких наречий согдийского языка. Он считал, что только в Уструшане говорили на согдийском языке⁹⁸.

В VII в. Сюань-цзан писал, что «язык ферганцев отличается от языка других стран». В сообщении Хой Чао указывается, что «язык ферганцев совершенно отличен и неодинаков с языками остальных стран». Хой Чао писал не только о ферганском языке, но и о языках других народов Средней Азии. Так, о языке Хутгали он писал: в этой области язык «частью тохарский, частью тюркский и частью местный»⁹⁹.

Б. А. Литвинский, обративший внимание на эти важные сведения древних авторов, сделал интересный вывод о том, что в Фергане тюркский язык не получил широкого распространения¹⁰⁰, а В. А. Лявниц полагает, что в середине I тысячелетия н. э. в Фергане существовал свой язык; он, видимо, относился к группе восточноиранских языков¹⁰¹.

С V в. н. э. этнические процессы в Средней Азии протекали под сильным воздействием тюрков. К концу VII в. н. э. они имели очень прочные позиции в Согде. К этому времени согдийские династии подверглись сильной тюркизации, чему способствовали частые браки согдийских правителей с тюркскими женщинами. В начале VIII в. Согдом правил согдиец, имевший тюркское имя Тархун¹⁰². Были знакомы согдийцы и с тюркским руническим письмом. В архиве Деваштича среди других документов есть один, написанный тюркской руникой. По данным тех же мугских доку-

ментов, правителем Пенджикента в 693—708 гг. был тюрк по имени Чыкян Чур Бильга.

В середине VII в. (в 627—649 гг.) тюркский правитель Ашина Шуни завоевал Фергану. И с этого времени она прочно входит в сферу влияния тюркской династии. Сначала ставкой тюркского правителя был город Касап, затем — Ахсыкет, ставший впоследствии одним из крупнейших городов Ферганской долины. Об этом свидетельствуют древние авторы. Их сведения в значительной степени подтверждаются археологическими материалами и находками памятников тюркской письменности¹⁰³.

Сюань-цзан и Хой Чао, сведения которых относятся соответственно к VII и VIII вв. н. э., писали о том, что в Фергане не было собственного правителя и она управлялась тюрками. В начале VII в. Ферганой правил местный царь Алутар. А век спустя, во время путешествия Хой Чао, Фергана снова не имеет единого правителя. Области к югу от Сырдарьи в Фергане подчиняются арабам, правитель же северных районов Ферганы на правом берегу Сырдарьи подчинялся тюркам. Это, казалось бы, давало основание судить о том, что основная масса тюрков расселилась в степных районах Северной Ферганы. Однако большая часть эпиграфических находок связана с южными и юго-западными районами Ферганы.

В настоящее время известны 14 рунических надписей, причем наибольшее их количество происходит из Исфаринской долины¹⁰⁴. Здесь найдены четыре обломка от хумов, на которые рунические знаки были нанесены до обжига сосуда. Пятая надпись найдена в близлежащем районе при раскопках дома в Актеле (Баткөнский район). Она нанесена на боковину хума. Надпись удалось прочесть И. А. Батманову. Из семи букв, составлявших ее, шесть сохранились полностью. Она переводится следующим образом: «его внутренность мукой». Надпись определяет назначение сосуда — хум заполнялся мукой и служил для ее хранения¹⁰⁵.

Другая группа находок происходит из памятников Юго-Восточной Ферганы и включает четыре надписи, нанесенные на стенки сосудов. Две из них сделаны на венчиках хумов, одна была на сосуде, в котором обнаружены человеческие кости¹⁰⁶. Четвертая надпись нанесена на закраине топкостенной чаши, найденной на городище Мыктыкурган в Керкидонском оазисе¹⁰⁷.

Сямой восточной находкой является сосуд с рунической надписью из Шурабашата. А самая западная находка — перстень с надписью — обнаружена Б. А. Литвинским в мухоне в Аште. Особенности письма на перстне позволили С. Г. Кляшторному датировать аштский перстень концом V — первой половиной VII в. н. э.¹⁰⁸ С предложенной С. Г. Кляшторным датой согласен Б. А. Литвинский. Оба автора считают надпись на перстне самой ранней находкой тюркской эпиграфики в Фергане¹⁰⁹.

Как видим, эпиграфические находки располагаются компактными группами. Может быть, это дает основание судить о том, что тюрки жили компактными группами в определенных районах.

Ю. А. Заднепровский на основании того, что надписи сделаны на типичных и использовавшихся земледельческим населением сосудах, приходит к выводу о том, что земледельческое население было знакомо с тюркской письменностью¹¹⁰. Однако Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович не склопны объяснять большое количество находок памятников тюркской

эпиграфики в районе Исфары широкой тюркизацией аборигенов. Не отрицая возможности переселения тюрков в юго-западное предгорье Ферганы и даже их временного политического господства здесь, они высказывают предположение о том, что тюркская письменность была воспринята бесписьменным, как считалось в момент написания книги, ферганским населением¹⁴¹. Все эпиграфические находки стилистически однородны и могут быть датированы VII—VIII вв., т. е. временем, когда Фергана входила в состав тюркского каганата, и временем переселения тюрков в Фергану. Полагаю, что массовое переселение не сопровождалось столь быстрой языковой ассимиляцией аборигенов пришельцами. Это предположение подтверждается приведенными выше сообщениями Сюань-цзана и Хой Чао об отличии языка ферганцев от языков других народов.

Весьма вероятно, что надписи могли быть оставлены самими тюрками. Ведь переселение тюрков в земледельческий район повлекло за собой переход некоторой их части к оседлости. Изменив образ жизни и характер ведения хозяйства, они восприняли от оседлого населения некоторые формы материальной культуры, строительную технику, способ хранения продовольственных запасов в хумах, приемы гончарного производства. Сравнительно небольшое количество эпиграфических находок объясняется, очевидно, переселением сюда незначительного количества тюркского населения.

Г. Ф. Дебеч и Б. А. Литвинский в свое время высказали предположение, что процесс монголизации антропологического типа и процесс тюркизации по языку не были синхронными¹⁴². Б. А. Литвинский полагает, что процесс тюркизации языка в Фергане, как и в других областях Средней Азии, протекал значительно быстрее, чем монголизация антропологического типа¹⁴³.

Для языковой ассимиляции аборигенов пришельцами нужны были определенные условия.

1. Успешному завершению этого процесса часто способствовало отсутствие письменности у аборигенов. Этнографы полагают, что «бесписьменные народы особенно подвержены языковой интеграции, связанной с переходом на язык другой национальности»¹⁴⁴.

2. Большую роль в этом процессе играли культурные и идеологические факторы.

3. Имели значение социальные и экономические факторы, соотношение хозяйственного и культурного уровней развития этносов.

4. Политическое господство пришлого населения над местным являлось, несомненно, основным фактором, способствовавшим языковой ассимиляции. Оно создавало условия для культурного и хозяйственного общения, оказывало влияние на разные стороны общественной и культурной жизни.

В тех же случаях, когда политическое господство пришельцев не влекло за собой существенных перемен, местное население сохраняло свой язык. Но одного политического господства мало. Нужно еще какое-то количественное соотношение пришлого и местного населения, за пределами которого пришлое население не могло обеспечить победы своего языка¹⁴⁵. Для быстрого завоевания антропологического типа необходимо значительное количественное преобладание пришлого населения над местным.

В тех случаях, когда происходит смена языка и не изменяется существенно антропологический тип, можно считать, что пришлое население не было более многочисленным, чем местное.

Приход тюрков в Фергану в начале VII в. и политическое подчинение этой области западнотюркскому каганату не оказали, видимо, существенного влияния на ход этногенетических процессов. Еще в начале VIII в. ферганцы говорили на своем родном языке. И только последующие значительные переселения тюркского населения, его переход к оседлости могли существенно повлиять на развитие этногенетических процессов в этой области.

Переселение большого числа тюрков в горные районы Ферганы подтверждается археологическими находками. В частности, в Карабулаке, в слое XII в., найдены предметы, имеющие аналогии среди тюркских древностей. К ним относятся железный кинжал, некоторые формы стрел, предметы конского убора¹⁰⁰. Политическое господство тюрков в горных районах с середины XI в. несомненно. Исфарой в это время правил сын Кагана Бури-Тегина Мугуз-аддавла Арслан-Тегин Абу-л-Фази ал Аббас, что подтверждается северной Ворухской надписью, высеченной по его приказу и от его имени¹⁰¹.

Монеты, чеканенные от имени тюркских правителей в Уагене и Маргане, также подтверждают тюркское господство в Фергане.

Как шел в это время этнический процесс, судить трудно из-за отсутствия антропологического материала. Уже говорилось, что в горных районах Уструшаны к XII в. не произошло сколько-нибудь заметной монголизации местного населения. Очевидно, в Исфаре и близлежащих горных районах этот процесс шел очень медленно и в очень незначительных масштабах. Об этом свидетельствует современный облик местного таджикского и узбекского населения, на протяжении столетий живущего в непосредственном соседстве с монголоидным населением и сохранившего европеоидный антропологический тип. Что же касается лексических заимствований, то, по мнению тюркологов, большая часть тюркских слов была заимствована горным таджикским населением в XII—XIV вв.

¹ *Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе населения древней Ферганы.— КСИИМК, 1958, вып. 61.

² *Литвинский Б. А.* Проблема этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 49 и сл.; *Он же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты).— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

³ *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 28; *Он же.* Древнейшие тюркские

элементы в этногенезе Средней Азии.— СЭ, 1947, т. 6/7.

⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.— Соч.: В 3-х т. М., 1950, т. 2, с. 161.

⁵ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... т. 2, с. 188.

⁶ *Кюмер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 131.

⁷ *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 78—79.

⁸ Там же, с. 78, 80.

- ⁹ Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Актамского могильников.— КСИИМК, 1957, вып. 69, с. 91.
- ¹⁰ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии.
- ¹¹ Гинзбург В. В. Раса среднеазиатского междуречья и ее происхождение: Докл. на VII МКАЭН, 1964: Тр. конгресса. М., 1968, т. 3.
- ¹² Гинзбург В. В. Антропологические материалы..., с. 91.
- ¹³ Литвинский В. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памяро-Алая; Барудин Ю. Д. Карабулакский могильник (раскопки 1954 г.).— Тр. ИИ АН КиргССР. Фрунзе, 1956. Вып. 3; Он же. Карабулакский могильник (раскопки 1955 г.).— Тр. ИИ АН КиргССР, 1957, вып. 3; Он же. Карабулакский могильник.— КСИЭ, 1957, вып. 26; Он же. Карабулакский могильник.— Изв. АН КиргССР. Сер. Обществ. наук, 1961, т. 3, вып. 3; Барудин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962; Заднепровский Ю. А. Археологические памятники юга Ошской области. Фрунзе, 1960; Горбунова Н. Г., Гамбург Б. З. Могильник Хангыз.— ИООН АН ТаджССР, 1954, вып. 14; Сорокин С. С. Боркорбазский могильник (Южная Киргизия, бассейн р. Сох).— ТГЭ, 1961, т. 5.
- ¹⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... См. также Кетмень-Тюбе: Сб. статей. Фрунзе, 1978.
- ¹⁵ Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины.— ТКАЭЭ. М., 1956, т. 1; Он же. Антропологические материалы из Вуадильского и Актамского могильников; Он же. Материалы к палеоантропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина I тыс. в. н. э.— первая половина I тыс. в. а.).— Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук, 1960, т. 2, вып. 3.
- ¹⁶ Зезенкова В. Я. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе.— Прилож. к кн.: Давидович Е. А., Литвинский В. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955; Она же. Антропологическая характеристика черепов из Богджая.— ИМКУ. Ташкент, 1961, вып. 2.
- ¹⁷ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1975.
- ¹⁸ Миклашевская Н. Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии.— Тр. КАЭЭ, 1959, т. 2; Она же. Палеоантропология Киргизии.— Тр. КАЭЭ, 1959, т. 3; Она же. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии.— Тр. ТГУ, 1987, т. 235.
- ¹⁹ Перевозчиков Н. В. Антропологический тип кенкольцев.— ВА, 1967, № 10.
- ²⁰ Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1.— Тр. САГУ им. В. И. Ленина. Нов. сер., 98—98. Исторические науки, кн. 16—18. Ереван, 1957—1959.
- ²¹ Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных.— Тр. КАЭЭ, 1956, т. 1.
- ²² Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии..., с. 143—144.
- ²³ Там же, с. 112.
- ²⁴ Литвинский В. А. Курганы и курумы Западной Ферганы, с. 132.
- ²⁵ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники..., с. 90—112; Брыкина Г. А. Могильник Кайрагач.
- ²⁶ Гинзбург В. В. Материалы к антропологии..., с. 160, табл. 3.
- ²⁷ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники...
- ²⁸ Гинзбург В. В. Материалы к антропологии..., с. 161, табл. 3.
- ²⁹ Определения сделаны антропологом С. С. Тур.
- ³⁰ Гайдукевич В. Ф. Могильник Ширин-Сай.— СА, 1952, № 16.
- ³¹ Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- ³² Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии...
- ³³ Кияткина Т. П. Антропологические находки в Таджикистане (1975 г.): Тез. докл. на сессии, посвящен. итогам полых этнограф. и антропол. исслед. в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976.
- ³⁴ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии..., с. 173.
- ³⁵ Зезенкова В. Я. Антропологическая характеристика черепов из древних погребений Богджая.
- ³⁶ Ходжайев Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980, с. 101.
- ³⁷ Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 16.

- ³⁰ Литвинский Б. А. Этногенетические процессы..., с. 171.
- ³¹ Трофимова Т. А. Приаральские саки.— МХАЭЭ, 1963, вып. 6/1; Трофимова Т. А. Изображение афталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- ³² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 215.
- ³³ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии.
- ³⁴ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
- ³⁵ Там же, с. 30.
- ³⁶ Гинзбург В. В., Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас КиргССР.— Сб. МАЭ, 1949, т. 10, с. 261, 264.
- ³⁷ Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных.— Тр. КАЗЭ, 1956, т. 1, с. 16.
- ³⁸ Миклашевская Н. Н. Новые палеоантропологические материалы из Кенкольского могильника.— Сов. антропология, 1957, № 2.
- ³⁹ Миклашевская Н. Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии.
- ⁴⁰ Первозчиков И. В. Антропологический тип кенкольцев.
- ⁴¹ Там же, с. 136.
- ⁴² Гинзбург В. В., Жиров Е. В. Антропологические материалы...
- ⁴³ Первозчиков И. В. Антропологический тип кенкольцев.
- ⁴⁴ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах..., с. 69.
- ⁴⁵ Там же, с. 75.
- ⁴⁶ Вичурин Н. Я. Собрание сведений, т. 11, с. 183.
- ⁴⁷ Первозчиков И. В. Антропологический тип кенкольцев.
- ⁴⁸ Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии...
- ⁴⁹ Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы.— КСИИМК, 1940, вып. 8, с. 101—102; Гинзбург В. В., Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского могильника...
- ⁵⁰ Ходжайов Т. К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности.— Вести. Каракалпак. фил. АН УзССР, 1966, № 4.
- ⁵¹ Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения Средней Азии в эпоху раннего железного века и античности: Тез. докл. на Всесоюз. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979.
- ⁵² Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1979, с. 184.
- ⁵³ Т. А. Трофимова собрала и изучила значительный материал по искусственной деформации голов и посвятила этой проблеме две специальные работы: Трофимова Т. А. Изображение афталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии; раздел в кн.: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- ⁵⁴ Гинзбург В. В. Антропологические материалы Вуадильского и Антамского могильников, с. 92—93.
- ⁵⁵ Трофимова Т. А. Изображение афталитских правителей на монетах...
- ⁵⁶ Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины..., с. 89.
- ⁵⁷ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии...
- ⁵⁸ Мандельштам А. М. Сложение таджикской народности в среднеазиатском междуречье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951.
- ⁵⁹ Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пенджикенте в 1951 г.— СА, 1953, № 18, с. 339.
- ⁶⁰ Владелец происходит из Дома Ювачи (Хропка Бейши, гл. 97).— См.: Вичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 268, 310.
- ⁶¹ Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пенджикенте, с. 328—329, рис. 3.
- ⁶² Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- ⁶³ Вичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 322.
- ⁶⁴ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. СПб., 1880.
- ⁶⁵ Вичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 1, с. 300.
- ⁶⁶ Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1952 г.— ВДИ, 1953, № 2.
- ⁶⁷ Трофимова Т. А. Изображение афталитских правителей на монетах...
- ⁶⁸ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 192.

- 77 *Бичурич Н. Я.* Собрание сведений..., т. 2, с. 269.
- 78 *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках.— ЖМНП. Нов. сер., XX-13. СПб., 1909, с. 116.
- 79 *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник...
- 80 *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 22—35; *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 74—81.
- 81 *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники...; *Брыкина Г. А.* Могильник Кайрагач.
- 82 *Неразик Е. Е.* Предки таджикского народа в IV—V вв. н.э.— ИТН. М., 1963, т. 1; *Аммиан Марцелин.* История. Киев, 1906, кн. 19, 2, 10.
- 83 *Томагов С. П.* По древним дельтам...; *Неразик Е. Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1963, с. 198—199.
- 84 *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка.
- 85 *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк...
- 86 *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы, с. 55—56; *Он же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане...
- 87 *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с. 215.
- 88 *Гинзбург В. В.* Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов.— КСИЭ АН СССР. М., 1959, вып. 31, с. 17—35.
- 89 *Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе населения древней Ферганы.
- 90 *Клосторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 174.
- 91 *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, с. 158—159.
- 92 *Нематов Н. Н.* К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны.— КСИИМК, 1956, вып. 61, с. 32.
- 93 *Нематов Н. Н.* Усрушанский компонент среднеазиатской культуры раннего средневековья.— В кн.: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. по раннесредневековой культуре Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.
- 94 *Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе..., с. 43.
- 95 *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк...; *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории, с. 59; *Он же.* Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане, с. 178.
- 96 *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1963, № 2, с. 45.
- 97 *Бичурич Н. Я.* Собрание сведений..., т. 2, с. 122.
- 98 *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского владычества.— Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 2, ч. 2, с. 285.
- 99 *Бернштам А. Н.* Тюрки и Средняя Азия в описаниях Хой Чжао (728 г. н.э.).— ВДИ, 1952, № 1, с. 193.
- 100 *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории..., с. 56.
- 101 *Лившиц В. А.* О письменности Ферганы: (Изд. докл.).— НАА, 1968, № 6.
- 102 Монета,чеканенная в 710 г. от имени Тархуна, найдена при раскопках в Актепе близ Баткена. См.: *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 96.
- 103 *Бернштам А. Н.* Древнетюркские рунические надписи из Ферганы.— СЭ, 1956, т. 11; Сведения о тюркских памятниках Ферганы обобщил также и Ю. А. Заднепровский в статье «Тюркские памятники в Фергане» (СА, 1967, № 1).
- 104 *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк...
- 105 *Баруздин Ю. Д.* Находки па юге Киргизии.— В кн.: Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фрунзе, 1962, с. 11—12, рис. 6. В статье Ю. А. Заднепровского «Тюркские памятники в Фергане» (СА, 1967, № 1, с. 274) неверно указано, что надпись найдена вместе с монетой Тархуна (700—710). На самом деле надпись найдена в помещении, относившемся к более раннему периоду. Это подтверждается стратиграфическими. См.: *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники..., с. 96, 100, я также указанию выше статью Ю. Д. Баруздина.
- 106 *Коленкова В. Н.* К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии.— СА, 1961, № 3, с. 256.
- 107 *Горбунова Н. Г.* Новые материалы к истории ферганских поселений.—

- В кн.: Тез. докл. на сессии, посвящ. методам научной работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964, с. 35.
- ¹⁰⁸ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы.— В кн.: АРТ. Сталинабад, 1959. Вып. 5.
- ¹⁰⁹ *Литвинский Б. А.* Этногенетические процессы..., с. 174.
- ¹¹⁰ *Заднепровский Ю. А.* Тюркские памятники..., с. 274.
- ¹¹¹ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк..., с. 208.
- ¹¹² *Дебец Г. Ф.* Проблема происхождения маргянского народа, с. 6; *Литвинский Б. А.* Этногенетические процессы..., с. 172.
- ¹¹³ *Литвинский Б. А.* Этногенетические процессы...
- ¹¹⁴ *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей.
- ¹¹⁵ *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов...
- ¹¹⁶ *Брыкина Б. А.* Карабулак. М., 1974.
- ¹¹⁷ *Литвинский Б. А.* Северная надпись в Ворузском ущелье.— КСИИМК, 1956, вып. 61, с. 114—119.

Глава V

Хозяйство

Чжан Цянь, посетивший Среднюю Азию в конце II в. до н. э., оставил первое и довольно подробное описание Ферганы. Он, в частности, писал о хозяйственной деятельности ферганцев, о том, что в Фергане плодородные земли, пригодные для посевов риса и пшеницы. «Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргомаков. Сии лошади имеют кровавый пот и происходят от «небесных лошадей»¹. «В Давани и окрест из винограда делают вино; богатые люди хранят вино более 1000 давь. Долго, несколько десятков лет, и оно не портится». Интересно описание нравов ферганцев, их пристрастия к торговле: жители Ферганы «искусны в торговле, наперекор состязаются за выгоды»². «Эти страны совсем не имеют шелка и лака, не умеют отливать монеты и посуду». Из последнего сообщения Чжан Цяня делались не совсем обоснованные выводы о том, что ремесла и товарно-денежные отношения в Фергане были развиты слабо.

Природные условия Ферганы способствовали развитию в области вино-гоотраслевого хозяйства. Изучаемый район, как об этом писалось, включал ряд ландшафтных зон, различных в климатическом отношении. Это сказалось на направлении развития хозяйства в каждой из зон. В целом в районе развивалось земледельческо-скотоводческое хозяйство. Но в каждой из зон оно имело свои специфические черты: южная часть района — зона альпийских лугов — являлась прекрасным пастбищем и использовалась в силу климатических условий для летнего выпаса скота; зимние же пастбища находились в полупустынных районах Центральной Ферганы. В предгорьях развивалось горнопастбищное скотоводство.

В южных предгорьях Ферганы, как полагает С. С. Сорокин, с первых веков н. э. развивается яйлажное скотоводство. Оно складывается на основе тесной кооперации с земледелием долины³. По мнению Ю. А. Заднепровского, скотоводческое хозяйство племен предгорных и горных районов формируется на базе комплексного хозяйства эпохи бронзы со второй половины I тысячелетия до н. э.⁴

Анализ остеологического материала из Кайрагача, проведенный В. П. Давильченко, показал, что в коллекции явно преобладают кости мелкого рогатого скота — овец и коз; в очень незначительном количестве присутствуют кости крупного рогатого скота, лошади, ишака; есть также кости верблюда, свиньи, лисицы (см. Приложение 1). Такой состав остеологического материала указывает на то, что в стаде преобладал мелкий рогатый скот. Такой же видовой состав стада, где явно преобладает мелкий рогатый скот, отмечен у земледельческого населения долины р. Ходжа-Бакырган Лыкошиным, проводившим статистическое обследование этого района в начале XX в.⁵. Явное преобладание в стаде мелкого рогатого ско-

та, видимо, было обусловлено не образом жизни, а экологическими условиями: окружающие узкую долину каменные горные останцы бедны растительностью, на них было выгоднее содержать мелкий рогатый скот. В материалах же на Карабулака, расположенного в Исфанинской долине, имевшей хорошие выпасы, преобладали кости крупного рогатого скота.

Не менее важную роль играло и земледелие. Естественного географического различия обусловили также различия в способе ведения земледельческого хозяйства.

Наиболее освоенными земледельцами оказались долины и плато, богатые плодородными почвами и водными источниками. В южной и восточной частях изучаемой области (Исфанинская и Баткенская впадины, восточная часть Ташраватской впадины), где выпадает значительное количество атмосферных осадков, было развито богарное земледелие. Здесь же находились пастбища, богатые травами. Высевались пшеница, ячмень, просо. При раскопках в Карабулаке найдены обуглившиеся зерна пшеницы. Во всех обследованных памятниках находили зернотерки и ручные жернова. Особенно большое количество их найдено в Кайрагаче. Здесь почти в каждой комнате была одна или две зернотерки. Размеры некоторых из них огромны: при длине в 60—80 см они имеют ширину 35—40 см. В двух комнатах обнаружены ручные жернова диаметром до 40 см, причём в одном случае жернов лежал на полу около очага.

Полеводство сочеталось с огородничеством. Выращивались бахчевые культуры (арбузы, дыни), о чем свидетельствуют находки арбузных и дынных косточек. В узких речных долинах, в частности в долине р. Ходжа-Бакырган, каменные, так называемые тагобные, земли использовались под возделывание винограда. Выращивались также урюк, персики.

Возделывание садовых и огородных культур требовало искусственного орошения. В долине р. Ходжа-Бакырган арки выводились из реки. В восточной части Ташраватской впадины, в Исфанинской и Баткенской впадинах для орошения использовались родниковые воды.

Судя по сообщениям древних авторов, Фергана была богата железом, золотом, киноварью, что подтверждается археологическими данными. В знаменитой пещере Кони-Гут разработки на железо и серебро начаты еще в первые века н. э. Велись разработки в Хайдаркане. На базе горнодобывающих промыслов развивались металлообрабатывающие ремесла, ремесленники достигли большого мастерства. Намечалась специализация ремесла. Известно, что в восточной Уструшане изготовлялось оружие, славившееся далеко за пределами Средней Азии. Предметы, необходимые в повседневном быту, изготовлялись повсеместно. Следы металлообработки обнаружены нами при раскопках в Кайрагаче. В южном углу верхней площадки усадьбы в поздний период находился хозяйственный двор. Здесь открыт небольшой очажок, а около него — кусочки оплавленной бронзы. В наиболее ранний период жизни памятника с производственной деятельностью была связана небольшая комната, также находившаяся на верхней площадке. На полу этой комнаты среди развала керамики обнаружено большое количество железных предметов (ножи, пряжки, наконечники стрел). Здесь же находились кусочки железного плака. На производственный характер помещения указывают также находки бараньих рогов, использовавшихся, видимо, в качестве

карбюризаторов для цементирования изделий из железа. Интересно отметить, что в Пенджикенте, по словам В. И. Распоповой, рога коз присутствовали в кузнечных мастерских⁸.

В Кайрагаче при раскопках святилища обнаружена железная наковальня. Она прямоугольная в разрезе, несколько суживающаяся книзу. Небольшая по площади рабочая поверхность слегка стерта. Видимо, на этой наковальне изготавливались небольшие предметы. Наковальни принадлежат к числу редких находок. Помимо Кайрагача они известны только в Пенджикенте⁹.

Основным источником для изучения гончарного ремесла является его продукция — керамика. К сожалению, до сих пор в районе не обнаружены ни гончарные мастерские, ни отдельные гончарные печи. Судя по керамическим находкам, значительное место в изготовлении посуды принадлежало домашнему производству (от руки вылеплены все кухонные сосуды, часть хумов). В то же время изящная тонкостенная посуда, кувшины, большая часть хумов изготовлены на ножном гончарном круге, причем использовался круг с подставкой, широко применявшийся в гончарном производстве Средней Азии⁹.

Из-за слабой изученности памятников первой половины I тысячелетия н. э. в Фергане мы лишены возможности проследить закономерности развития керамического ремесла этого периода, выявить общие черты керамики Ферганы в целом и черты, характеризующие керамику отдельных районов. При выявлении локальных особенностей керамического производства многое может дать лепная посуда, изготовляющаяся женщинами для своего дома и для родственников. Лишь незначительная ее часть шла на продажу, причем рынок сбыта был очень узкий. Это в основном близлежащие села. Наблюдения Е. М. Пещеровой показали, что современная таджикская керамика домашнего производства распространялась примерно в радиусе 20—25 км от места ее изготовления¹⁰.

Сравнение керамики изучаемого района с материалами из других районов Ферганы и Средней Азии в целом показало, что различие лучше всего прослеживается в лепной керамике. Так, котлы первого типа из Карабулака не находят аналогии среди посуды этой категории в других районах Средней Азии. Некоторые формы гончарной продукции не обнаруживают сходства с сосудами аналогичных категорий из других районов Ферганы. Здесь в первую очередь следует отметить тонкостенные чаши, корчаги с треугольным в сечении венчиком. Только в трех памятниках (Карабулак, Кайрагач, Ашт) найдены кувшинчики без ручек. Сохранению локальных черт способствовала относительная экономическая замкнутость района, обусловленная естественными географическими условиями. Различие не только в лепной, но и в гончарной керамике дает возможность предположить наличие в районе нескольких гончарных центров.

В Кайрагаче неоднократно находили бракованные сосуды, что заставляет думать, что на поселении существовала своя гончарная мастерская. О наличии местного гончарства свидетельствуют также и находки сосудов, не имеющие абсолютно точных аналогий среди керамических изделий из других районов. Так, ритон II типа уникален. Ритоны же I типа, хотя и имеют сходство с ритонами из района Ташкента и Афга-

кистана, но неполное. Поскольку в других районах Ферганы подобные ритоны не найдены, можно высказать предположение, что долина р. Ходжа-Бакырган (в частности, Кайрагач) является одним из центров, где изготавливались эти сосуды.

Анализ керамической продукции показал, что значительная часть ее делалась на рынках. Это выразилось в стандартизации изделий гончарного ремесла. На огромной территории изготавливались сосуды одинаковой формы, одинаковых пропорций, украшались одинаковым орнаментом; причем определенным стандартам была подчинена не только гончарная посуда, но и лепная.

Из других ремесел отметим ткачество. Хой Чао писал о производстве хлопчатобумажной ткани «дебу». Ткани принадлежат к числу редких находок, поэтому о ткачестве можно судить чаще всего только по косвенным данным.

В Исфаринских курганах найдены фрагменты тонких тканей, использовавшихся для одежды, и толстые ткани типа мешковины. В Карабулакском могильнике в одном из курганов найдена шелковая ткань, привезенная, скорее всего, из Китая¹¹.

Видимо, в обиходе были и шерстяные, и шелковые ткани. Шелкоткачество, заимствованное из Китая, в первых веках нашей эры было широко распространено в Согде и других областях Средней Азии. К VII в. среднеазиатские мастера достигли такого совершенства, что их стали высоко ценить в Китае¹².

На днищах больших сосудов из Кайрагача почти всегда хорошо видны отпечатки грубых толстых тканей. Исследование этих отпечатков, проведенное И. Л. Чернаем, показало, что преобладали отпечатки тканей репсового переплетения (на 10 из 16 подвергшихся анализу днищ — отпечатки тканей репсового переплетения). На некоторых образцах репсового переплетения отмечен уток в две или три нити. В этом случае уток перекрыт основой. Отмечены также и отпечатки тканей полотняного переплетения (Приложение 3). Г. Ф. Коробнова считает что все отпечатки были оставлены шерстяными тканями. Помимо отпечатков на сосудах есть еще одно свидетельство местного качества. В Тагане найдена костяная гребенка, применявшаяся в процессе тканья.

Частыми находками на поселениях и в могильниках являются пряслица различной формы, различного размера и веса. Б. А. Литвинский полагает, что различия формы и веса пряслиц были связаны со специализацией прядения. Для прядения тонких нитей использовались маленькие и легкие пряслица¹³. Сопоставив находки пряслиц из поселений и из могильников, Б. А. Литвинский отметил, что тяжелые и массивные пряслица преобладают в могильниках, в то время как на поселениях встречены в основном легкие. Исходя из этого, Б. А. Литвинский делает вывод о том, что, видимо, население, оставившее эти памятники, имело дело с разным характером пряди. Население, оставившее могильники, видимо, выделяло шерсть. На поселениях же явно преобладал хлопок. Тяжелые пряслица могли также использоваться для прядения льна.

В Кайрагаче и Актене найдены пряслица различного размера и различной формы (плоские — каменные или керамические, керамические конической и биковической формы). И. Л. Чернай, проводивший анализ

пряслиц, отметил на внутреннем канале некоторых пряслиц следы потертости веретеном, а на других — слабые следы нитей. Последнее, по мнению И. Л. Черная, заставляет думать, что эти пряслица использовались в качестве грузил на горизонтальном ткацком станке (Приложение 2).

Таким образом, у нас есть все основания считать, что в районе развивается многоотраслевое хозяйство. Природные условия способствовали тому, что в разных ландшафтных зонах развивались разные типы хозяйства. Такое разнообразие в хозяйственной деятельности населения Юго-Западной Ферганы способствовало установлению прочных хозяйственных связей. Специализация в хозяйственной деятельности привела к формированию экономических районов, центром которых становился город или поселение, где находился базар. В Исфанинской котловине таким центром был Карабулак, а в долине р. Ходжа-Бақырган — городище в кишлаке Бешкент.

В районе развилась торговля. В ходу были монеты различных чеканов — китайские у-ши, уструшанские, ферганские и монеты Чача (одна такая монета найдена в святилище в Кайрагаче). С VIII в. распространяются монеты, чеканившиеся от имени тюркских правителей. Монета Тархуна (71... г.) найдена в верхнем горизонте Актепе.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 1, с. 149.

² Там же, с. 122.

³ Сорокин С. С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн р. Сох). — ТГЭ, 1961, т. 5, с. 156—157.

⁴ Зайнепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ферганы. Фрунзе, 1960.

⁵ Кармышева Б. Х. Формы скотоводства у оседлого населения Таджикистана и Узбекистана в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Тез. докл. на сессии, посвящ. этногр. и антропол. исслед. в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976.

⁶ Лыкошин. Чапкульская волость Ходжентского уезда: Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1906. Вып. 8.

⁷ Располова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1979, с. 52.

⁸ Беленицкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте. — КСИИМК, 1954,

вып. 55; Большаков О. Г., Негматов И. Н. Раскопки в пригороде Пенджикента. — МИА, 1958, № 66, с. 170; Располова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII в. — СА, 1969, № 1, с. 170, рис. 2, 4; Она же. Металлические изделия...

⁹ Тереножкин А. И. О гончарстве в Хорезме. — Изв. УАФАН, 1940, № 6; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. — Тр. ХАЭЭ, 1959, Т. 4.

¹⁰ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1956.

¹¹ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник. — Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук, 1961, т. 3, вып. 3. История, с. 65.

¹² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1974.

¹³ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы. М., 1978, с. 46 и сл.

¹⁴ Там же, с. 46.

Глава VI

Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н. э.

В Фергане в I тысячелетии н. э. существовала высокая и самобытная культура, отличавшая эту область от соседних областей. Это выразилось в своеобразии типа расселения и топографии земледельческих оазисов. На базе горнорудных промыслов развивались металлообработка и ювелирное дело. Изделия ферганских ремесленников славилась далеко за пределами Средней Азии.

Особенно ярко своеобразие культуры Ферганы отразилось в наиболее массовом археологическом материале — керамике. В конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. в Фергане широко распространяется высококачественная красноангобированная керамика, украшенная процарапанным орнаментом в виде всевозможных побегов и завитков, заштрихованных треугольников. Она изготовлялась повсеместно. Находки ее отмечены на обширной территории от Уггена на востоке до Ходжента на западе.

Отдельные элементы в культуре Ферганы показывают, что она выросла при взаимодействии с высокой культурой соседних областей. Прежде всего большую роль в развитии культуры Ферганы играли взаимоотношения земледельцев долины с полуседлыми скотоводами. Особенностью развития земледельческих оазисов Средней Азии было их постоянное соседство с кочевниками. Плодородные долины рек заселялись земледельцами, степные же и горные районы были сферой деятельности скотоводческих племен. Наиболее тесное соседство земледельцев и кочевников наблюдается в окраинных областях Средней Азии — северных районах Хорезма, в бассейне Сырдарьи, в Семыречье. Земледельческая Фергана жила в постоянном окружении кочевников. Отношения между кочевниками и земледельцами были сложными и принимали различные формы. Долгое время в науке существовало мнение о том, что между кочевым и земледельческим населением была только одна форма взаимоотношений — война. Кочевники выступали в роли грабителей и разрушителей материальных ценностей. Частые конфликты считались неизбежными и объяснялись невозможностью примирения двух экономических укладов. Эта точка зрения неоднократно высказывалась В. В. Григорьевым¹, В. В. Бартольдом², ее придерживался А. Ю. Якубовский³.

Однако отношения между кочевниками и земледельцами принимали и форму мирного сотрудничества. И именно эта сторона их отношений сыграла огромную роль в развитии культуры, хозяйства и социально-экономических укладов народов Средней Азии.

У оседлых земледельцев и ремесленников и у кочевников была постоянная заинтересованность друг в друге. Для ремесленников кочевая среда была хорошим рынком сбыта продукции. Со своей стороны, кочевники

являлись не только активными покупателями ремесленной продукции, но были также поставщиками мяса, кожи, шерсти — продуктов, связанных со скотоводческим способом производства.

В Средней Азии постоянно шел сложный процесс взаимного влияния двух культур: оседлоземледельческой и кочевнической. Но особенно он усилился с середины I тысячелетия н. э., когда обширные районы этой области вошли в состав государственных объединений, создаваемых кочевниками, — сначала эфталитами, а потом тюрками. Именно в это время, по словам А. Н. Бернштама, «произошел взаимный культурно-этнический взаимообмен между иранским и тюркским этническими мирами»⁴.

Кочевники постоянно поддавали под влияние высокой культуры оседло-земледельческого населения. Это сказалось на разных сторонах жизни кочевников. В области материальной культуры это влияние лучше всего прослеживается на производстве наиболее массового материала — керамики. Большая часть керамики из курганных могильников скотоводческого населения юго-западных предгорий Ферганы изготовлена на гончарном круге. Самый набор посуды весьма характерен для оседло-земледельческого населения предгорий и самой долины. Это проявляется и в ассортименте посуды, и в характере отделки ее поверхности (красный ангоб — роспись в виде потеков, процарапанный орнамент)⁵. Думаю, что сходство керамики нельзя объяснить только импортом ее из оседло-земледельческих центров. Очевидно, значительная ее часть была изготовлена по образу и подобию керамики земледельцев местными мастерами, принадлежащими к той части населения, которая переходила к оседлости. Несоввершенство навыков гончаров сказалось на качестве продукции, что особенно ярко проявилось в характере отделки поверхности сосудов. Большая часть посуды из курганов покрыта красным ангобом, но он худшего качества, чем на керамике, обнаруженной на поселениях, — тусклый, неплотный. Процарапанный орнамент выполнен небрежно. Не всегда соблюдался режим обжига, следствием чего являлись черные пятна на поверхности многих сосудов⁶.

Наиболее важным следствием влияния земледельцев на кочевников явился переход последних к оседлости. Этот процесс начался с глубокой древности, но усилился в середине I тысячелетия н. э. и особенно в караханийский период. Он был обусловлен глубокими внутренними причинами социального развития кочевого общества. Они заключались во все более усиливающимся имущественном расслоении кочевого общества и в обнищании основной массы кочевников. Именно эта часть кочевого населения переходила к оседлости и начинала заниматься земледелием и ремеслами. Феодалная же верхушка, владевшая пастбищами и скотом, сохраняла кочевой образ жизни. Переход к оседлости как следствие имущественной дифференциации, наблюдался во всех кочевых обществах евразийских степей⁷. Но более быстрыми темпами он шел в тех районах, где кочевники и земледельцы были близкими соседями. Именно таким районом являлась Фергана, где кочевые тюркоязычные пришельцы встретились с высокоразвитой городской культурой аборигенов, которым была подчинена вся экономическая жизнь области. Местное население составляло подавляющее большинство в городах Ферганы, в его руках находилась внутренняя и международная торговля, ремесла. Поэтому именно оно,

а не кочевники-тюрки, в руках которых сосредоточивалась политическая власть, определяло направление развития области. Влияние оседлой культуры было велико даже в таких окраинных районах Средней Азии, каким было Семиречье, где тюркское население преобладало над пришлым согдийским. Здесь также, по словам Кляшторного, «характер тюркско-согдийских отношений определялся не тюркскими каганами, а согдийскими дехканами. Под контролем согдийцев находилась вся экономическая жизнь каганата, включая денежную эмиссию»⁶.

В свою очередь, кочевники постоянно оказывали влияние на оседлое население. Одним из моментов этого влияния является варваризация культуры местного населения. Это явление лучше всего прослеживается в районах непосредственных контактов земледельцев и кочевников — в степных и предгорных районах Средней Азии. Одним из проявлений этого процесса было появление в гончарной продукции элементов, не свойственных ранее керамике земледельцев. В Фергане это ярче всего проявилось в памятниках, расположенных в северных предгорьях. Так, в Касане, являвшемся ставкой тюркского кагана, среди находок преобладала грубая лепная посуда⁷.

Под влиянием кочевников появились некоторые формы керамических изделий. Так, очевидно, прототипом глиняных кружек могла послужить серебряная или деревянная, точеная на токарном станке посуда этого типа, широко распространенная у кочевников⁸. Некоторые типы глиняной посуды могли возникнуть только в кочевой среде. Это, в первую очередь, относится к вычурным флягам, использовавшимся для перевозки воды и других жидкостей. Е. М. Пещерева считает, что сосуды этой категории были связаны с кочевым бытом. Сама их форма, удобная при транспортировке, подсказывает назначение и широкое распространение фляг в быту кочевого населения⁹.

А. М. Мандельштам разделяет мнение Е. М. Пещеревой. Он считает, что прототип этой формы следует искать в изделиях кочевников. По его мнению, прототипом керамических фляг послужили кожаные сосуды, широко распространенные в быту кочевого населения. А. М. Мандельштам обращает внимание на одну особенность набора керамических изделий в материалах из Бешкентских могильников, где большое место принадлежит широкодонным сосудам, сходным с теми, которые были распространены у кочевников северо-восточных областей Средней Азии (Семиречья и Тянь-Шаня)¹².

Употребление серебряной посуды, богато украшенной чеканкой, в X—XII вв. влечет за собой широкое распространение сероглиняной посуды, украшенной штампами, налечами. Оба вида орнамента также ведут свое происхождение от орнамента металлической посуды.

Некоторые сюжеты орнамента — симметричность узора, развитие в орнаментации линейных форм — А. Н. Бернштам связывал с влиянием кочевников. По его мнению, под влиянием резьбы по дереву, столь характерной у кочевников, распространяется резной орнамент по керамике¹³. Он считал, что и накладной орнамент на керамике также ведет начало от накладного орнамента на металлической посуде¹⁴. Овальные или круглые налечи со сложным штампованным орнаментом растительного или геометрического характера, украшавшие столовую посуду и столь широ-

ко распространившиеся в X—XII вв., исследователи сравнивают с бронзовыми бляшками тюркского поясного набора и конской узды¹⁵.

Через Фергану проходил один из торговых путей, соединявших Восточный Туркестан и Китай с Восточной Европой и Средиземноморьем. Торговый путь, пролежавший через Фергану, в Китайской хронике Цаньханьшу (история старшего дома Хань) назван северной дорогой, она «простиралась от местопребывания Чешиского владения подле северных гор по реке, идет на запад до Кашгара». «Северная дорога при переходе через Луковые горы (Памир) на запад ведет в Давань, Яньдай и Яньцы»¹⁶ и далее на запад. По этому пути шли караваны с китайским шелком в Византию. По этому пути с востока на запад и наоборот шли не только купцы, но буддийские и христианские миссионеры, дипломаты.

Фергана не только являлась посредницей в столь широкой торговле, но часто и сама выступала в роли активного торгового партнера. Предметом экспорта были изделия ремесленников и сельскохозяйственная продукция, продукция горнодобывающего промысла. Медь, железо, нашатырь, сурьма, поступавшие на внешний рынок из Ферганы, добывались в ее юго-западных предгорьях. Этот район стал центром металлообрабатывающего ремесла.

В Уструшанском городе Марсманда и соседнем с ним Мипке, размещавшихся в южных предгорьях Ферганы, производилось оружие, которое славилось далеко за пределами Средней Азии. В Марсманде была ярмарка, которую посещали купцы из многих стран.

Сведения о связях Средней Азии с Византией восходят к середине I тысячелетия н. э. Они становятся прочными в VI—VII вв., когда Средняя Азия объединяется под властью западнотюркского каганата. В этот период налаживается регулярный обмен посольствами между тюркским каганом и византийским императором. В состав посольств, видимо, входили и купцы. Об оживленной торговле Средней Азии и Византии свидетельствуют неоднократные находки византийских монет и брактиатов в различных районах Средней Азии. Монеты могли попасть в Среднюю Азию как военные трофеи. Известно, например, что эфталиты получили часть византийского золота от персидского царя Кавада за участие в походе 502 г. на Эдессу и Харан¹⁷. Имитации монет Юстина I и Юстиниана найдены в могильнике Астана в Синцзяне вместе с иранским и среднеазиатским шелком. Они попали в Восточный Туркестан через Среднюю Азию. Вполне вероятно, что путь их пролегал через Фергану. В самой же Ферганае известна пока одна находка подобного рода. Это — часть золотой индикации с погрудным изображением мужчины, помещенным на правой стороне индикации. На левой стороне видна часть другого изображения. Индикация была найдена в Андижане при строительных работах. Исследовавшая ее В. И. Козенкова сравнивает изображение с композицией на византийских монетах VI—середины XI в., где даны погрудные изображения императора и императрицы или наследника. В. И. Козенкова считает возможным датировать эту интересную находку VII—VIII вв.¹⁸ М. Е. Массон отмечает, что в пору серебряного кризиса в X—XII вв. в северных районах Средней Азии широко распространяются медные апомимные византийские монеты. М. Е. Массон писал, что подобные монеты были найдены и в Ферганае, но, к сожалению, не указывает место находки¹⁹.

В первой половине I тысячелетия н. э. связи Средней Азии с Индией были весьма прочными. Установлению прочных связей способствовало то обстоятельство, что эти области неоднократно включались в одни и те же государственные образования — сначала это была Кушанская империя, затем эфталиты и Тюркский каганат. Результатом этих связей явилось распространение в Средней Азии буддизма, а также искусства (скульптура и живопись), в сюжетах и стиле которых много общих черт с индийским искусством²⁰.

В ферганских памятниках неоднократно находили вещи несомненно индийского происхождения. Частыми находками в могильниках и на поселениях являются раковины каури, бусы из сердолика и коралла. Сведения о том, что Индия была экспортером коралла, есть в Хронике Бейши: «В Южной Индии есть город Фучеу, имеющий десять ли в окружности. Из этого города вывозят моншневые четки и красный коралл»²¹. Из Индии в Фергану попало бронзовое зеркало, обнаруженное в Карабулакском могильнике, имевшее ручку в виде жепской фигурки²². Из Индии в Фергану в середине I тысячелетия н. э. пришел буддизм. Именно этим временем датируются буддийский храм в Куве²³ и ступа в Керкидопском оазисе²⁴.

О далеких южных связях Ферганы свидетельствует также и находка в Кайрагаче ритонов с воронкообразным горлом и сфероконическим туловом, завершающихся высокой цилиндрической ножкой-сливом, над которыми находится изображение головы животного с длинными рогами — скорее всего, козули или горного козла. В Северном Афганистане, в могильнике *Seqt-Abād*, найден ритон сходной формы. Он, как и кайрагачские, имеет воронкообразное горло, сфероконическое тулово. Но он отличается от кайрагачских тем, что слив его слегка изогнут и завершается изображением головы быка. Эта афганская находка интересна еще и тем, что обнаружена она в комплексе с другими предметами, также находящими аналогию среди ферганских древностей. К ним относятся широкодонные горшки, украшенные прочерченным орнаментом. Р. М. Гиршман, исследовавший этот памятник, полагает, что могильник принадлежал эфталитам²⁵.

Другой ритон из Кайрагача также указывает на южные связи Ферганы. Он находит аналогию в Беграме. Он имел шаровидное тулово и округлое дно, на котором симметрично по отношению друг к другу располагались два слива, имитирующие головы, скорее всего, быков. Ритон из Беграма имеет форму небольшого широкогорлого кубшиничка с шаровидным туловом и округлым дном. На нем так же, как и на кайрагачском ритоне, сливы располагаются на дне сосуда. Один слив имел форму головы газели, другой — быка. Р. М. Гиршман сопоставляет эту находку с аналогичными предметами из Ирана ахеменидского времени. С другой стороны, он обращает внимание на сходство в оформлении слива ритона из Беграма с описанным выше ритонком из *Seqt-Abād*. Интересно отметить, что из того же слоя, в котором был найден беграмский ритон, происходят выючные фляги с плоским боком и почти конусовидной формы туловом, сходные с флягами из западноферганских могильников. Этот слой относится к периоду, который предшествовал разрушению Беграма эфталитами²⁶.

Первые сведения о Фергане китайцы, видимо, получили в конце II в. до н. э., когда эту область посетил Чжань Цянь, составивший подроб-

ное ее описание. Он, в частности, писал: «В Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до 100 дан. Жители любят вино, как их лошади любят траву му-су. Посланники вывезли семена и Сын Неба приказал и му-су, и виноград посадить на тучных землях»²⁷. «Давань, Дахя и Аньси суть большие государства, в которых много редких вещей. Там много редких вещей и в художествах довольно сходствуют с Средним царством. Имеют слабое войско и дорожат китайскими вещами»²⁸. С этого времени Фергану регулярно посещают китайские посольства и военные экспедиции. Устанавливаются культурные и торговые контакты. Свидетельства этих контактов есть как в самой Фергане, так и в Китае. Частыми находками в ферганских курганах являются китайские зеркала²⁹. В курганах и на поселениях неоднократно находили китайские монеты типа у-ши. В одном из курганов Карабулакского могильника найдена китайская шелковая ткань³⁰. Контакты Ферганы и Китая были взаимовыгодными. Китай был очень заинтересован в связях с Ферганой: в Китай вывозили знаменитых ферганских «небесных» лошадей³¹. От ферганцев китайцы научились выращивать люцерну и виноград. О тесных контактах этих двух областей можно судить и по распространению в Восточном Туркестане бытовой керамики, весьма сходной с ферганской. С. С. Сорокин обращает внимание на сходство распространенных в Хотане миниатюрных горшочков с ферганскими. Кубки с ручками, завершающимися изображениями животных, также сходны с ферганскими, но отличаются от последних большей реалистичностью изображений. Хотанские вазы на высоких ножках находят прямые аналогии в керамике из Карабулака³².

В Лоу-Лани, в частности в могильнике Астана, А. Стейном открыты погребения, сходные по конструкции с ферганскими подбойно-катакомбными захоронениями. В этих погребениях найдены сосуды, аналогичные ферганским: широкодонные горшки, кувшины. Из этих же курганов происходят алебастровые идолички³³. Б. А. Литвинский объясняет появление в Восточном Туркестане подбойно-катакомбных захоронений сарматским влиянием на культуру местных жителей этой области. Оно было опосредствовано Ферганой³⁴.

Некоторые исследователи полагают, что культурное воздействие Согда на Фергану можно отнести к середине I тысячелетия до н. э. Переселение больших масс согдийцев в Фергану относят ко времени похода Александра Македонского, когда согдийцы бежали на север и северо-восток после разгрома, который учинил Александр в Согде. Какая-то часть согдийцев, двигавшихся в Восточный Туркестан, могла осесть в Фергане. Однако это всего лишь предположения. Они пока еще не имеют никаких реальных вещественных доказательств. Видимо, основной поток согдийских колонизаторов направлялся на северо-восток, в Семиречье. Перенаселенная с древнейших времен Фергана, как совершенно правильно предполагал в свое время А. Н. Беряштан, не могла принять притока большого количества людей³⁵.

Реально о влиянии Согда на культуру Ферганы и о прочих контактах обеих областей можно говорить, видимо, только с середины I тысячелетия н. э.

Именно в это время в Фергане распространяются согдийское письмо и согдийский язык. Согдийские надписи были найдены в Мунчактепе и в Куве. С этого времени в Фергане распространяются керамические сосуды, находящие аналогии в согдийской керамической продукции. Из верхнего слоя городища Тагап происходит узкогорлый красноангобированный кувшин с длинным оттянутым сливом, напоминающий кувшины из Кафыр-Калы. В Касане³⁶ и на Чунтепе³⁷ найдены небольшие чаши с волнистым бортиком, сходные с согдийскими ложчатыми чашами.

Н. Н. Негматов обратил внимание на согдийские связи древней и раннесредневековой Уструшаны³⁸. Он указывает на этническую близость населения обеих областей и полагает, что уструшанцы говорили на согдийском языке, а, возможно, существовал и уструшанский диалект согдийского языка. Н. Н. Негматов попытался проследить черты сходства в экономическом развитии, в политической структуре Согда и Уструшаны, в духовной и материальной культуре обеих областей. Однако мне представляется, что утверждение Н. Н. Негматова можно принять только для горных районов Уструшаны, тяготевших к Зеравшану. В присырдарьинских же районах Уструшаны было более ощутимо влияние древнего Чача и Ферганы. Именно эти районы примкнули, как свидетельствуют китайские хроники, к соседней Давани (Фергане): «Восточное владение Цао еще называется Шуайдушана, Суйдуйшана, Кобугюйна и Судучжпин — всего четырьмя именами. Это место при старшей династии Хань принадлежало городу Эрши».³⁹ О тесных контактах северных районов Уструшаны и Ферганы в первой половине I тысячелетия н. э. свидетельствует большое сходство предметов материальной культуры обеих областей, особенно керамики.

Северо-западным соседом Ферганы (Давани) был Кангюй: «Кангюй лежит почти в 20000 ли от Давани на северо-запад», и далее: «Кангюй смежен с Даванью»⁴⁰. Это была область, с которой у Ферганы были наиболее прочные и длительные хозяйственные и культурные контакты, способствовавшие тому, что в Западной Фергане развивалась своеобразная культура, в которой, с одной стороны, прослеживаются черты сходства с культурой Центральной и Восточной Ферганы, а с другой — ярко проявляется сходство с культурой населения среднего течения Сырдарьи. Это сходство хорошо подтверждается сведениями древних авторов и археологическими данными: «Хотя на запад от Давани до Аньси государства достаточно различаются по языку, все же во многом сходны в обычаях и взаимно понимают речь»⁴¹. Истоки этих связей уходят в глубокую древность. Со II тысячелетия до н. э. из степных присырдарьинских районов в земледельческую Фергану начинают перемещаться кочевники⁴², воспитатели андроновской культуры. В Северо-Западной и Центральной Фергане известны памятники этой культуры. В Ташкентском же оазисе обнаружена расписная керамика, сходная с керамикой чустской культуры Ферганы⁴³. Но наиболее отчетливыми результатами этих контактов становятся в первой половине I тысячелетия н. э. Связи Ферганы с древним Чачем и влияние культуры Кауничи на древнюю культуру Ферганы отмечали В. Ф. Гайдукевич⁴⁴, А. Н. Бериштам⁴⁵, Т. Г. Оболдуева⁴⁶, Ю. А. Заднепровский⁴⁷, Н. Г. Горбунова⁴⁸, В. И. Козенкова⁴⁹. Наиболее полно эта проблема освещена в работах Б. А. Литвинского⁵⁰.

Исходными данными для рассмотрения этого вопроса послужили откры-

тия в ферганских курганах захоронений, сходных с ташкентскими устройством могилы и составом погребального инвентаря. Захоронения совершались в катакомбах, в которые вел дромос, или же в подбоях. В погребениях и ташкентских и ферганских могильников ставили кувшины без ручек, фляги и другие сосуды.

Отдельные черты сходства с культурой Каунчи прослежены в керамике из Центральной Ферганы. Это, в первую очередь, кружки и миски с ручками, завершающимися изображенными головами животных, чаще всего баранов⁵¹. Наиболее ярко и полно связь с древним Чачем выявляются в материалах из Юго-Западной Ферганы. Дело в том, что в Кайрагаче впервые получена большая и компактная группа материалов, характеризующая культурные связи района с Чачем. Из Кайрагача происходит серия керамики, в которой помимо чисто ферганских сосудов есть большая группа посуды, обнаруживающая сходство только с керамикой района Ташкента и Средней Сырдарьи, причем именно эта группа составляет подавляющее большинство находок из Кайрагача. Она включает широкодонные кувшины с носиками и без носиков, широкодонные горшки, фляги с уплощенным боком. Аналогичные сосуды найдены на городище Актобе II в районе Чардары⁵². Есть они также и среди находок с городищ Илака⁵³. На городище Кеңдыктепе найден ритон, сходный по форме с кайрагачскими сфероконическими ритонами, но в отличие от кайрагачских лицевой изображения животного над сливом. Верхняя часть его тулова украшена росписным орнаментом в виде заштрихованных треугольников⁵⁴. В Кайрагаче же есть один миниатюрный сосудик, украшенный точно такой же росписью, выполненной буро-красной ангобной краской. Интересно отметить, что небольшие сосудики, аналогичные по форме кайрагачским и украшенные такой же росписью, обнаружены в районе Ташкента⁵⁵.

В Кайрагаче найдены пять курильниц. Все они имеют высокие цилиндрические ножки с плоским круглым основанием, на середине высоты ножки — подтреугольный в сечении валик. Полушарные резервуары четырех курильниц завершаются трехступенчатыми выступами. В бассейне Сырдарьи и прилегающих районах курильницы на высоких ножках встречены неоднократно. В частности, они есть в коллекциях из Актобе I и в Шаушукумском могильнике⁵⁶. Найдены они на городище Тункет в Чач-Илакском бассейне⁵⁷. В Приаралье курильница на высокой ножке, найденная на Джетыасаре, имеет резервуар, оформленный конусовидными выступами⁵⁸. Есть такого рода находки и на так называемых «болотных» городищах Приаралья⁵⁹. Однако курильницы из Кайрагача имеют одну существенную деталь, которая отличает кайрагачские находки от всех известных курильниц: их резервуары увенчаны ступенчатыми выступами, имитирующими хорошо известную по раскопкам в Ташкенте⁶⁰, Акбешиме⁶¹ архитектурную деталь — так называемые зубчатые кирпичи.

Из Кайрагача происходят подставки, которые обнаруживают сходство с подставками из поселения Актобе I и поселения Каунчитепе⁶². Они имеют форму прямоугольного бруска, концы которого завершаются конусовидными выступами. К этому типу принадлежит основная масса находок из Кайрагача. Только в трех случаях конусовидные выступы завершаются изображениями голов баранов. Помимо Западной Ферганы и района Ташкента одна такая подставка найдена на городище Кызыл-Кыр в районе

Бухары. Но и здесь она найдена в комплексе с керамикой, сходной с керамикой из Присырдарьинского района⁶³.

В Фергана первой половины I тысячелетия н. э. к числу редких находок принадлежат монеты. Основная их масса китайского происхождения. Это так называемые монеты у-ши. Их находили как в могильниках, так и на поселениях.

В Кайрагаче одна монета найдена в святилище. Она в числе других предметов была помещена в мешочек. Монета представляет собой небольшой кружочек диаметром 1,5 см, край ее обрезан неровно. На аверсе изображена голова правителя, повернутая вправо. Хорошо виден глаз и длинные волосы, перехваченные над лбом диадемой. На реверсе — тамга в виде разомкнутого овала, от которого отходят три уса с загнутыми концами (два внизу и один наверху, загнут влево). Вокруг тамги (по самому краю) — отдельные знаки легенды. Монеты этого типа находили и в Ташкентском оазисе — на городище Канка⁶⁴, в Дальверзине⁶⁵. Монеты с подобными знаками встречались в Хорезме⁶⁶. С. П. Толстов обратил внимание на сходство тамг на хорезмских монетах с сармато-аланскими тамгами. Он полагал, что это сходство не случайно. Оно отражает, по его мнению, реальную «не только этнографическую, но и политическую связь» между хорезмскими сиявушидами и сармато-аланами Причерноморья⁶⁷.

На многих сосудах из Кайрагача (как на хумах, так и на кувшинах и горшках) имелись прочерченные знаки, сходные в ряде случаев с династийными знаками монет Согда, Уструшаны и Чача. В то же самое время на сосудах из Чач-Илакского района есть тамги, аналогичные Кайрагачским.

Как уже отмечалось, из Кайрагача происходят 12 скульптур, представляющих собой поясные изображения людей, являющихся атрибутами местного культа. Антропоморфные изображения местных узколокальных богов найдены на обширной территории от Восточного Туркестана на востоке до Закаспия на западе и от Припаралья на севере до Афганистана на юге. Но скульптуры из Ферганы, в частности из Кайрагача, стилистически сходны лишь с одной группой находок, происходящей из памятников Средней Сырдарьи⁶⁸. Эти фигурки, как и кайрагачские, имеют сильно вытянутые вверх головы со скошенными лбами, миндалевидные глаза и длиннее с горбилкой носы. Создается впечатление, что скульптуры передают облик людей одной этнической группы, которой была свойственна деформация черепа.

Итак, Фергана постоянно вступала в культурные и экономические контакты с ближними и дальними соседями. И если находки монет указывают на направление торговых связей, то бытовой инвентарь, в частности керамика, свидетельствует о том, что связи Ферганы и населения района среднего течения Сырдарьи были прочными. Это же подтверждается и распространением на обширной территории одинаковых погребальных сооружений и сходного погребального обряда.

Очевидно, обширная область, включавшая среднее и нижнее течение Сырдарьи и Западную Фергану, представляла собой в середине I тысячелетия н. э. единый историко-культурный регион.

- ¹ Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1876.
- ² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.
- ³ Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.— МИУТТ, 1932, вып. 3, ч. 1.
- ⁴ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии.— СЭ, 1947, № 6/7, с. 157.
- ⁵ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 38—48.
- ⁶ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник.— Изв. КиргССР. Сер. обществ. наук, 1961, вып. III (3); Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- ⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 199; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1966, с. 20.
- ⁸ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964, с. 133.
- ⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26, с. 241, рис. 100.
- ¹⁰ Маршак В. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику в VII—VIII вв.— ТГЭ, 1961.
- ¹¹ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1956.
- ¹² Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с. 134, 135.
- ¹³ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 153.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Козенкова В. И. Гончарная печь из Хижа.— СА, 1958, № 3, с. 220—221; Gardin J. C. La céramique et Mollais de Lasckkary Bazar et Bust.— MDAFA, 1963, vol. 18, p. 33—35.
- ¹⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 2, с. 170.
- ¹⁷ Сводку этих находок см. в работе: Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики.— Тр. САГУ (История). Нов. сер., 1951, вып. 23. Гуманитарные науки, кн. 4; Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (в свете данных русской археологии).— ПВ, 1960, № 5.
- ¹⁸ Козенкова В. И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии.— СА, 1967, № 1.
- ¹⁹ Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии..., с. 103.
- ²⁰ Беленицкий А. М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье.— КСИА, 1966, вып. 98; Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии...
- ²¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... т. 2, с. 267—268.
- ²² Баруздин Ю. Д., Подольский Л. Г. Бронзовая женская статуэтка из Карабулакского могильника.— КСИА, 1965, вып. 86.
- ²³ Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972, с. 51 и сл.
- ²⁴ Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков н. э.: (Некоторые итоги исследования).— СА, 1973, № 3, с. 115.
- ²⁵ Ghirshman R. Les Chionites — Hermites. Le Caire.— MDAFA, 1948, t. 13.
- ²⁶ Ghirshman R. Begram. Recherches archéologiques sur les kouchans.— Le Caire, MDAFA, 1946, t. 12.
- ²⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 161.
- ²⁸ Там же, с. 153.
- ²⁹ Гайдукович В. Ф. Могильник близ Ширин-сал в Узбекистане.— СА, 1952, № 16; Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962; Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, с. 65; Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник.— Изв. АН КиргССР. Сер. общества. наук, 1961, т. 3, вып. 3. История, с. 65.
- ³⁰ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник, с. 87.
- ³¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 162.
- ³² Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960, с. 35.
- ³³ Stein A. Innermost Asia. Oxford, 1928, vol. II, p. 651; Stein A. Innermost Asia, 1935, vol. 3, t. 45.
- ³⁴ Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы.— В кн.: История и культура Средней Азии. М., 1976, с. 55.
- ³⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки...
- ³⁶ Там же, с. 41.

- ³⁷ Горбунова Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы.— УСА, 1979, вып. 4.
- ³⁸ Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и раннем средневековье.— Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968.
- ³⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 312.
- ⁴⁰ Там же, с. 150, 186.
- ⁴¹ Кюнер Н. В. Китайские новости о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- ⁴² Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961.
- ⁴³ Бураков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса: (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с. 189.
- ⁴⁴ Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане.
- ⁴⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки...
- ⁴⁶ Обалдуева Г. Г. Отчет о работах третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.ТИАИ АН УзССР. Ташкент. 1950, т. 4.
- ⁴⁷ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118; Он же. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960.
- ⁴⁸ Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской долины: (К истории культуры Ферганы).— СА, 1979, № 3, с. 31; Она же. Керамика поселений Ферганы первых веков н. э.— ТГЭ, 1979, т. 20, ч. 2, с. 141.
- ⁴⁹ Козенкова В. И. Гайрат-тепе.— СА, 1964, № 3.
- ⁵⁰ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района; Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангуйской проблемы.— СА, 1967, № 2; Он же. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы, с. 55.
- ⁵¹ Козенкова В. И. Гайрат-тепе.
- ⁵² Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардарьи. Алма-Ата, 1968, рис. 19—21; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.— Тр. ХАЭЭ, 1971, т. VII.
- ⁵³ Бураков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, с. 131, рис. 47, 32.
- ⁵⁴ Древности Тулбугуза. Ташкент, 1978, с. 110, рис. 19.
- ⁵⁵ Хранятся в Государственном музее истории народов Узбекистана.
- ⁵⁶ Древности Чардарьи, рис. 20, 25.
- ⁵⁷ Фонды Государственного музея истории народов Узбекистана.
- ⁵⁸ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи, с. 187, рис. 15.
- ⁵⁹ Там же, с. 81, рис. 20, 80, 84.
- ⁶⁰ Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.).— Тр. ИИА АН УзбССР. Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент, 1948, т. 1; Он же. Согд и Чач.— КСИИМК, 1950, вып. 33, табл. 69; 21, 18, с. 184, рис. 71, 9.
- ⁶¹ Кыласов Л. Р. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим.— СА, 1953, № 3; Он же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг.— Тр. ХАЭЭ, 1959, т. 1, с. 233.
- ⁶² Григорьев Г. В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, с. 26; Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры Ташкентского канала.— Изв. Узб. фил. АН СССР, 1940, № 9; Он же. Согд и Чач, рис. 69, XVII.
- ⁶³ Нильсен В. А. Кызыл-Кырг (результаты раскопок 1955 г.).— ИМКУ, 1955, вып. 1, с. 72, 73.
- ⁶⁴ Бураков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса, с. 189; Абдуллаев К. Археологическое научение городища Канка. 1969—72 гг.— ИМКУ, 1975, вып. 12, с. 134.
- ⁶⁵ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—31 гг. Ташкент, 1933.
- ⁶⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 184—185.
- ⁶⁷ Там же, с. 184.
- ⁶⁸ Сводка находок антропоморфных изображений дана в работах: Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э.; Она же. К вопросу об антропоморфных изображениях в джегъясарской культуре.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Заключение

Исследуемая область занимает территорию, которая простирается с востока на запад более чем на 250 км, а с юга на север — на 80—100 км. Рассеченная горными хребтами, она включала ряд ландшафтных и климатических зон. Различие природных условий способствовало тому, что в каждой из них складывался свой тип хозяйства, намечалась специализация хозяйственной деятельности отдельных микрорайонов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют судить о том, что в районе сложился особый хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев, в хозяйственной деятельности которых значительное место принадлежало скотоводству. В зависимости от природных условий в различных микрорайонах развиваются разные виды хозяйства.

В земледелии южной части района большую роль играли посевы зерновых культур, в стаде преобладал крупный рогатый скот. В северной части района в зоне низких предгорий, куда входили долина р. Ходжа-Бакырган, Моргунская впадина, наряду с посевами зерновых развивалось и огородничество. В стаде преобладали овцы и козы.

Ведущая форма хозяйства — орошаемое земледелие, и, естественно-географические условия определили образ жизни населения региона, особенность материальной культуры, характер расселения, типы жилищ. Горный рельеф обусловил большое своеобразие топографии поселений района. С древнейших времен характерным типом расселения здесь были отдельно стоявшие дома, усадьбы и неукрепленные поселки. Они располагались в узких долинах и обширных межгорных впадинах, на высоких надпойменных террасах, оставляя незапаятыми земли, пригодные для возделывания. Уже в первые века н. э. формируется топография земледельческих оазисов, в которых выделяется ряд крупных поселений, ставших центрами микрорайонов. Как показали исследования Н. Н. Негматова, в районе Ходжента и Западной Ферганы существовали защитные пояса, ограждавшие отдельные микрорайоны. Один такой пояс, сооруженный, по мнению Н. Н. Негматова, в античную эпоху, отмечен в районе Канибадама¹. Другой вал находился в Исфанинской впадине, в 4 км к западу от Карабулакского городища². В узких горных долинах в фортификационных целях искусно использовался рельеф местности. Кроме того, поселения располагались таким образом, что контролировали значительные участки долин, создавая сложную систему оборон.

Сравнительно широкий хронологический диапазон добытых раскопками материалов позволяет проследить динамику развития оседло-земледельческой культуры в районе. Заселение района началось в середине I тысячелетия до н. э., наиболее интенсивно оно шло в первые века н. э. К этому времени относятся многочисленные могильники и поселения, о на-

личии последних можно судить в основном по отдельным находкам керамики. Как показали исследования Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского в Калаиболо³ и наши исследования в Карабулаке, Тагопе и Актепе⁴, слои этого периода оказались разрушенными или перекрытыми более поздними постройками. Среди памятников количественно преобладают могильники (рис. 1, карта). В ряде случаев, как мы наблюдали в долине р. Ходжа-Бакырган, могильники располагаются в непосредственной близости от поселений. Они насчитывают от 50 до 1500 курганов. Самые крупные из известных в районе — Карабулакский и Тураташский могильники в Баткенской котловине.

Наивысший расцвет оседло-земледельческой жизни относится к середине I тысячелетия н. э. Именно этим временем датируется большая часть известных в настоящее время поселений.

Во второй половине I тысячелетия н. э. происходит резкое сокращение поселений. На большинстве из них жизнь прекращается. Слои IX в. отмечены только в Тагопе, а X—XII вв. — в Карабулаке, где в это время был крупный ремесленный центр, на поселения к северо-западу от кишлака Моргун и в Белес-Маазаре. В Баткенской котловине жизнь продолжалась только на городище Бужум. Сокращение поселений — не локальная особенность юго-западных предгорий. Как показали исследования А. Н. Бернштама, жизнь затухает на многих поселениях. А. Н. Бернштам был склонен объяснять этот процесс внутренними причинами социально-экономической жизни области: бурным ростом городов и формированием феодальных центров за счет отмирания мелких поселений⁵.

Распределение населения не было равномерным по всей территории района. Наибольшая концентрация земледельческого населения отмечена в бассейнах основных водных артерий: Ходжа-Бакырган, Аксу, Исфара. К периферии оазисов плотность населения ослабевает. Значительные площади области заняты безводными плато. Они оказались совершенно незаселенными. Наиболее полно изученной в настоящее время является долина р. Ходжа-Бакырган. Здесь известны три крупных поселения и три могильника, располагающиеся в непосредственной близости от поселений. Самым ранним было, видимо, поселение, занимавшее четыре площадки на правом берегу реки, к югу от кишлака Андархан. Судя по подъемному материалу (большие лепные полусферические чаши, большие тонкостенные гончарные блюда, обломки тонкостенной красноангобированной посуды), жизнь на поселении протекала в первые века н. э.

Ниже по реке, на ее правом берегу, в центре кишлака Бешкент (Тагоб), находилось крупнейшее в долине поселение. О границах его судить в настоящее время невозможно, поскольку все оно, за исключением небольшого останца, занято современными постройками и садами. Но находки, сделанные в удаленных от останца местах, позволяют предположить значительные размеры поселения. На поселении открыты обширные помещения, являвшиеся, очевидно, частью какой-то общественной постройки. Местными жителями при строительных работах обнаружено захоронение девочки, совершенное в хуме. Наиболее ранними находками являются фрагменты тонкостенной красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом. Они позволяют датировать первоначальный период первыми веками н. э. Жизнь на поселении не прекращалась до IX в. Затем

наступил длительный перерыв. Судя по находкам отдельных фрагментов поливной керамики, жизнь на поселении возобновляется в XIV—XV вв. В конце XIX — начале XX в. Тагоб являлся одним из крупнейших кишлаков в долине. Здесь находился центр Бешкентского экономического района, сложившегося в начале XX в.⁶ Тагоб был также и административным центром Бешкентского сельского общества Чапкульского уезда. В нем находился базар, который обслуживал население близлежащих кишлаков Бешкентского общества. Им пользовались также жители сравнительно удаленных кишлаков Исфанинской волости⁷. Можно предположить, что и в первой половине I тысячелетия н. э. поселение, расположенное в Тагобе, было центром района. Об этом свидетельствуют его значительный размер и наличие общественного здания.

Ниже по реке, в 13 км от Тагоба, находится еще одно крупное поселение, занимающее высокую террасу на левом берегу р. Ходжа-Бакырган. В 2 км от поселения находится могильник, который занимает восемь площадок рассеянной глубокими оврагами высокой террасы. Кайрагачский комплекс наиболее изученный в районе, а материалы, полученные при раскопках поселения и могильника, представляют наибольшую научную ценность, поскольку позволяют решить ряд общ исторических проблем не только для изучаемого района, но и для Ферганы в целом. Находки свидетельствуют о том, что в Кайрагаче мы имеем дело не с рядовым земледельческим поселением, а с крупным центром, игравшим заметную роль в культурной и духовной жизни района. И если административный и экономический центр региона находился в Тагобе, то в Кайрагаче, как показало открытие здесь культового комплекса, был культовый центр области.

Комплекс помимо святилища, в котором стояли изображения богов, включал еще ряд комнат с суфами вдоль стен и обширный двор с водоемом в центре. Он занимал значительную площадь и мог вместить большое количество молящихся. В усадьбе обнаружено огромное количество бытовых предметов и особенно керамических сосудов, среди которых значительное место занимают хумы — сосуды для хранения продовольственных запасов. На многих хумах имеются прочерченные по сырой глине разнообразные знаки. Есть также и изображения, нанесенные штампом. В одном случае — это отпечаток пряжки с прямоугольным щитком и овальным преемником, в остальных — овал или кружок, в котором заключено изображение животного или растения. Прочерченные знаки весьма разнообразны. Они, как правило, не повторяются. Исключение составляет ромб с отростками-усами. Некоторые знаки сходны с монетными тамгами. К ним относятся знаки в виде кружка с отходящими от него загнутыми отростками-усами: два отростка в верхней части, один — в нижней; разомкнутые овалы с загнутыми концами и одним отростком-усом, идущим от нижней линии овала, лямбдаобразные знаки в виде перевернутой буквы «у». Такие тамги известны по монетам чачского чекана⁸; они отмечены на монетах Уструшаны⁹ и ранне-средневекового Согда¹⁰. А. М. Белецкий, анализируя знаки на педжикентских хумах, отметил их сходство с династийными тамгами на согдийских монетах¹¹. На основании этого он сделал вывод, что знаки на сосудах являются знаками владельцев сосудов. Другие знаки, не находящие аналогии среди монетных тамг, также принадлежат знатым особам. Большая часть педжикентских сосудов со знаками происходит из храмов.

А. М. Беленицкий высказал интересную мысль о том, что хумы со знаками с каким-то содержимым являлись приношением храму от отдельных лиц, в том числе и от царских особ. Дарившие отметили дары собственными знаками¹⁴. Может быть, и кайрагачские хумы можно рассматривать как приношения храму. Судя по многочисленности и разнообразию знаков на сосудах, круг дарителей был весьма широк. К сожалению, знаки на ферганских сосудах нам мало известны и поэтому сопоставление кайрагачских знаков со знаками из других ферганских памятников не представляется возможным. Но зато кайрагачские знаки имеют многочисленные аналогии среди материалов из района Ташкента¹⁵. Уже отмечалось сходство кайрагачских знаков с некоторыми знаками из Пенджикента. Все это заставляет предположить, что изображения богов, находившихся в кайрагачском комплексе, чтислись населением обширной области.

Для понимания сложных процессов, протекавших в области, большое значение приобретает сопоставление материалов из поселений и могильников. Кайрагачский могильник является одним из наиболее полно изученных в районе¹⁶. Анализ материалов из захоронений позволил проследить динамику сложения могильника. Раскопки, проведенные на II, IV, V и VI площадках могильника, показали, что курганы II и IV групп отличаются от курганов V и VI групп как составом погребального инвентаря, так и конструкцией погребальных сооружений. Захоронения под курганами V и VI групп совершены, видимо, в I—III вв. н. э. В пользу этой даты говорят находки трехлопастных наконечников стрел с опущенными жалцами. Курганы II и IV групп по сходству инвентаря захоронений с материалами из усадьбы могут быть датированы V—VI вв. н. э.

Материалы из Кайрагача важны для понимания принадлежности могильников, расположенных в предгорных районах Ферганы. То обстоятельство, что в могильнике захоронения совершены под курганами в катакомбах или подбоях — погребальных сооружениях, присущих кочевникам, казалось бы, заставляет считать, что могильник принадлежал кочевому населению. Однако анализ материалов из курганов показал, что могильник следует связывать все же с оседлым населением. В этом убеждает нас состав погребального инвентаря — большая часть посуды из курганов изготовлена на гончарном круге и отличается высоким качеством. Среди посуды есть формы, совершенно не пригодные при кочевом образе жизни. Это — тонкостенные большие кувшины, чаши. Вторым не менее важным обстоятельством является то, что в закладке катакомб использовали длинномерный сырцовый кирпич тех же пропорций и размеров, что и в усадьбе. И, наконец, обращает на себя внимание топография долины. Кайрагачский могильник, как и другие могильники в долине р. Ходжа-Бакырган, расположен в непосредственной близости от поселения. Это обстоятельство, а также отмеченное выше сходство керамики из поселения и из могильника, заставляют думать, что могильник принадлежал оседлому населению, жившему на поселении, расположенном на окраине кишлака Кайрагач.

На сходство материалов из поселений и могильников обращалось внимание неоднократно. Еще В. Ф. Гайдукевич, исследовавший Ширинсайский могильник, отмечал сходство материалов из могильника и из нижних слоев расположенного рядом с могильником городища Мунчак-

тепе¹⁵. Он отмечал синхронность этих памятников и полагал, что она являются единым культурно-историческим комплексом.

Позже об этом сходстве говорили неоднократно С. С. Сорокин¹⁶ и Б. А. Литвинский¹⁷. Первый объяснял сходство в керамике импортом посуды из городских центров в кочевую среду. Второй считает, что между населением, оставившем поселения и могильники, существовала органическая связь.

Анализ всей совокупности материалов показал, что в области развивалась очень высокая и самобытная культура. Но отдельные ее элементы свидетельствуют о контактах населения области с соседними регионами. Культурные связи населения района с населением среднего течения Сырдарьи, наметившиеся еще в эпоху бронзы, наиболее ярко проявились в первой половине I тысячелетия н. э. Они имели свое продолжение и в XI—XII вв. Установлению контактов во многом способствовала хозяйственная специализация района, стимулировавшая развитие торговли. Сближению обеих областей во многом способствовала общность исторических судеб их народов. Обе области неоднократно входили в состав обширных государственных образований. Длительные и тесные контакты привели к тому, что в обеих областях складываются общие этнографические черты — типы и орнаментация посуды, орудия труда, предметы украшения и туалета и другие. Все это дает основание считать, что оба региона — бассейн среднего течения Сырдарьи и Западная Фергана — уже к середине I тысячелетия н. э. входили в одну историко-этнографическую область, на территории которой протекали сложные культурно-исторические и этнографические процессы.

¹ *Несмагов Н. Н.* Ходжент и Уструшана в древности и средневековье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968, с. 14.

² *Брыкина Г. А.* Карабулак. М., 1974, с. 117.

³ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.

⁴ *Брыкина Г. А.* К истории земледельческого населения юго-западной Ферганы в VI—XII вв. — КСИА, 1970, вып. 122.

⁵ *Бернштам А. Н.* Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 249.

⁶ *Турсунов Н. О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе, 1976.

⁷ *Лыкошин.* Чапкульская волость Ходжентского уезда: Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1906, вып. 8.

⁸ *Буряков Ю. Ф.* Историческая топография древних городов Ташкентского

оазиса. Ташкент, 1975, с. 189; *Абдуллаев К.* Археологическое изучение городища Капка в 1969—1972 гг. — ИМКУ, 1975, вып. 42, с. 134; *Массон Н. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг. Ташкент, 1933.

⁹ *Смирнова О. И.* Первые монеты на Уструшане: (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21.IV 1969). — ЗВ, 1970, № 20.

¹⁰ *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

¹¹ *Беленицкий А. М.* Археологические заметки. — Изв. ООИ ТаджССР, 1957, вып. 14; *Смирнова О. И.* О двух группах монет владетелей Согды. — Изв. ООИ ТаджССР, 1957, вып. 14; *Она же.* Каталог монет с городища Пенджикент.

¹² *Беленицкий А. М.* Археологические заметки, с. 14—15.

¹³ *Максимова А. Г., Мерицес М. С., Вайнберга Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследо-

- вания в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1963, с. 61, рис. 26.
- ¹⁴ Брыкина Г. А. Могильник у с. Кайрагач (Южная Киргизия).
- ¹⁵ Гайдужевич В. Ф. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане.— СА, 1952, № 18, с. 354—355.
- ¹⁶ Сорокин С. С. Культура древних ско-

- товодов в предгорьях Ферганы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958.
- ¹⁷ Литвинский Б. А. История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья: (В свете раскопок памиро-ферганских могильников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Состав стада поселений Кайрагач и Тогоп *

Виды животных	Кайрагач	Тогоп	Виды животных	Кайрагач	Тогоп
Мелкий рогатый скот	2291/152	284/29	Джейран	7/5	
Крупный рогатый скот	764/42	58/6	Собака	2	2/1
Лошадь	216/35	47/5	Олень	3/2	3/1
Осёл	123/18	1	Кошка	7	
Свинья	16/7		Лисица	18/2	
Верблюд	5/2		Птица		1
			Количество костей	3450	373
			» особей	265	43

* Определения выполнены В. П. Данильченко.

Приложение 3
Отпечатки тканей на днищах сосудов *

Шифр	Тип переплетения	Плотность (количество нитей в 1 см)	Толщина нитей, мм	Примечание
1969 № 229	Полотняный	9×9	0,9	Натяжение утка и основы равномерны
1969 П1	То же	9×10	0,8	То же
1969 П1	»	3×8	1,2	Основа натянута слабее утка
1969 П1	Репс	2×12	0,8—1	Уток перекрыт основой
1969 П1	То же	3,5×18	0,7—0,8	То же
1969 П1	»	2,5×18	0,7—0,8	»
1969 П1	»	2,5×18	0,7—0,8	»
1969 П1'	»	2,5×18	0,7—0,8	»
1972 П7 № 38	»	1×16	0,9	Уток в три нити
1969 П1	»	3,5×16	0,8	»
1969 П1	»	2,5×16	1,0	»
1969 П1	Полотняный	4×5	1,2	»
1977 П 36	То же	7×12	0,5—0,7	»
1977 П 36	Репс	2,5×10	0,8	»
1977 П 36	То же	3×18	0,8	Уток в две нити

* Анализ проведен И. Л. Чернаем.

Результаты анализа материалов из поселения Кайрагач*

Пряслица	Шифр	Диаметр	Высота	Диаметр отверстия	Форма	Следы работы
Глиняные крупные диаметром более 40 мм, высотой более 30 мм	№. 1972	70	40		Цилиндрическая Биконическая	Отсутствует То же
	№ 15 1972	65	40	7,5—8		
	П 31 1975	48	34	7—8	То же	»
	П 8 1974	48	36	7—8	»	Потертость от веретена
	Л 36 1977	52	30	8—9	Округло-коническая	То же
	П 1 1963	47	48	8—9	Биконическая	»
Глиняные средние диаметром 30 мм, высотой 20—29 мм	№. 1972	30	25	3,5—4	То же	» » » »
	№ П 1 1970	35	22	3,5—4	»	
	№ Л6 Бал 15 1976	34	27	5,5	»	
	№ Л6 1971	34	25	5,5	»	
	№ П30 1975	34	27		Округло-коническая	Края отверстия с острыми кромками
	? № П14 1976	35 36	23 25	5 4	Коническая	То же » »
Глиняные мелкие диаметром 30 мм или высотой менее 20 мм	№ П81 1972	28	14	4—6	То же	» » »
	?	25	20	6,5	Округло-коническая	
	?	27	18	4—5	Округло-цилиндрическая асимметричная	
	№ Л36 1975	24	20	3,4—4	Биконическая	Слабые следы нити На торце и боковой стороне — потертость
	? 1977	25	22	4—4,5		
	№ Л6 1976	27	25	6—6,5	Коническая	То же » »
	№ П26 1975	22	21	3,5—4		
	?	28	15	3—3,5		
Камеиные	№ ?	44	7	7	Округло-цилиндрическая	Мраморные Слабые следы нити
	№ ?	32×38	8	5,5	То же	
	№ П16 1972	30	20		»	Следы нити в отверстии с двух сторон
	№ 1977	60	8	10	Из стенки сосуда	То же

* анализ проведен И. Л. Чернаем.

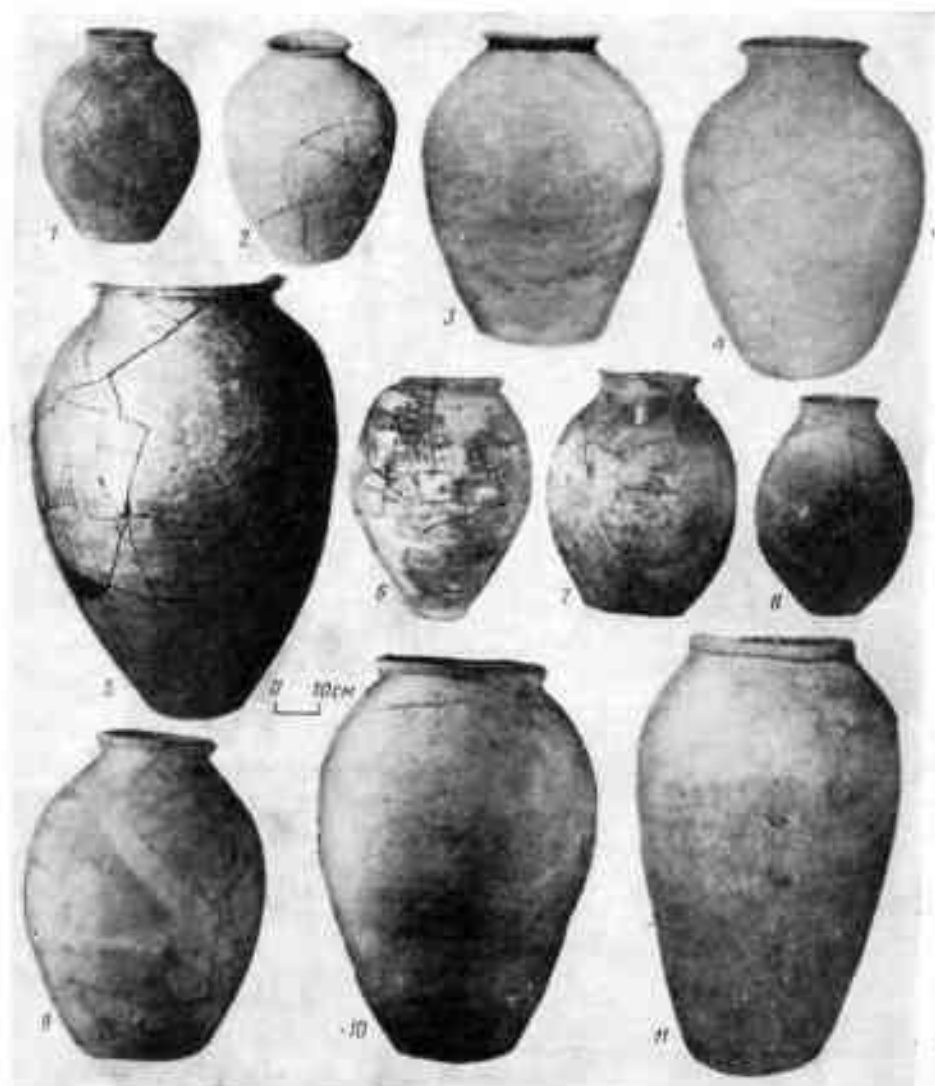

Табл. 1. Кайрагач. Хумы

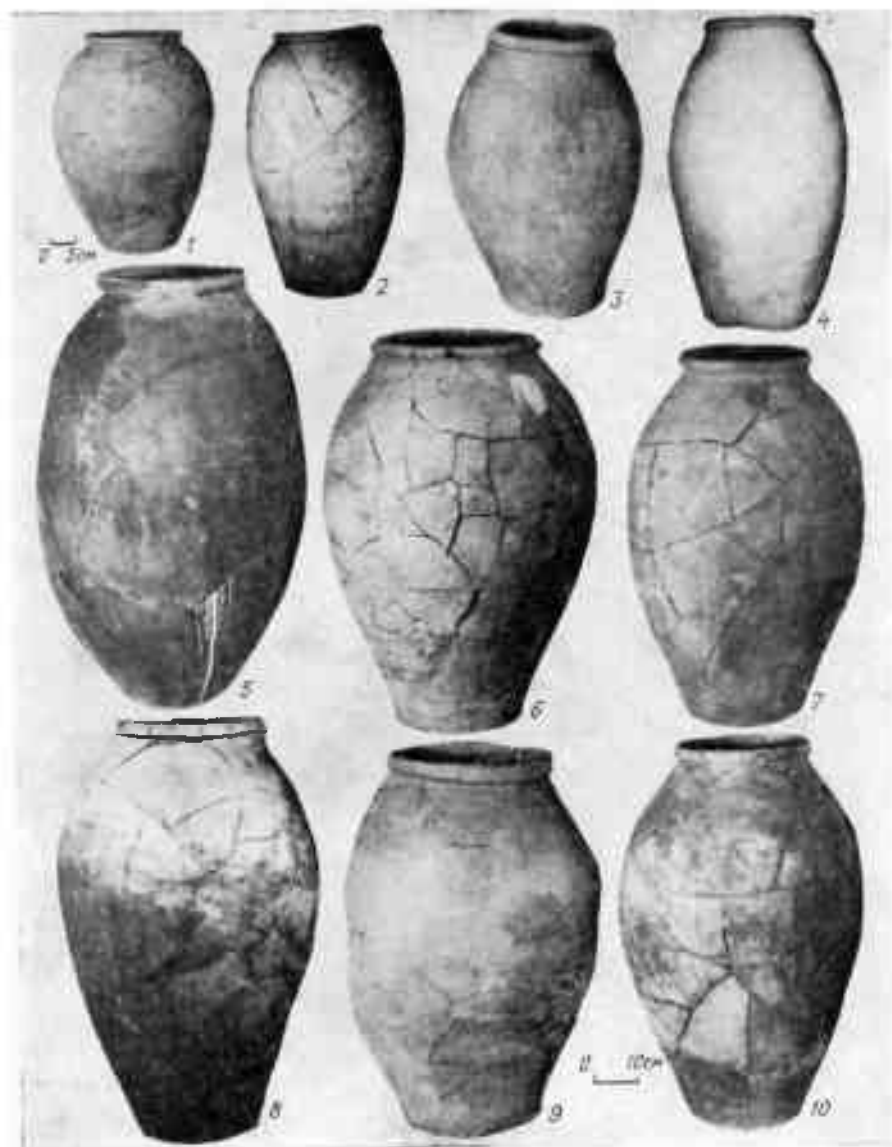

Табл. 2. Кайрагач. Хумы

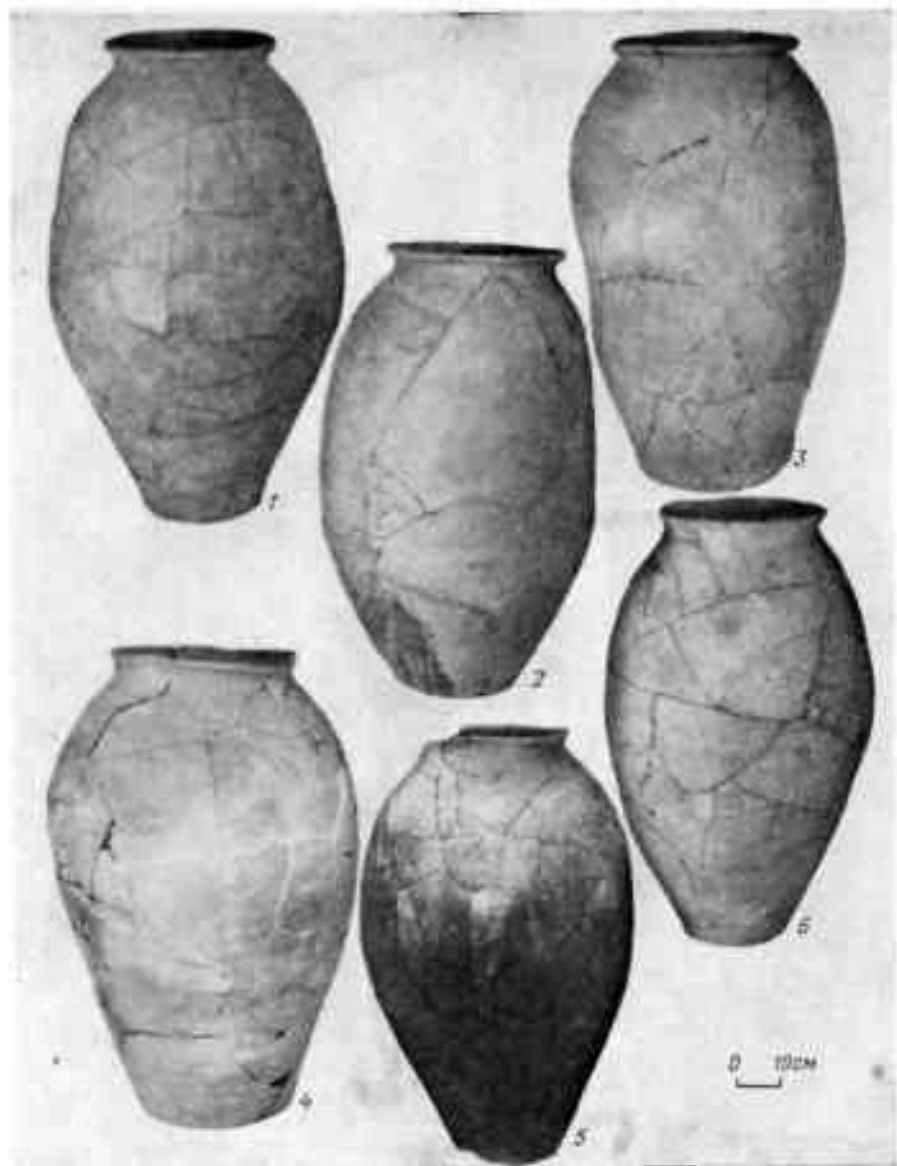

Табл. 3. Кайргач. Хумы

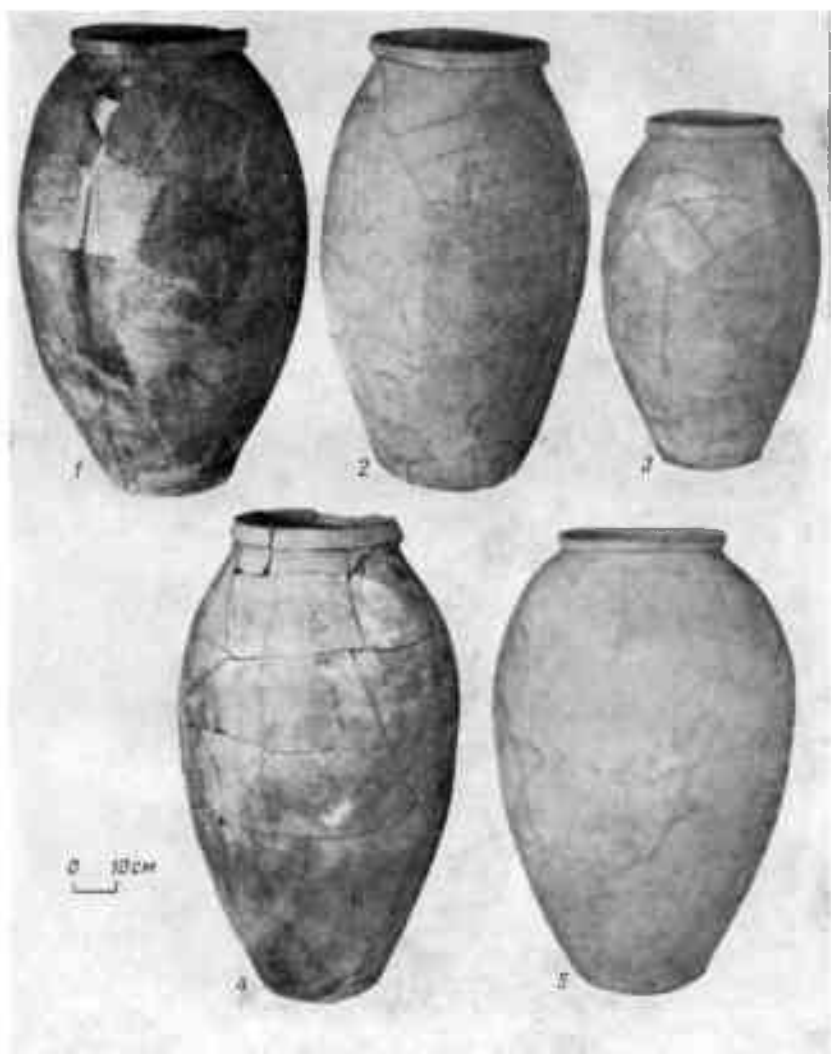

Табл. 4. Кайрагач. Хумы

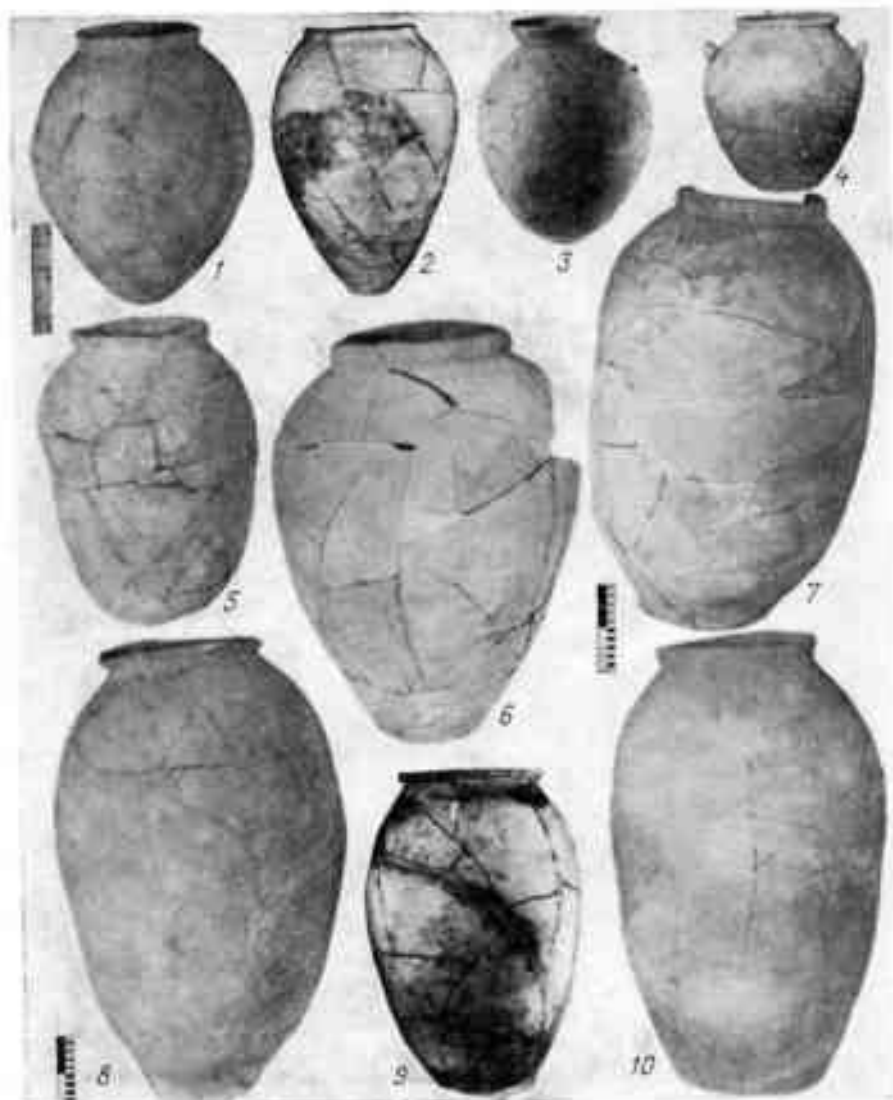

Табл. 5. Кайрагач. Хумь

Табл. 8. Венчики хумов из Газона (1—10), Телекоргона (11—13) и Курганчи (14—18)

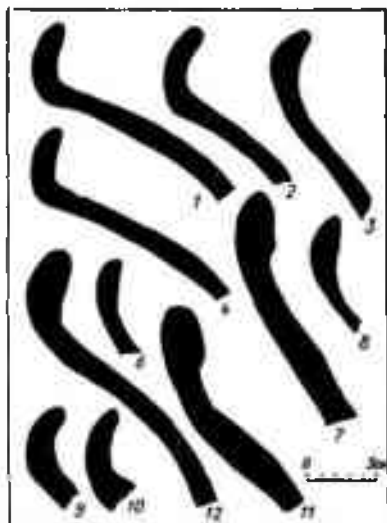

Табл. 6. Венчики хумов из Кайрагача

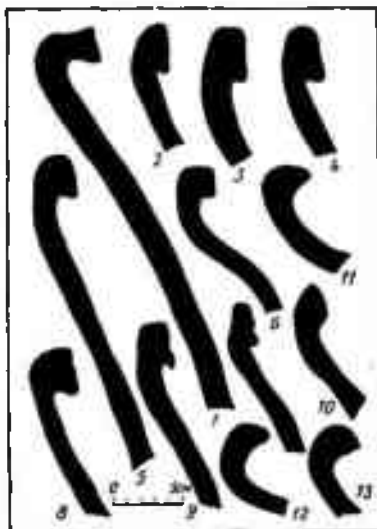
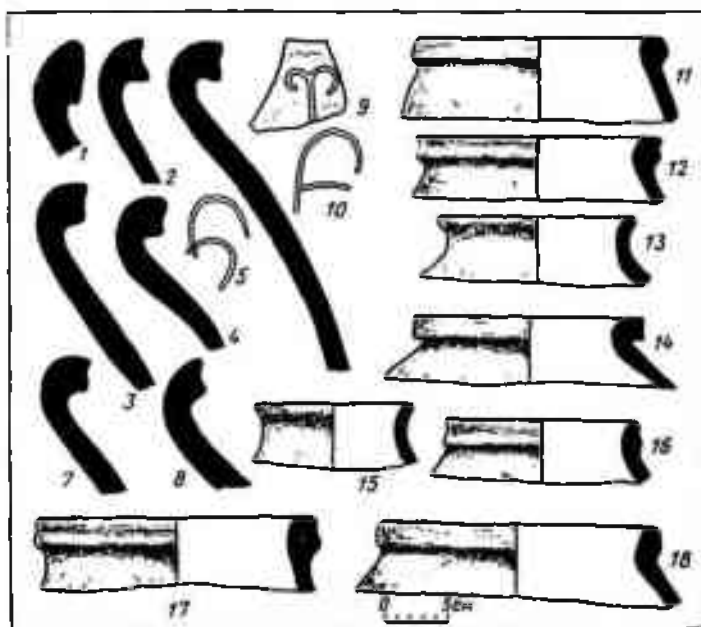

Табл. 7. Венчики хумов из Кайрагача

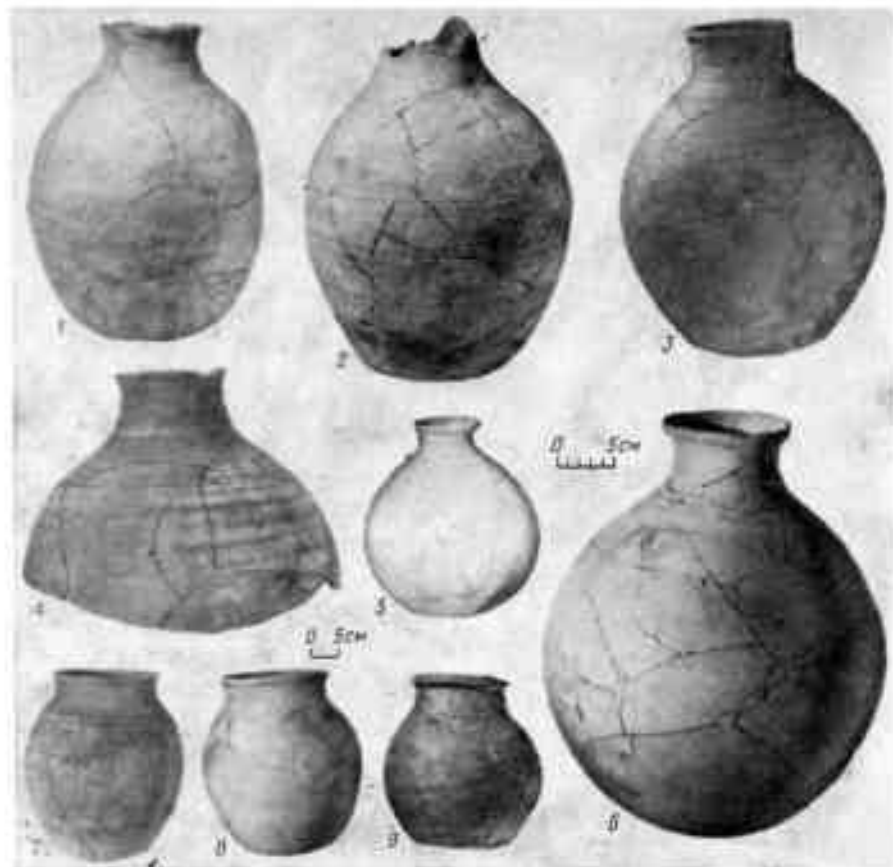
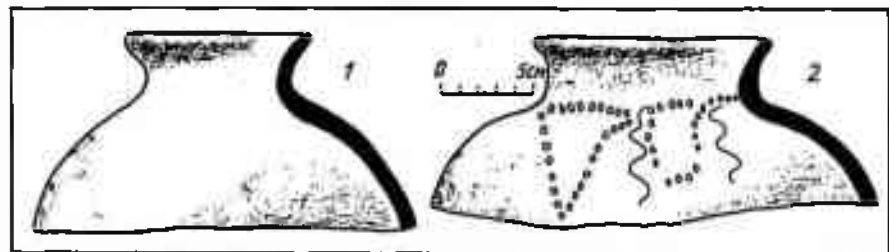

Табл. 9. Кувшины из Кайрагача, корчаги из Кайрагача

Табл. 10. Корчаги из Карабулака

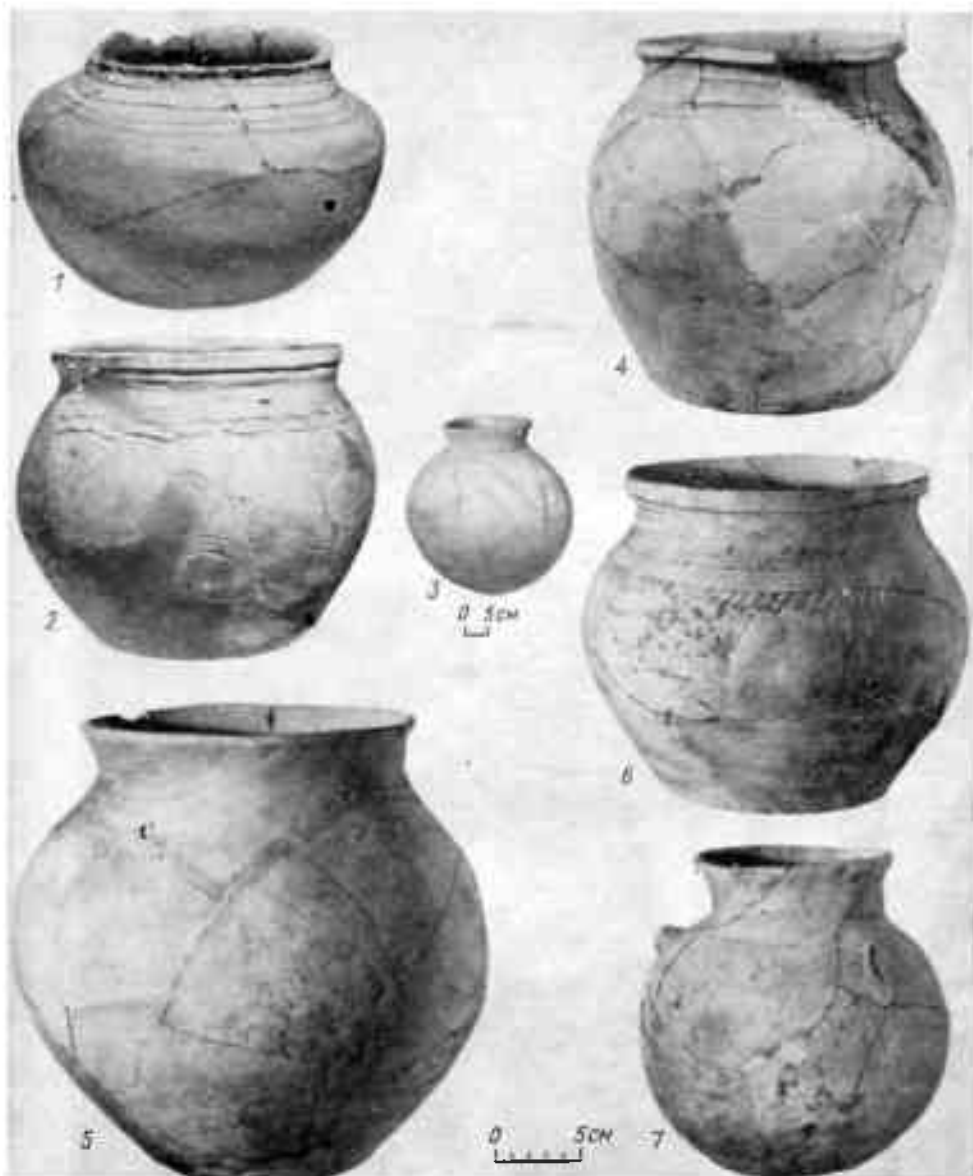

Табл. 11. Кайрагач. Горшки

Табл. 12. Горшки из Кайрагача

Табл. 13. Сосуд с носиком из Актепе (1), Тагоры (2,5—8), горшок (3) и сосуд баночной формы из Кайрагача (4)

Табл. 14. Котлы
из Карабулака

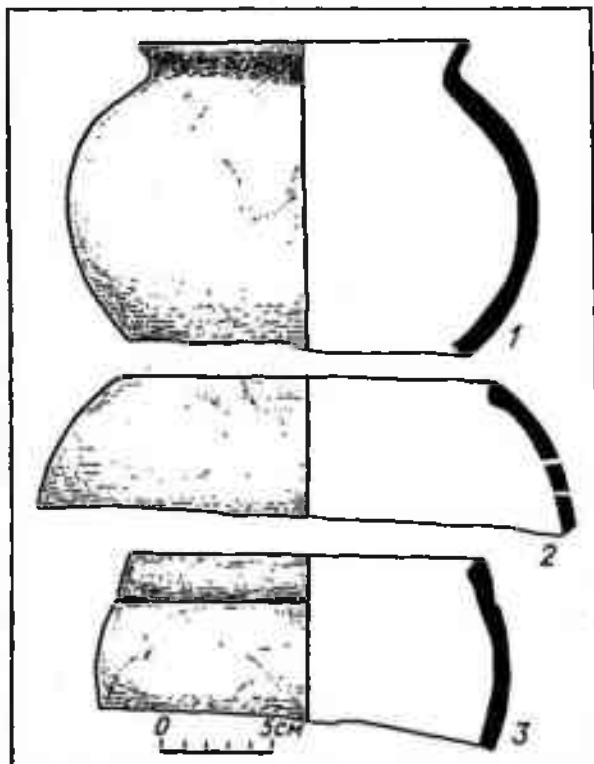
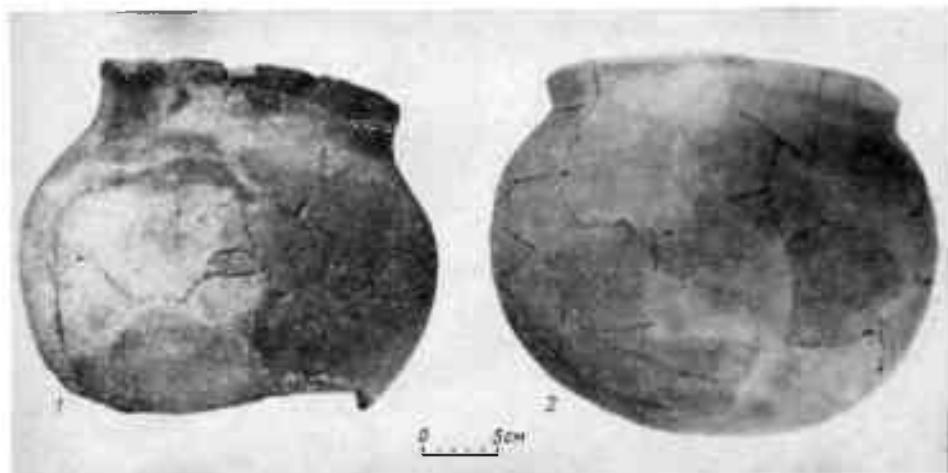
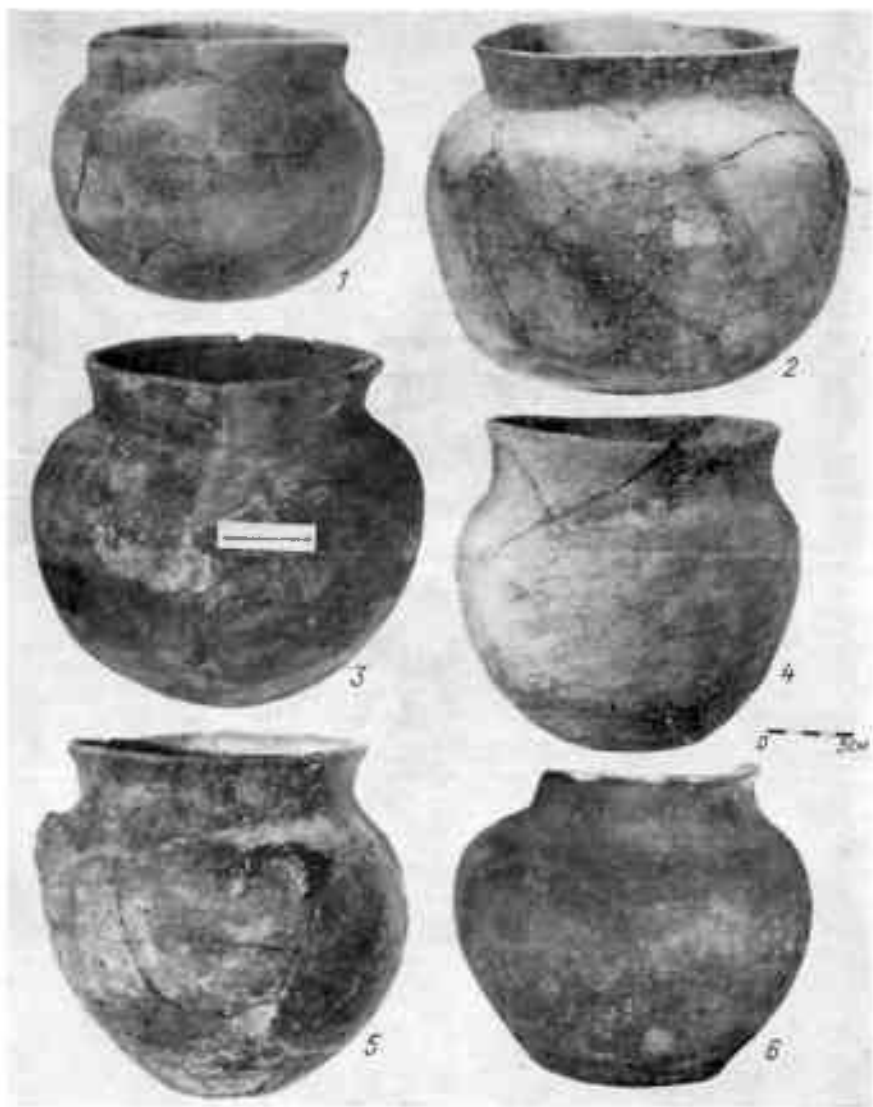

Табл. 15. Котлы
из Кайрагача (1-2)

Табл. 16. Котлы из Кайрасгача

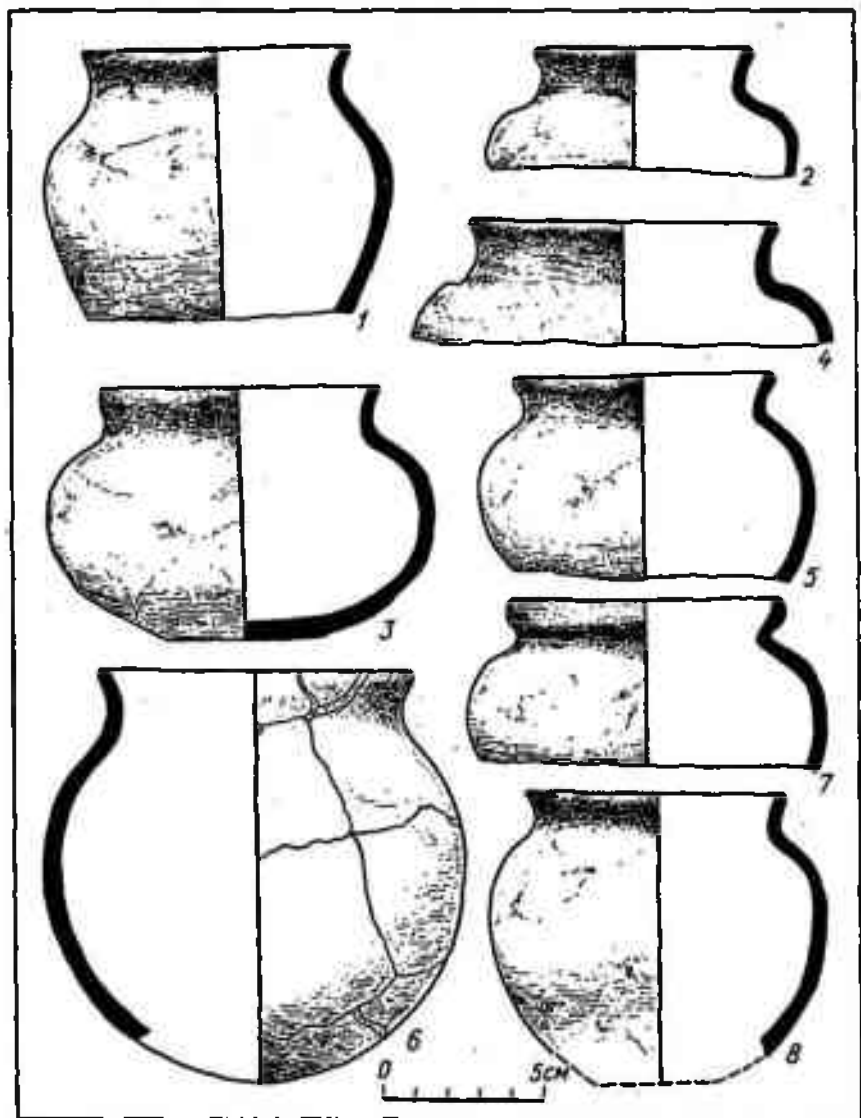

Табл. 17. Котлы из Кайрагачи

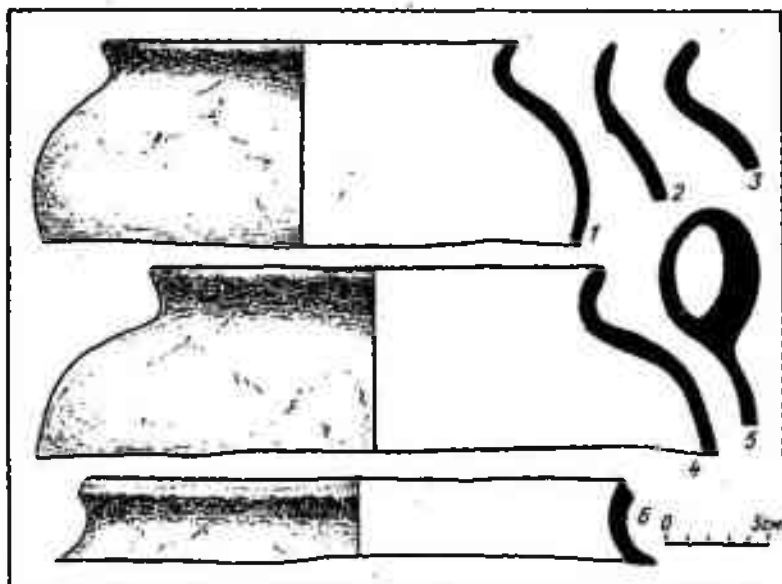

Табл. 18. Котлы из Тагона

Табл. 19. Кувшины из Кайрагача

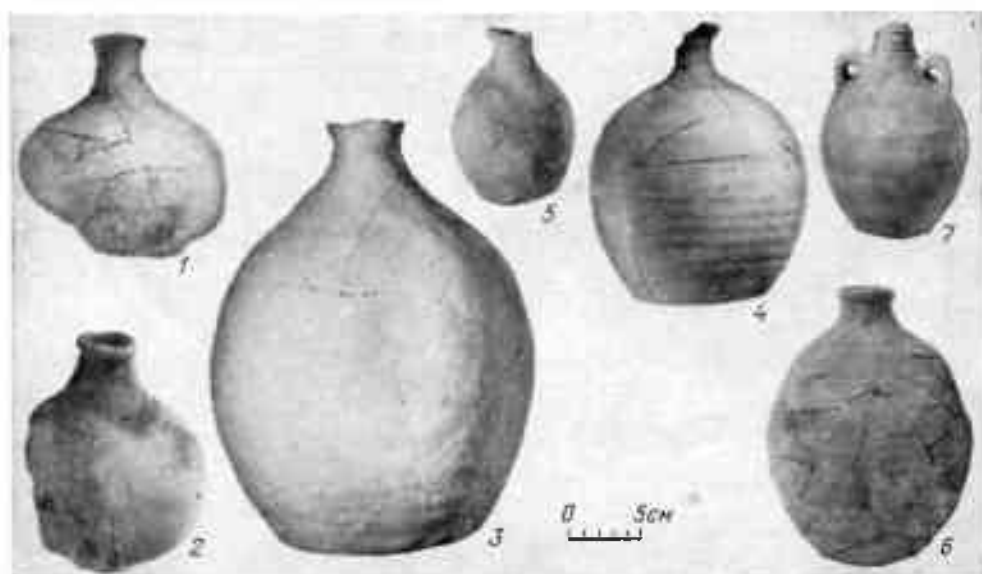

Табл. 20. Кувшины из Кайрагача

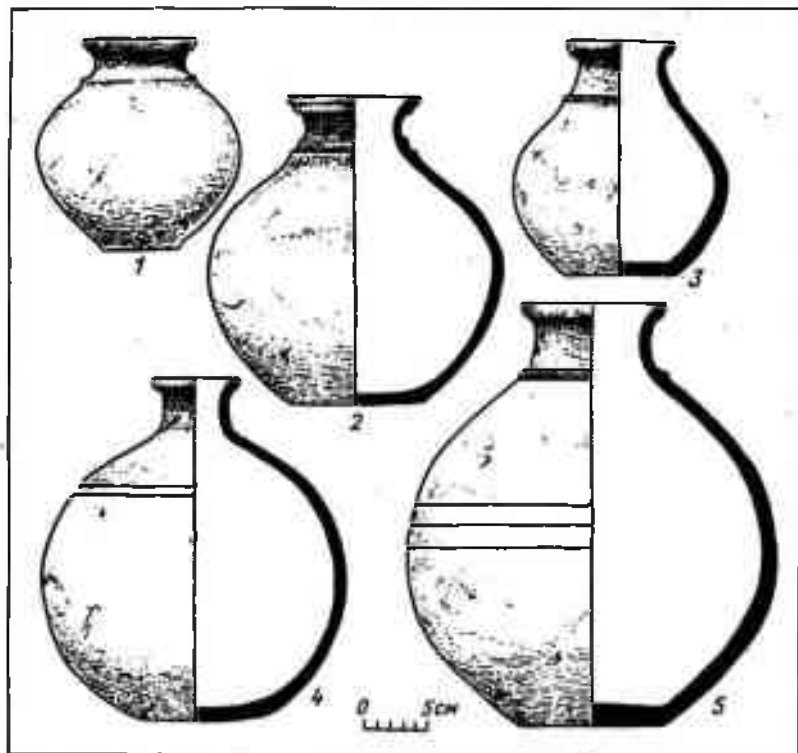

Табл. 21. Кушины из могильника Кайрагач

Табл. 23. Кушины (1,2 — из Кувы; 3 — из Тагона)

Табл. 22. Кувшины из Кайрагача

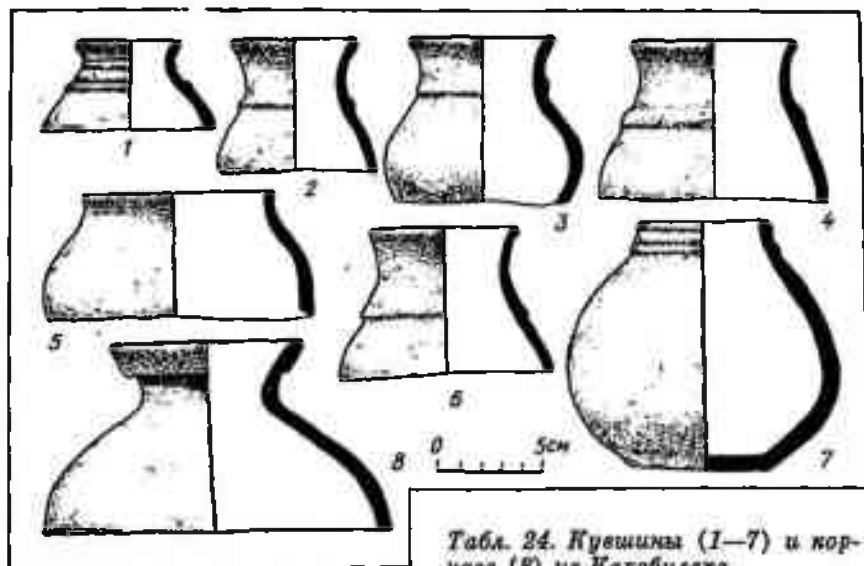
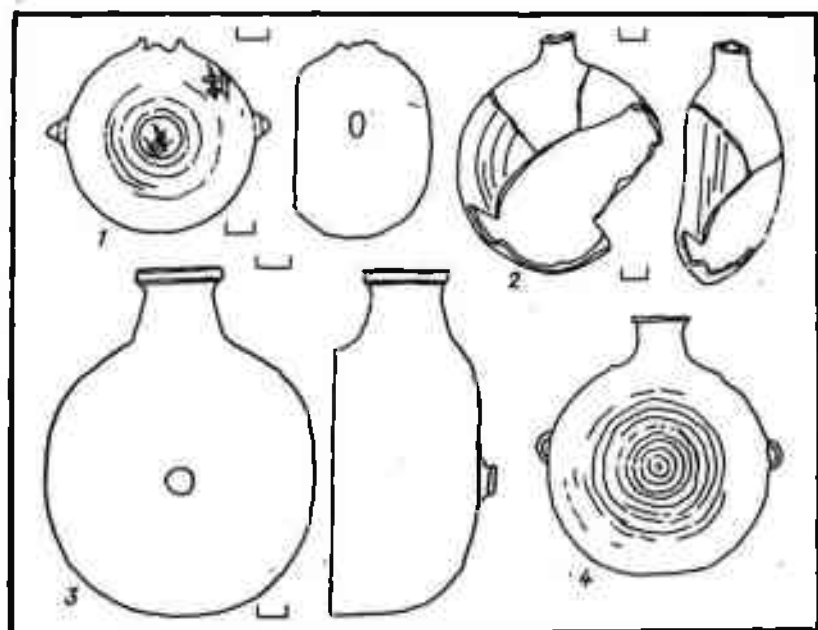

Табл. 24. Кушмы (1—7) и корча (8) из Карабулажа

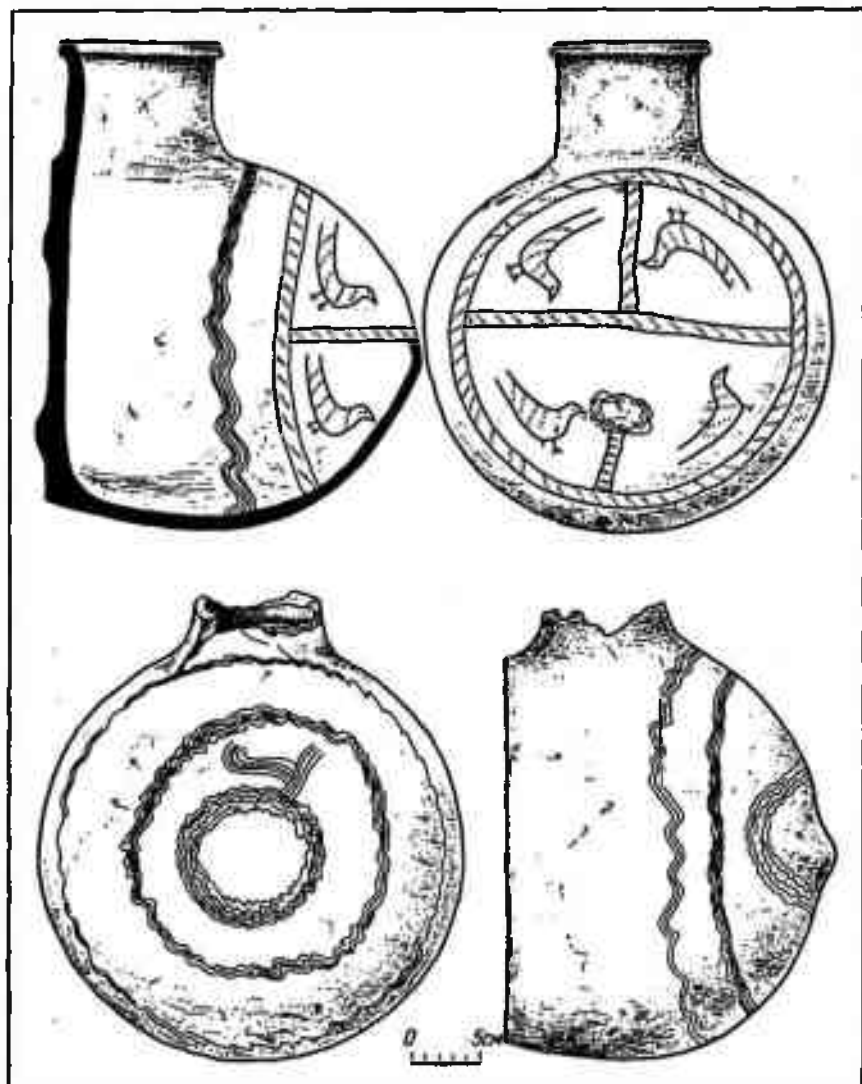
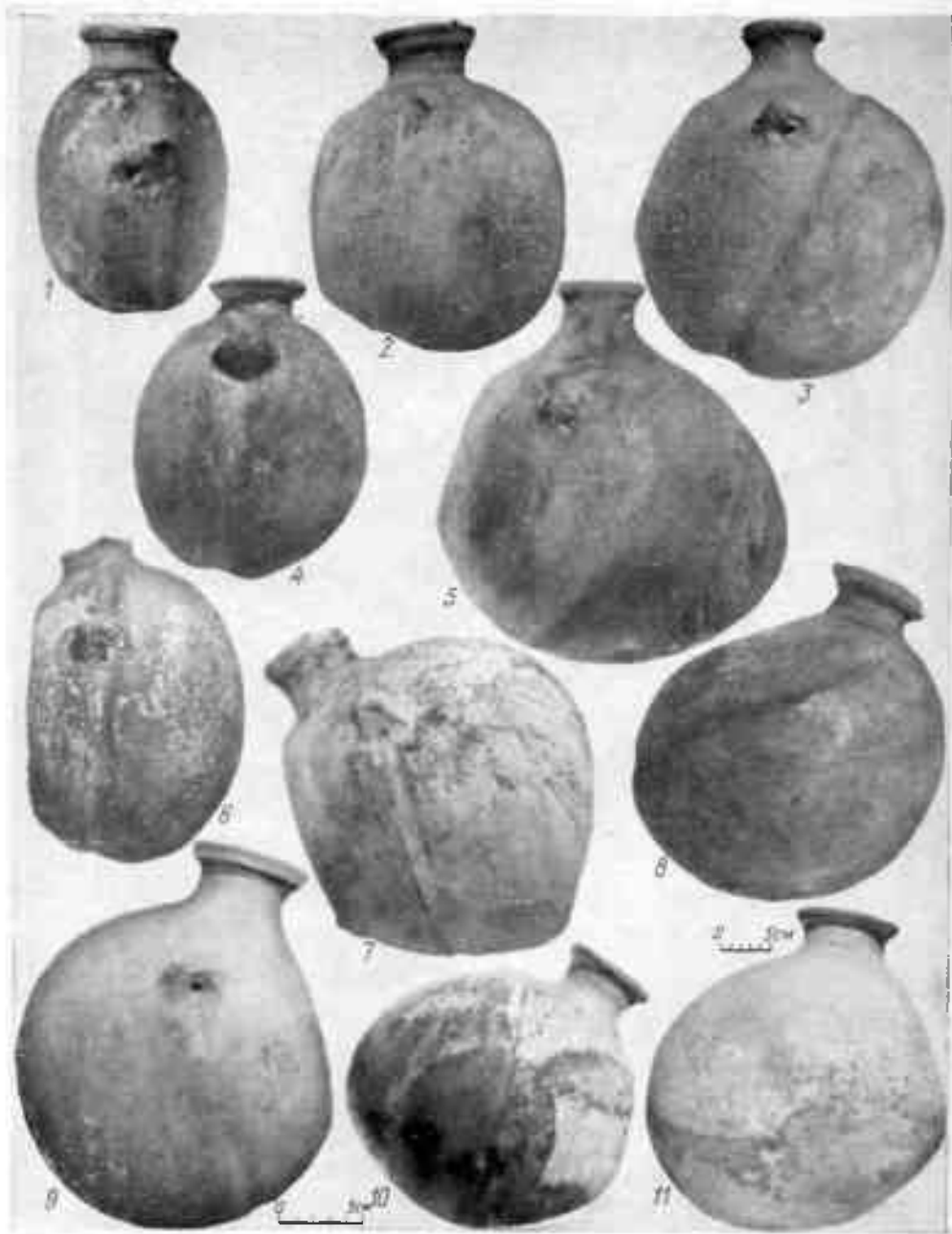

Табл. 25. Фляги из усадьбы Кайрагач

Табл. 26. Фляги из усадьбы Кайрагач

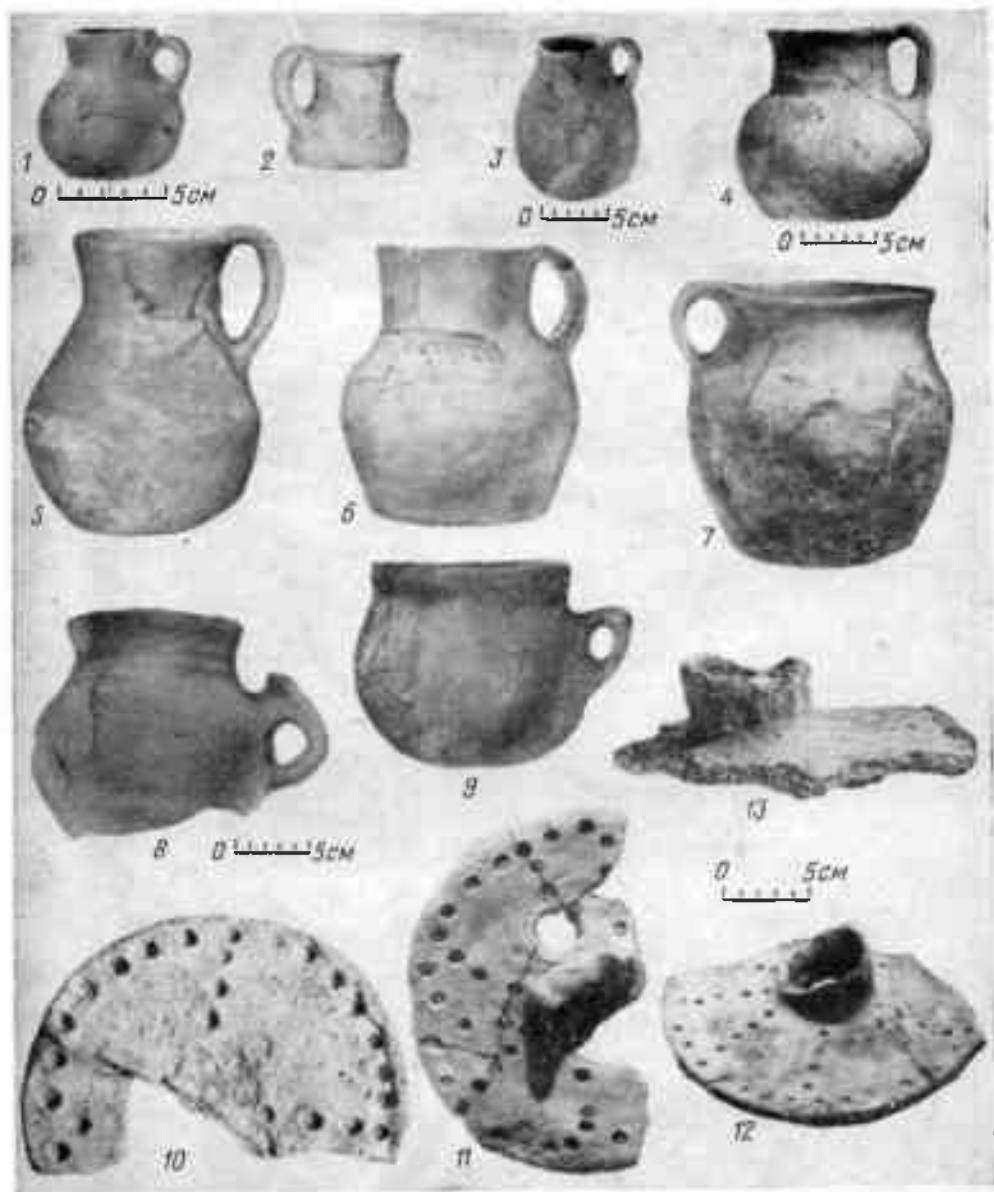
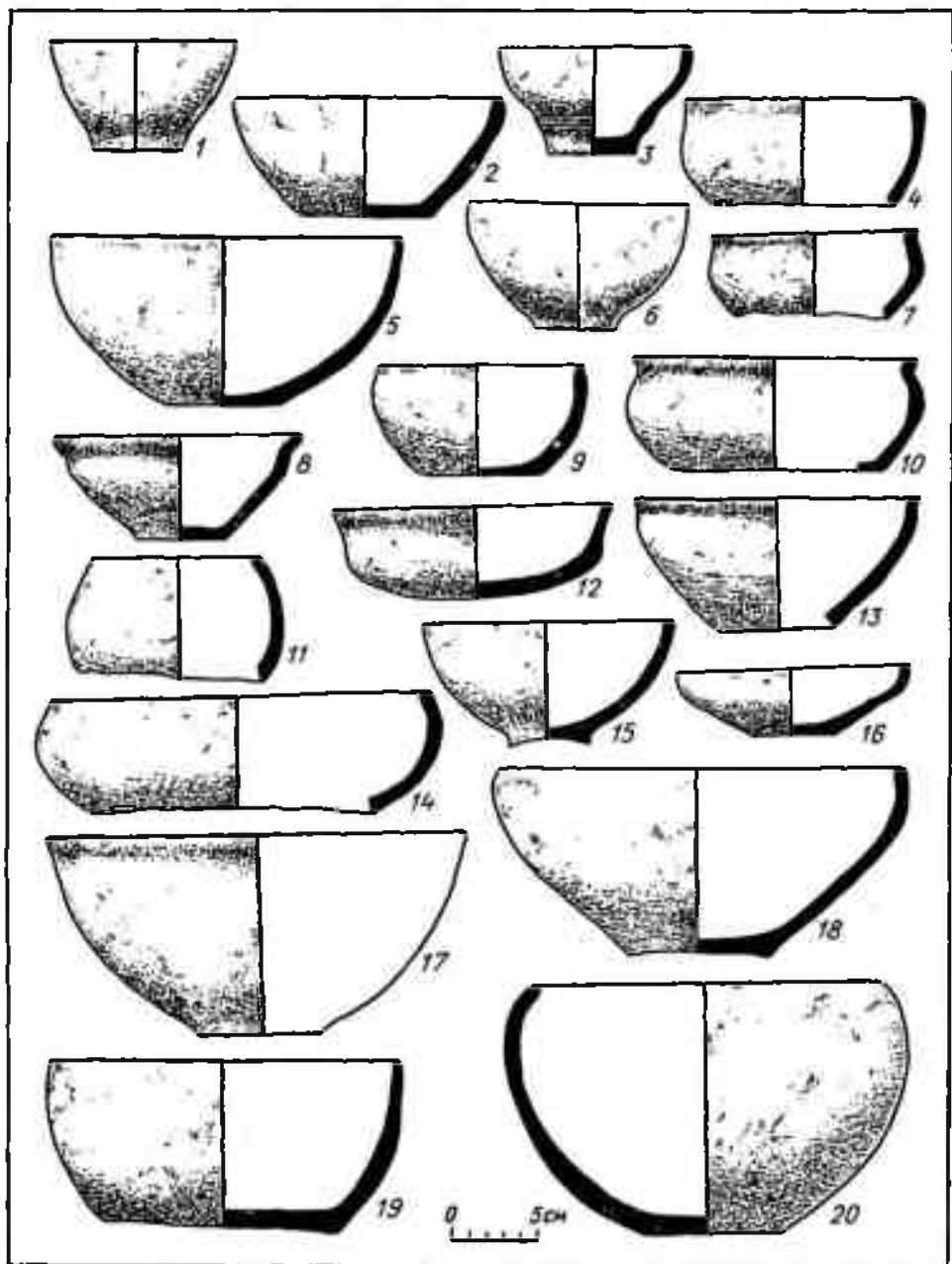

Табл. 28. Кружки из Кайрагача, крышки из Кайрагача

* Табл. 27. Фляги из могильника Кайрагач

Табл. 30. Кубки из Кайрагача

Табл. 29. Чаши: из Актепе (1), Андархана (19, 20), Тагана (3, 9), Карабулака (4, 5, 7, 8, 10-16, 18), из могильника Кайрагач (6, 17), из усадьбы Кайрагач (2)

Табл. 32. Тонкостенные сосудики из Кайрагача

◀ Табл. 31. Горшки из Кайрагача

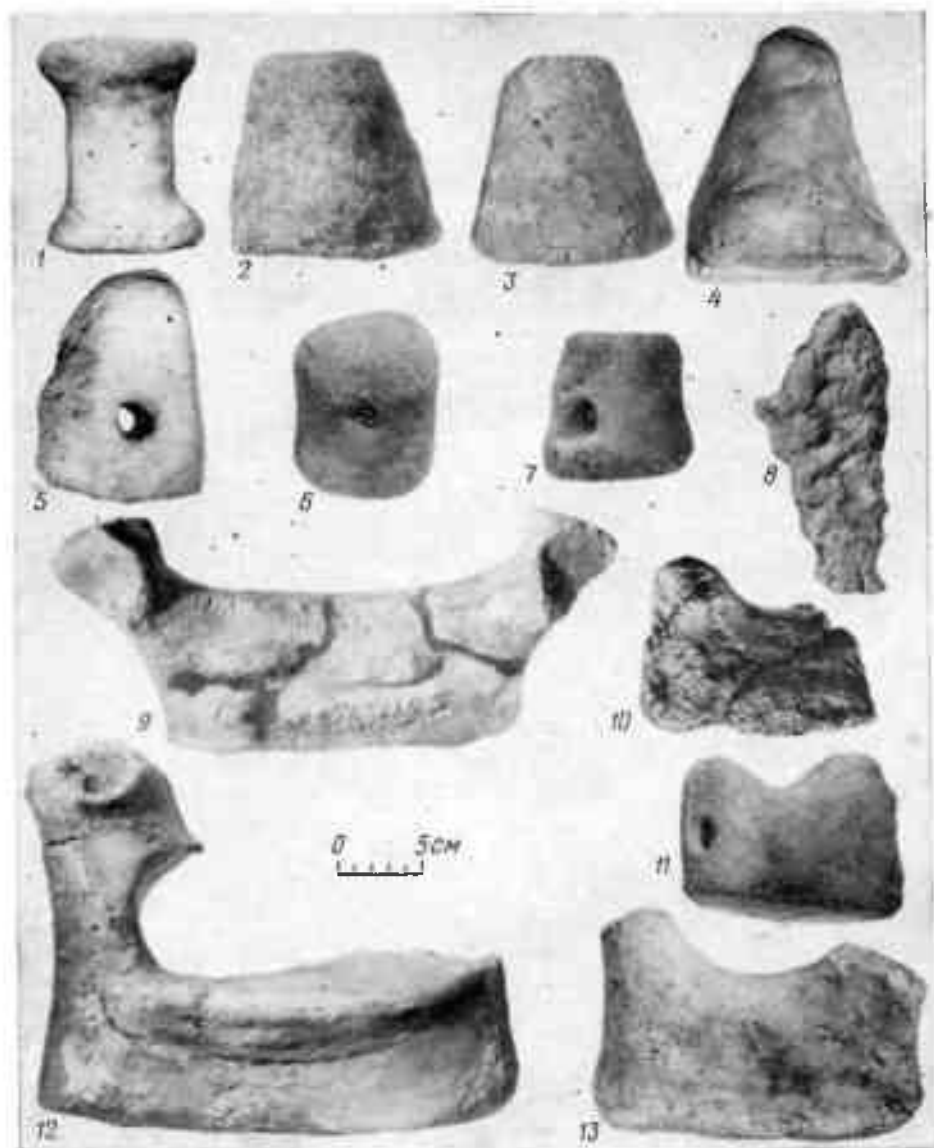
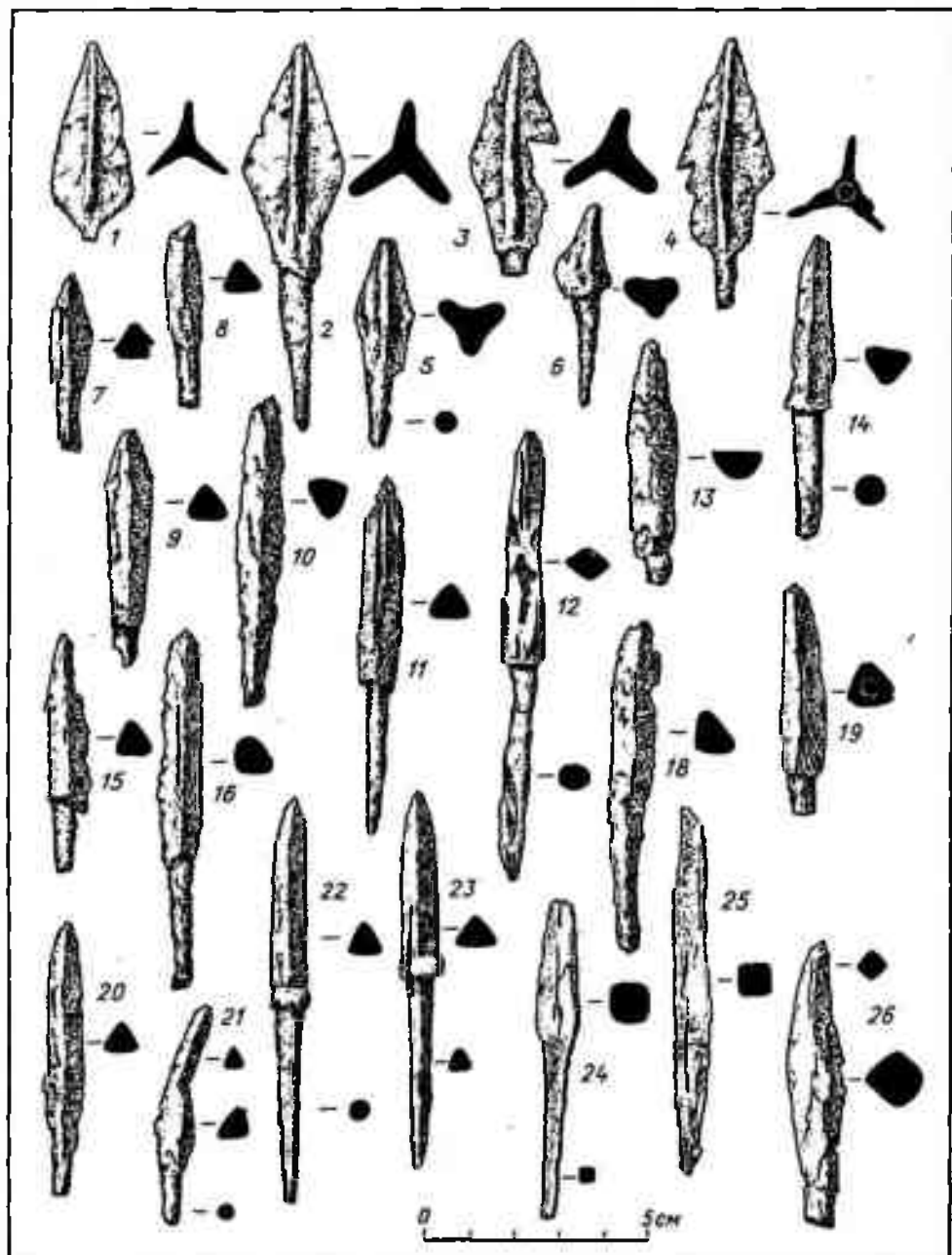
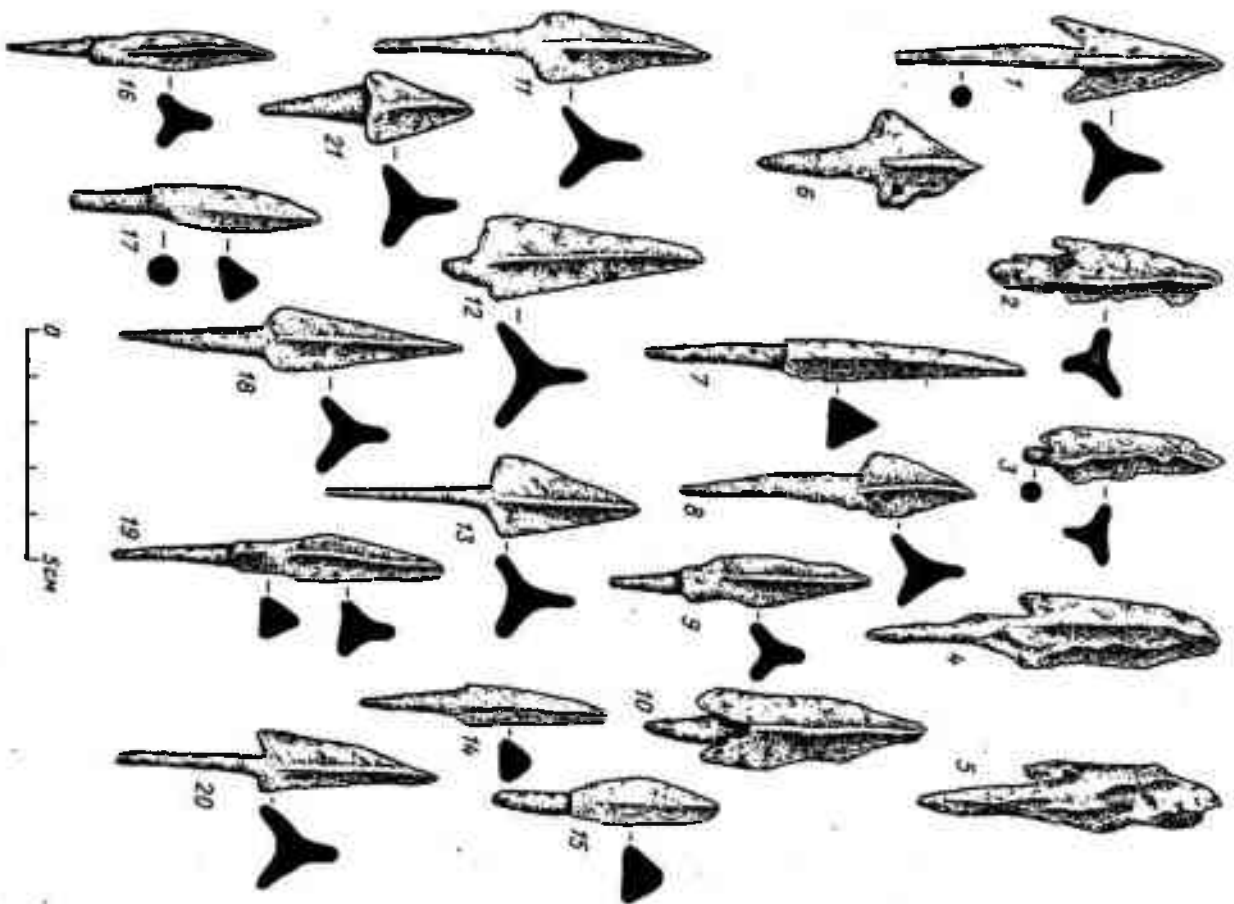

Табл. 33. Подставки из Кайрагача

Табл. 34. Наконечники стрел из усадьбы Кайрагач

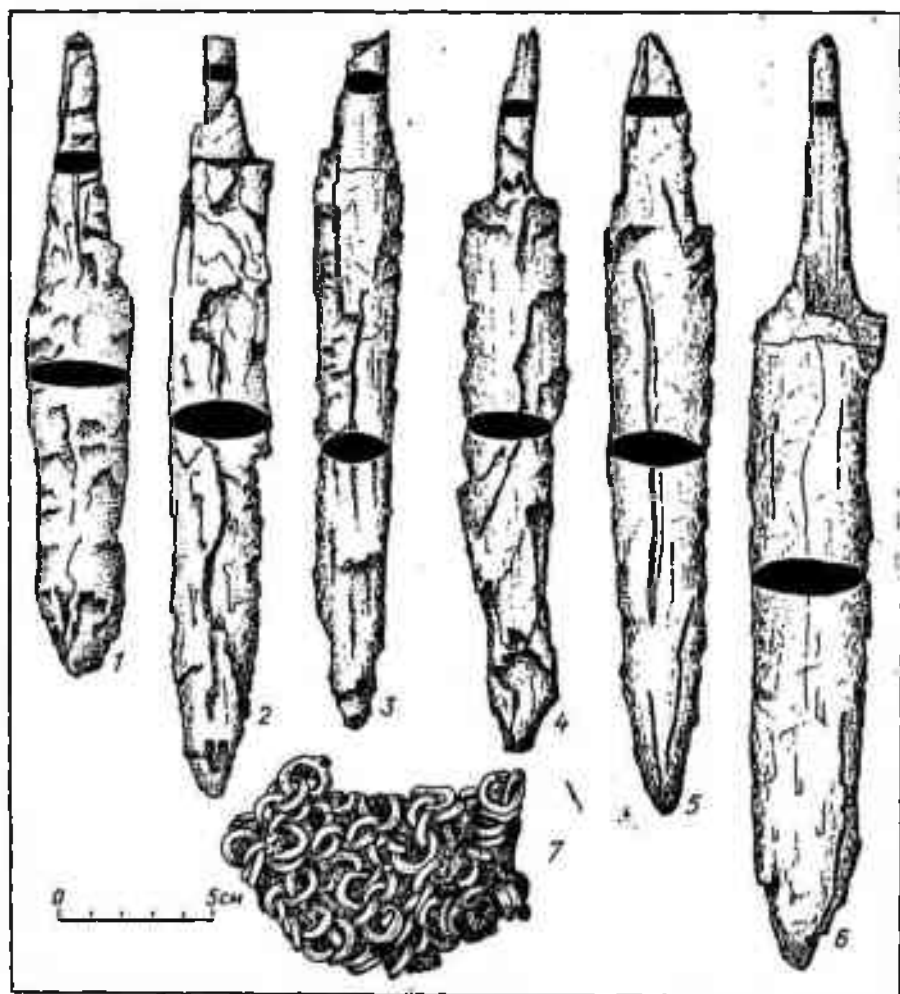

Табл. 36. Кинжал из святилища усадьбы Кайрагач, кинжалы из могильника Кайрагач, фрагмент кольчуги из усадьбы Кайрагач

Табл. 35. Наконечники стрел из могильника Кайрагач, из могильника Карабулак

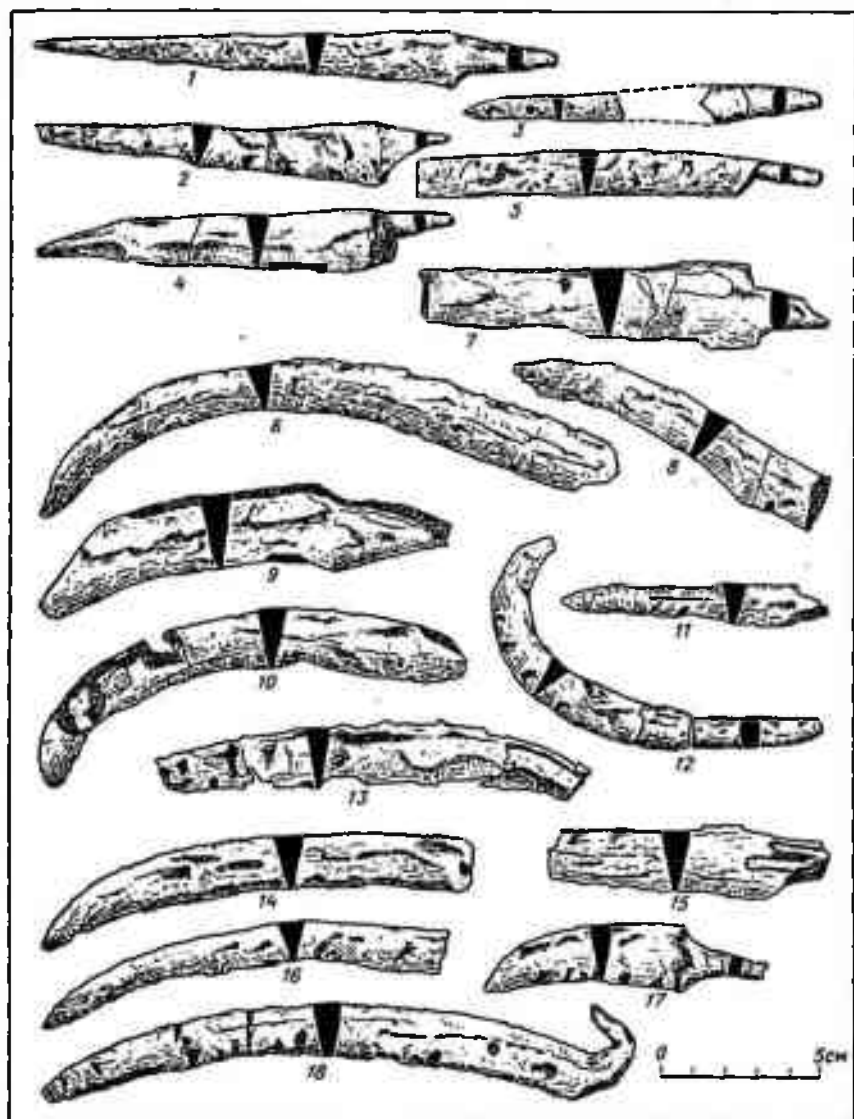
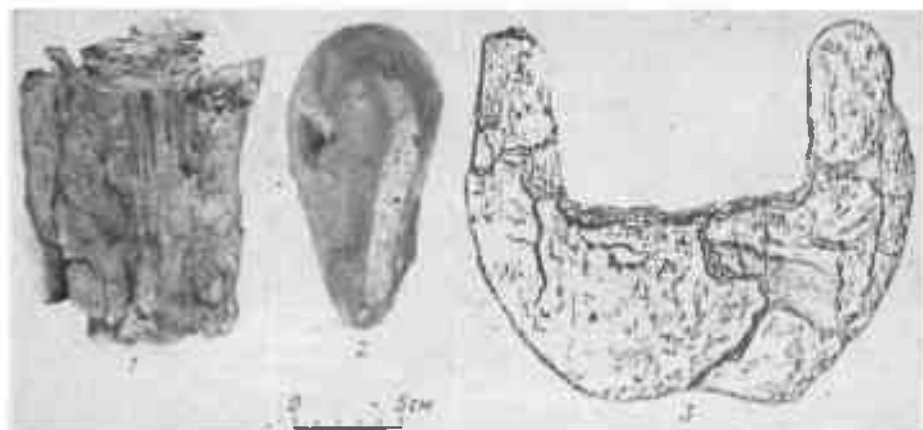
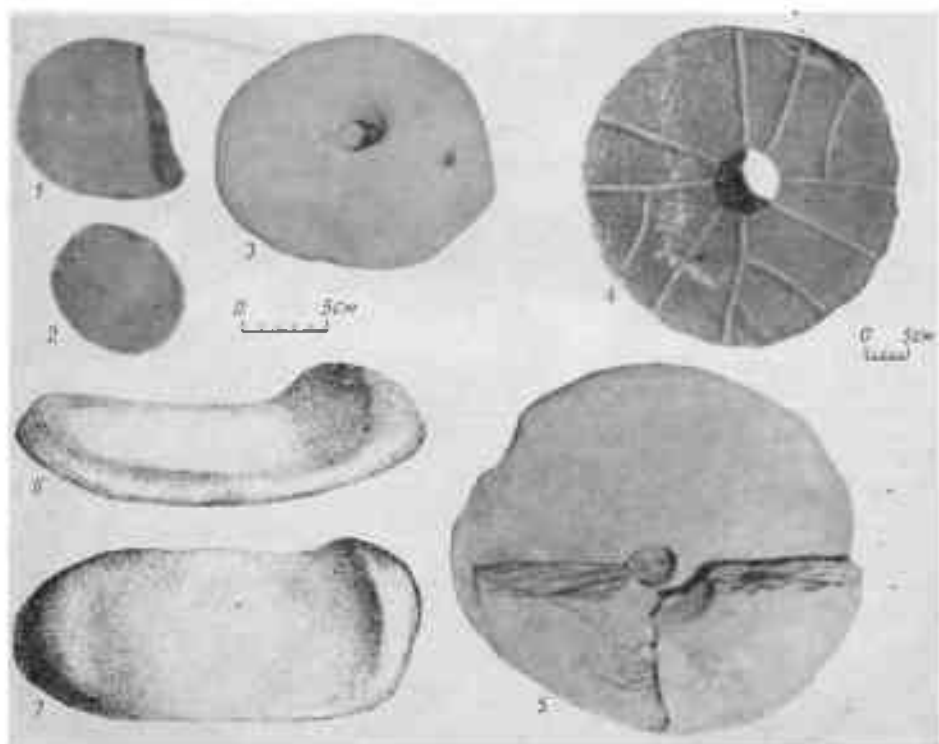

Табл. 37. Железные ножи из усадьбы Кайрагач (1–15, 17, 18), из Тагана (16)

Табл. 39. Зерноотерки (1, 2, 6, 7), жернова (3, 4, 5)

Табл. 38. Наковальня (1), топор (2), лезвие (3)

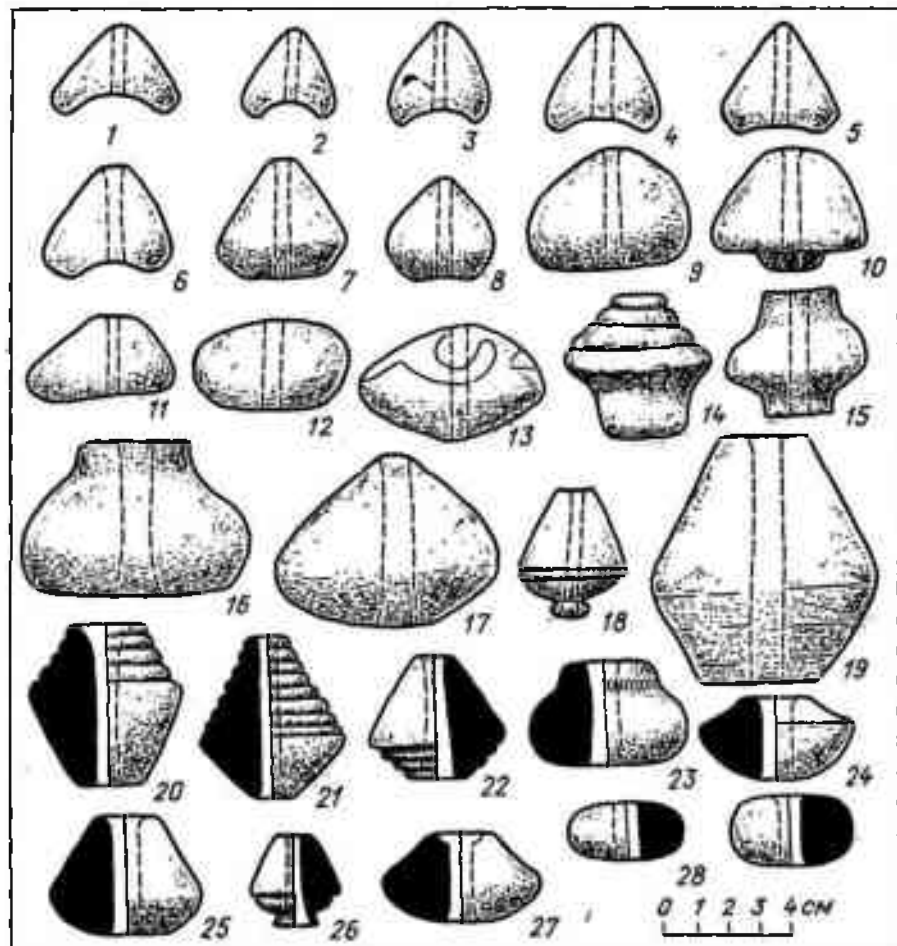

Табл. 40. Пряслица из усадьбы Кайрагач (1—19), из Исфаринских могильников (20—28)

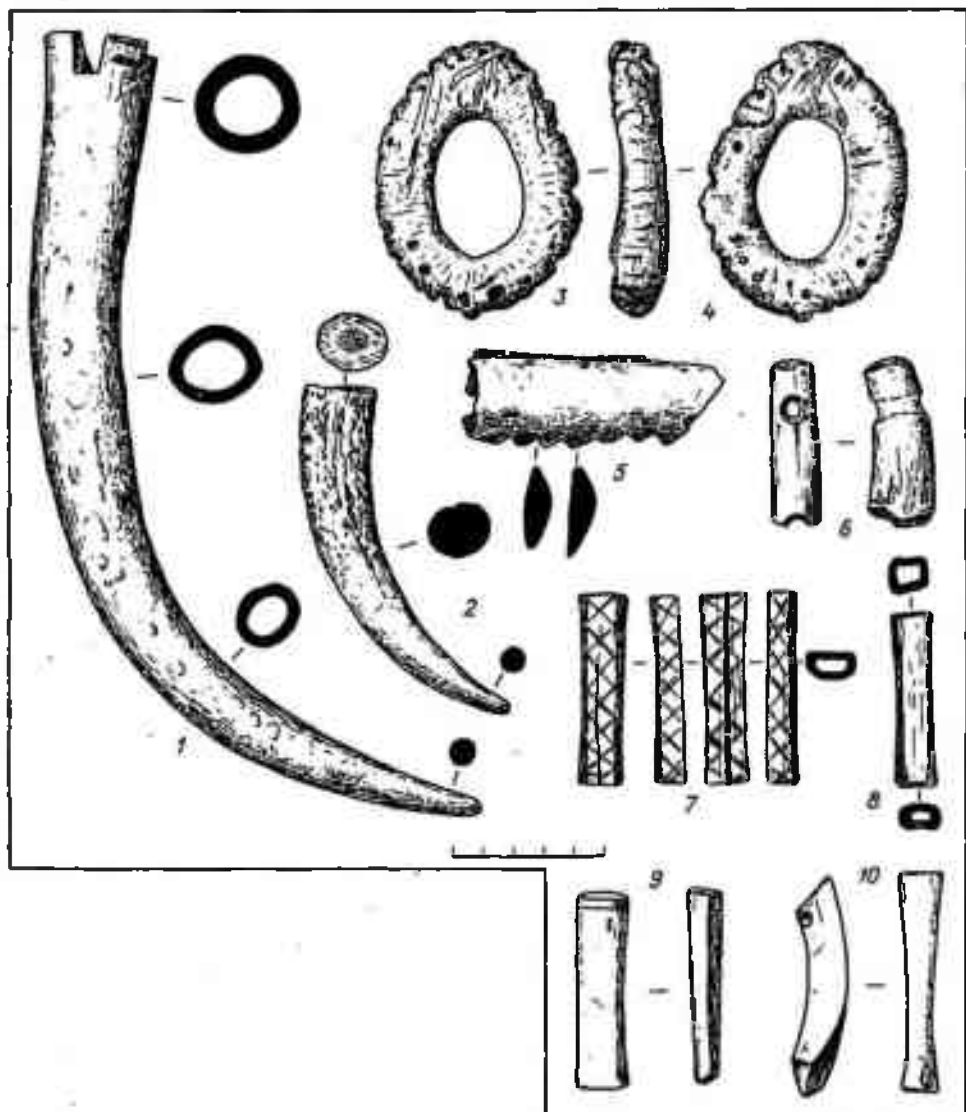

Табл. 41. Изделия из кости из Кайруана

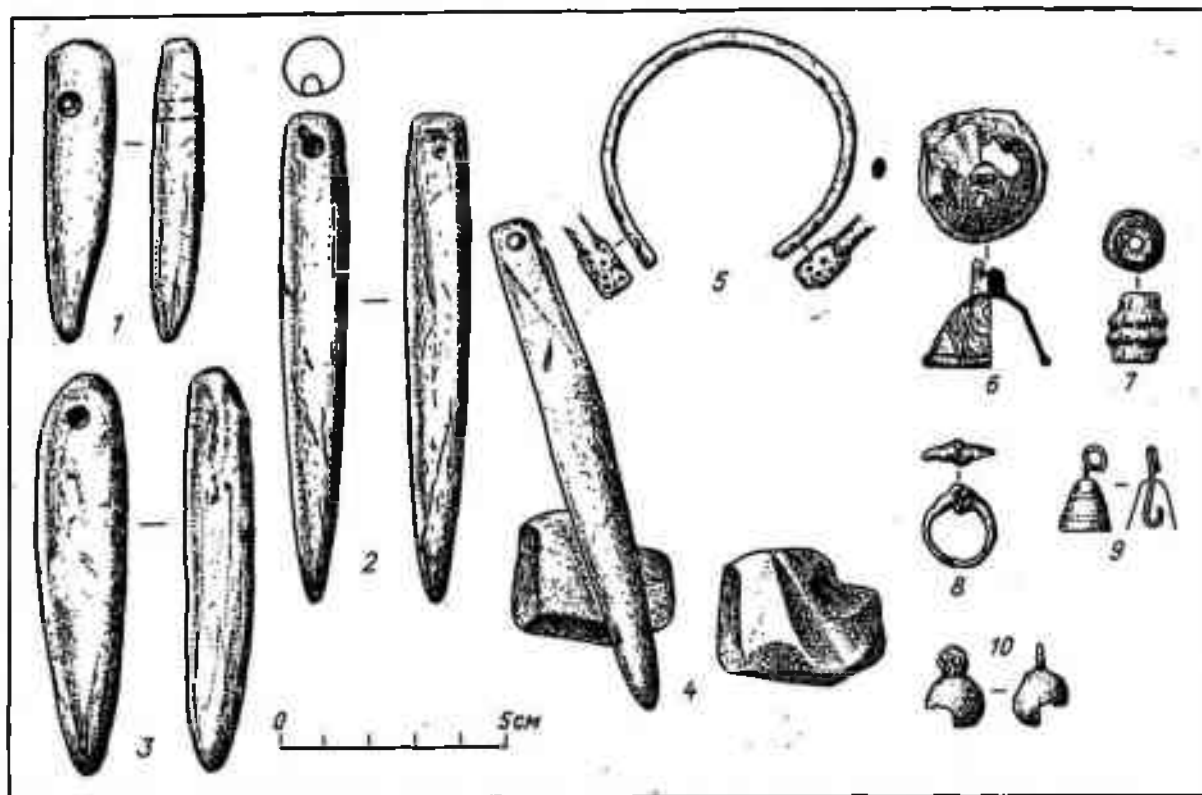

Табл. 42. Предметы гуагега и украшения: сурьмагаш (1—4), бронзовый браслет (5), бубенчик (6, 9, 10), бронзовый перстень (8), проицака (7)

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВА — Вопросы антропологии
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА — Институт археологии
ИАН — Известия Академии наук
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИООН — Известия Отделения общественных наук
ИТН — История таджикского народа
ИЭ — Институт этнографии
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР
МХАЭЭ — Материалы Хорвизмской археолого-этнографической экспедиции
НАА — Народы Азии и Африки
ООН — Отделение общественных наук
ПВ — Проблемы востоковедения
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТГИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ТОРГО — Туркестанский отдел Русского географического общества
ТОВЭ — Труды отдела Востока Эрмитажа
ТТГУ — Труды Ташкентского государственного университета
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
ЭВ — Эпиграфика Востока
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
SPA — Survey of Persian Art from prehistoric times to the present

Оглавление

Введение	3
Глава I	
Поселения Ферганы	7
Глава II	
Классификация находок	57
Глава III	
Некоторые вопросы верований древних ферганцев в свете раскопок усадьбы Кайрагач и ферганских курганов	88
Глава IV	
Некоторые вопросы этнической истории Ферганы . . .	117
Глава V	
Хозяйство	139
Глава VI	
Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н. э. . . .	144
Заключение	155
Приложения	160
Список сокращений	195

Галина Анатольевна
БРЫКИНА
Юго-Западная Фергана
в первой половине
I тысячелетия
нашей эры

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордына
Художник Н. И. Малышевская
Художественный редактор Н. Н. Власки
Технический редактор Р. Г. Грузинова
Корректор Г. Н. Лац

ИБ № 25216

Сдано в набор 4.02.82
Подписано к печати 7.06.82
Т-10518. Формат 70×90¹/₁₆.
Вумага книжно-журнальная
Гарнитура «обыкновенная новал»
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,06. Усл. кр. отг. 16,8
Уч.-изд. л. 16. Тираж 1600 экз. Тип. экз. 1364
Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве «Наука»
готовятся к печати:

Сыманович Э. А., Кравченко Н. М.

**Погребальные обряды
племен черняховской культуры.**

20 л. 2 р.

Выпуск содержит полную сводку погребальных памятников черняховской культуры II—V вв. на территории СССР. Детально рассмотрены особенности погребального обряда, дана характеристика всех памятников. Публикуется обширный картографический, иллюстративный, а также библиографический материал.

Для археологов, краеведов, музейных работников, историков, этнографов.

Дэвлет М. А.

Петроглифы на кочевой тропе.

8 л. 55 к.

В книге описаны наскальные изображения каньона верховьев Енисея — шедевры первобытного искусства, позволяющие восстановить историю древних жителей Тувы. Кроме рисунков, на скалах обнаружены рунические надписи, представляющие интерес для исследователей. Публикуемые материалы впервые вводятся в научный оборот и заслуживают внимания исследователей по вопросам истории племен Тувы в древности и средневековье. В работе представлены уникальные наскальные рисунки эпохи поздней бронзы и последующих периодов.

Для специалистов и более широкого круга читателей.

Алексеева Е. М.

Античные бусы Северного Причерноморья

(Свод археологических источников, вып. Д1—7).

20 л. 2 р. 40 к.

Книга является третьей, завершающей частью исследования. В ней рассмотрены украшения из полудрагоценных камней, кости, бронзы и полихромного стекла — самые массовые находки античных некрополей. В монографии имеются хронологические данные наборов бус и отмечаются своеобразия локальных территорий.

Для археологов, этнографов, историков, искусствоведов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370005 Баку, ул. Джанаридзе, 13;
- 320005 Днепронетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 864033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
- 252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
- 277001 Кипшинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
- 660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
- 220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

- 103009 Москва, ул. Горького, 19^а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект,
22 («Книга — почтой»);
142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Кни-
га — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — поч-
той»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунза, бульвар Дзержинского, 42 («Книга —
почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — поч-
той»)

